

А. С. Любимов

В походах и боях

О друзьях-товарищах...

Нижний Новгород
Издатель Ю. А. Николаев
2001

УДК
ББК
С

Любимов А. С.

В походах и боях. – Н.Новгород, Изд. Ю.А.Николаев, 184 с., илл.

Настоящие записки – еще один штрих к картине жестокого военного времени. Еще одна судьба, опаленная войной... Уходят старики, и хорошо, если находят силы, успевают рассказать, как жили, воевали... Чтобы помнили.

Мы были всякими, любыми,
не очень умными подчас.
Мы были всякими, но, мучась,
мы понимали: в наши дни
нам выпала такая участь,
что пусть завидуют они...

Павел Коган

«Отцу от уходящего на фронт
сына. 3/VII- 41г.»

От автора

Автор книги, Любимов Александр Степанович, сын крестьянина из уральского села Аятское, Невьянский район, Свердловской области, Любимова Степана Васильевича. Участник Отечественной войны. В ходе боевой жизни прошел путь от рядового до командира батареи БМ-13, офицера штаба артиллерии 1-й ударной армии. После войны – учитель, работал на Урале и в городе Кирове (школы № 15 и № 10).

В настоящее время пенсионер, проживает в городе Кирове, что на Вятке-реке.

Своей книгой «В походах и боях» хотел напомнить сегодняшним молодым людям, сильным и красивым, но часто невдумчивым и беспечным, о суровой жизни людей военного времени; рассказать о грозном оружии РС (реактивные минометы), творении русских людей. Батареи, дивизионы и полки РС – были грозной силой советской армии в боях с немецкими захватчиками. (Как ни странно, в русской литературе послевоенного периода почти ничего нет об этом оружии и о людях, которые воевали в дивизионах и полках РС).

Рассказом о трагедии 33 армии хотел подчеркнуть, что многие генералы (особенно в первый период войны) боялись брать на себя ответственность за судьбу вверенных им людей. Таков был генерал Ефремов. Он привёл 33-ю армию под Вязьму, атаковал её, а взять не мог. Армия оказалась в окружении. Надо было пробиваться к своим, а он ждал приказа Сталина на отход. Приказа вовремя не получил – и погубил армию. Это его беда. Он так был воспитан.

Заранее благодарю читателя за внимание к моей книге.

А. С. Любимов
Август 2001

Автор книги благодарит за помощь в её редактировании и издании Любимова Владимира Александровича, Мосягину Асию Рашитовну, Мосягина Валерия Александровича, Хабибуллина Алексея Рашитовича, Хабибуллину Людмилу Александровну и Хабибуллина Рашита Денисламовича, Николаева Юрия Андреевича.

Начало войны

Шел май 1941 года. Партийно-комсомольский актив г. Молотова (Перми) пригласили на лекцию о международном положении в актовом зале сельхозинститута. Лекцию читала лектор ЦК тов. Ярославская. На лекции присутствовала и группа студентов III курса пединститута, был и я, Любимов А. С. Лектор ЦК сообщила, что обстановка очень напряженная: на западной границе СССР замечено продвижение немецких войск, сосредоточение их; немецкие самолеты больше 200 раз нарушали наше воздушное пространство...

Зал молчал. У всех в головах была одна мысль: надвигается война... Присутствующие молча покидали зал. Когда мы, студенты, шли домой, кто-то из моих товарищей (не то Николай Соболев, а может и Леня Злобин) промолвил: «Хорошо, если немец нам даст сдать экзамены».

А жизнь шла своим чередом прошел май, а в июне начинались экзамены. Сдавали экзамены и мы, студенты III курса литературного факультета. Занятий в институте не было, шли консультации и экзамены. Все усиленно штудировали конспекты лекций, учебники. А вечерами в общезажитии заводили патефон – и начинались танцы. О надвигающейся войне не говорили. Газеты и радио о войне тоже вещали мало. Так было и в субботу, 21 июня 1941 года.

II курс Молотовского (Пермского) педагогического института, 1940 год.

1 ряд, слева – Сергей Владимиров; в центре – профессор Боголюбов, Саша Горбунов, Алексей Аksenov, Степан Ипанов; 2 ряд – Луша Бутырина, в светлой кофточке; последний ряд, слева – три друга: Степанов (танцор), рядом Вайман и Вагнер (все трое избежали войны). Справа стоит Любимов А., за ним Зина Краюшкина

А утром, воскресным утром, я и мои товарищи, позавтракав в студенческой столовой (по карману), отправились в городскую библиотеку, чтоб готовиться к очередному (а может, к последнему) экзамену. Взяв книги, я занял место за столом. Читальный зал был, как всегда, заполнен студентами. Каждый делал свое дело. И вдруг

по залу пронеслось тревожное слово – «война».

Ребята стали группироваться. Ко мне тоже подошел мой товарищ Николай. «Слушай, Саша, все говорят: война началась. Немцы напали...» Я снова окинул взглядом читальный зал: зал гудел, всех охватила тревога. Я предложил товарищу: «Давай, Николай, выйдем на улицу: улица все скажет». И, оставив книги на столе, мы пошли к выходу. Выйдя из здания библиотеки, увидели: около столба, на котором был укреплен репродуктор, толпилось человек 10 – 15. Репродуктор кричал: «...Немцы без объявления войны начали бомбить наши города...» По дороге неторопливо шла лошадь, впряженная в телегу. В телеге, держа вожжи, сидел пожилой мужчина. Поравнявшись с людьми у столба, слушавшими тревожные вести по радио, он остановил лошадь и прислушался. А репродуктор бросал в толпу: «Наши части на западной границе ведут ожесточенные бои...» Мужчина на телеге, услышав эти слова, крепко-крепко кого-то послал к матери и, натянув вожжи, ударил хлыстом по лошади. Лошадь вздрогнула и легкой рысцой тронулась по дороге...

Так для меня и моего друга в июньское утро 1941 года началась война.

Мы вернулись в читальный зал. Он был уже пуст. Мы тоже забрали свои тетради, книги, библиотечные – сдали, и пошли в общежитие. Было уже не до учебы...

На другой день в актовом зале института шел митинг. Ораторы с трибуны, профессора и студенты, выливали свой гнев на фашистов. «...Фашисты получают отпор... Мы грудью встанем за Родину свою...»

Ко мне подошла Луша Бутырина, милая девушка, студентка из нашей группы, и попросила: «Саша, скажи что-нибудь. Иди и скажи...» Я не знаю, почему она обратилась ко мне. Но ее черные глаза, вчера насмешливые, сейчас серьезные, просили: «Иди, иди. Ты скажешь, скажешь...» И я пошел к трибуне, мне предоставили слово.

«В нашей семье три брата. Младший сейчас служит в армии. Завтра уйду на фронт и я. Старший брат Алексей – секретарь Свердловского горкома комсомола. Если будет трудно стране, то и он пойдет на фронт. Я верю, мы победим».

Потом говорили другие – и все: победим, победим, враг будет разбит...

А на другой день я заболел: поднялась температура. Провалился несколько дней. Кто-то из ребят нашей группы пришел меня навестить. У меня все держалась температура. Товарищ рассказал,

чем живет институт, а потом добавил: «Мы написали заявление в военкомат, чтоб нас взяли на фронт. Подпишись...» И я поставил свою подпись.

А дня через два-три я пошел в институт: надо было сдать еще один экзамен и узнать, что там творится. Экзамен я не сдал, а вместе с товарищами направился в райком партии, где заседала приемная комиссия, отбиравшая добровольцев на фронт.

Медицинской комиссии не было, за столом сидели представители райкома партии и военные. Спрашивали мало:

– Заявление на фронт писал?

– Писал.

– А как здоровье?

– Нормальное.

– Значит, на фронт?

– На фронт...

Записывали в список добровольцев и отпускали, напутствуя: «Готовься в армию. Сообщи...» Так было и со мной, и с другими. И видимо, каждый, подумав, сказал себе: завтра – послезавтра на фронт. Это зловещее «фронт» пугало и манило.

Конечно, не все из ребят-однокурсников писали заявления с просьбой направить на фронт. Были и другие. У одних были семьи, у других – другое...

А нас, студентов пединститута г. Перми, человек двадцать, отборочная комиссия зачислила в ряды добровольцев-политбойцов Урала. Из нашей группы студентов III курса я был один. 3 июля первый отряд добровольцев г. Перми отправился на фронт.

А у меня был еще не сдан экзамен по литературе XIX века. Сдавал я его на квартире профессора Боголюбова, Евгения Ивановича. Седой профессор, увидев меня, спросил: «Слушаю вас, любезный...»

«Евгений Иванович, я уйду на фронт добровольцем. Сбор 3 июля. Примите экзамен по литературе». Помолчав, добавил: «Может, вернусь...»

Он вытащил из стола стопку экзаменационных билетов, положил на стол и сказал: «Берите, берите» (я не ожидал, я думал, что он без ответа мне в зачетку поставит отметку: я ж уйду на фронт...)

Я взял верхний листок: «Н. В. Гоголь “Мертвые души”. Образы богатырей-крестьян». Билет счастливый. Я ответил. Профессор выслушал меня, взял зачетку и поставил «5». Пожал руку и пожелал: «Счастливого. Возвращайтесь живым...»

А вечером в квартире Саши Горбунова, студента нашей груп-

пы, мне устроили прощальный ужин. Кто его организовал, я и сейчас не знаю, а тогда не спрашивал. Но было приятно и тревожно. Прощались с товарищем, идущим первым на фронт. Я был взволнован: не ожидал такого. Все было скромно: чай, закуска... А была водка?

– не помню. И я, и мои друзья водкой не грешили.

На фронт. 3 июля 1941 г., город
Молотов

А утром 3 июля 1941 года студенты, преподаватели, сотрудники Пединститута собрались во дворе медицинского института (здание нашего института готовилось к приему раненых), чтобы проводить на фронт группу своих товарищей. В этой группе было человек 25 (точно не знаю). Уходили первые добровольцы защищать Родину от фашистов: Николай Аксенов (математик, родом из Москвы), Леонид Силин (историк), Кобяшев Герман, Григорий Никитин и другие – молодые, красивые, сильные. Среди них и я, Любимов Александр. Ни ростом, ни силой, ни красотой – ничем не

выделялся. Как и других студентов, меня провожать пришел весь наш курс...

Гремела музыка, звучали речи. Я ни одного слова, ни одной фразы не запомнил. Нас, уходящих на фронт, выстроили в один ряд. Все одеты были в обычную гражданскую одежду. У меня и костюма хорошего не было, не было и хороших ботинок. Был в косоворотке, в черной (может, это была моя лучшая рубаша), в потрепанном пиджаке и залатанных брюках (одежда меня никогда не смущала: что было, то и носил), а за плечами мешок из полотенца, а вместо ремней – шелковый белый пояс (пиджак расстегнут).

Отшумели речи, и мы попрощались с друзьями. Грянула музыка – и наша группа добровольцев-студентов педагогического института, сопровождаемая друзьями и близкими, вышла на улицу, чтоб слиться в общий поток людей, уходивших на фронт и провожавших их. Шли по главной улице города к вокзалу: там был сборный пункт.

Я не помню, кто меня провожал до вокзала. Не помню. Наверное, Леня Злобин, но что-то я его не вижу. Не помню. С девчон-

кой, с которой дружил, поссорился...

Дошли до вокзала. Провожаящие отстали, а мы оказались за забором, и нас тут же начали «обрабатывать»: машинкой снимали волосы. И мы все стали одинаковыми. А потом посадили в товарные вагоны, и товарняк, набитый добровольцами-коммунистами и комсомольцами, двинулся на восток.

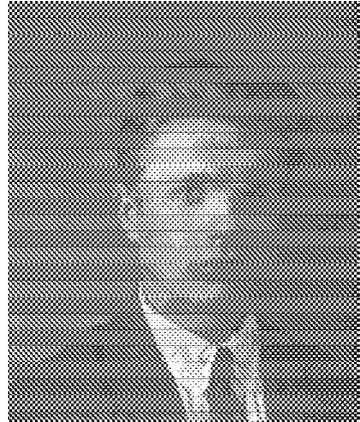
Навстречу нам шли и шли поезда с войсками, мы же – на восток. Днем наш состав остановился на станции Свердловск-пассажирская. Нас из вагонов выгрузили, построили и повели в столовую, покормить. Война войной, а желудок требует...

В Свердловске жил мой старший брат Алексей, он был секретарем свердловского горкома комсомола. Брат как-то узнал о прибытии из Перми состава с добровольцами, его пропустили к нашему составу, и мы встретились... Разговор был недолгим. Он сообщил, что немцы прорвали нашу оборону и наступают. Сказал, что на вокзале Ньюра – сестра, Вера – его жена и Вова – его сын, но их не пропустили к составу.

Мы с ним дружески, по-братски расстались и больше не встречались... Он мог жить: его друг, наш аятский парень, Григорий Попов, был секретарем обкома партии, и он Алексея рекомендовал секретарем райкома партии в один из северных районов области. Вера Федоровна, жена Алексея, не захотела покинуть Свердловск, и брат от предложения обкома отказался. Остался в Свердловске, а в 1943 году был призван в армию и отправлен в Камышловские лагеря, на курсы лейтенантов пехоты. Потом фронт, командир пулеметного взвода, а ему за 30... и погиб на Сандомирском плацдарме. Это было неминуемо: пулеметный взвод принимает на себя огонь и пехоты, и минометов, и артиллерии, и авиации врага... Да, у каждого своя судьба. А Родина одна.

Милый, милый Алеша, ты выбрал фронт, оказался в пехоте, командиром пулеметного взвода, – и погиб. Это судьба многих защитников Родины. Жена, погоревав, нашла другого... А отец до конца дней не мог забыть старшего сына (мать умерла в 1921 г.).

Не забыл его и я, не забыли сестры, не забыл его Михаил

Брат Алексей

Степанович, наш младший брат. Михаил лучше знал Алексея, Алексей помог ему учиться в строительном техникуме. Не только помог, но и употребил силу, чтоб заставить учиться. Михаил тогда думал о деревенской жизни, о профессии механизатора...

Сын Алексея Владимир,
фото 1950 г.

У Алексея остался сын Владимир. Он вместе с матерью переехал в Арысь (Казахстан). Нюра, старшая сестра, долго держала с ними связь, но переписка оборвалась. И мы не знаем его судьбу. Владимир и его мать не писали и деду, Степану Васильевичу, в Аятку, хотя его адрес они знали (он не покидал родное село до самой смерти).

Из Свердловска наш состав двинулся дальше, на восток. И мы, добровольцы Перми, оказались в Камышловских учебных военных лагерях. Студенты пединститута были зачислены в один взвод. Жили в палатках, в лесу. А рядом – небольшая речка. Я и сейчас вижу эту уральскую речку, и сосновый лес, и палатки. А вот чему нас учили... в памяти ничего не осталось...

Недели через две нас снова погрузили в вагоны, и мы оказались в Рязани, в пехотном училище. Из нас, молодых, образованных, комсомольцев и коммунистов (тоже молодых), командование решило в короткий срок подготовить командиров пехотных взводов. Решение, безусловно, разумное: шла война, потери командиров взводов были большие... Но и в Рязанском пехотном училище многие из нас пробыли неделю-две (точно не знаю). Нас снова погрузили в вагоны – и мы в Москве, на Казанском вокзале.

Перед вокзалом нас выстроили в колонну, и мы, минуя центральные улицы, не очень стройно прошли по Москве. Был конец июля. Немцы уже пытались бомбить столицу, и москвичи, забрав кой-какие пожитки, выстроившись в очередь, стремились укрыться в метро, чтоб там провести беспокойную ночь. Мы с тревогой в глазах провожали их, они – нас. Уже поздним вечером наша колонна остановилась на площади перед Киевским вокзалом. Мы обрадовались остановке. Требовала нужда. Благо было уже темно...

И снова вагоны, а утром – в Алабинских лагерях (Подмосковье). Нас построили в одну линию. Моих друзей-студентов рядом не было: они остались в Рязани. Их немного поучили, присвоили командирское звание – и на фронт. Мне известно, что в боях за Москву

погиб Николай Аксенов. Он был москвич, а учился в Перми. Крепкий, сильный, он оставил на Урале жену и двух сыновей. Судьбу других я не знаю.

В Алабино меня и еще человек пять-шесть добровольцев с Урала определили в 25-й ОГМД (отдельный гвардейский минометный дивизион РС – реактивных снарядов). Меня командир батареи Зайцев Борис Лукич определил номером третьего орудия (батарея РС состояла из 4-х орудий).

Батарея, как и дивизион, проходила формирование. Все время менялись штаты, каждый день прибывало пополнение личного состава. И командир орудия Борисов Николай прошел службу в полку ствольной артиллерии, где также был командиром орудия. Наводчик – Гринько, москвич, работал в редакции газеты «Правда». Водитель машины – Сутягин Николай, политбоец, как и я, из Челябинска. Борисов и Сутягин стали моими армейскими друзьями. Друзьями мы оставались и после моего ухода из расчета. Хорошие это были ребята, душевные и скромные.

Пробыл я в составе 3-го расчета всего несколько дней: перевели в отделение разведки батареи. Из разведчиков запомнился мне Митька Рязанский – живой, неунывающий малый. Он был словоохотлив, простодушный. А как плясал русского! Командира отделения батареей разведки и сейчас вижу: высокий, черноволосый. Самолюбив был и неразговорчив. А имя и фамилию – не помню.

Из отделения разведки меня перевели в связь, радистом, хотя я ничего не понимал в этом деле. Но капитан Зайцев, выслушав мои доводы, сказал: «Кочетков научит, научит: он радицу знает, а грамота у Вас есть. Все будет хорошо». И стал радистом. С Федей Кочетковым мы подружились. Хороший был человек, а знания малы...

Батарея жила в палатках. Боевой техники не было, а рация 6ПК в батарее появилась. И Федя Кочетков, осмотрев ее, сказал мне: «Шесть Пэ Ка – трет бока. Тяжелая, а тащить надо. На спину, руки в ремни – и тащи, куда надо... Рация слабая, старая, а другой нет... Будем учиться, научишься». И я стал учиться, а Федя стал меня учить...

И новое положение: меня назначают заместителем политрука, замполитруком. Странное название. В частях РС (реактивных снарядов) – частях особого назначения – политруки батарей были возведены в ранг комиссаров батарей, которые подчинялись комиссару дивизиона. Комиссары отвечали за моральное состояние подразделения, части и вместе с командиром – за материальную часть, за выполнение боевого задания. Командир батареи и комиссар на

равных несли ответственность за боеспособность батареи, за сохранность оружия, за выполнение боевых приказов командования.

Командиром 1-й батареи 25-го ОГМД был капитан Зайцев Б.Л., комиссаром – Канивец Петр Федорович. Зайцев учился в артиллерийской академии, досрочно окончил ее – и вот командир 1-й батареи 25-го ОГМД. Канивец П. Ф. имел среднее образование, носил два кубика. Кем был раньше – не знаю. Но они, комбат и комиссар, всегда друг с другом советовались, друг друга поддерживали. Оба были всегда спокойными. Их уважали бойцы и офицеры дивизиона.

В батарее было два взвода: огневой (командир Готовцев Борис, лейтенант) и взвод управления. Взводом управления командовал лейтенант Гончаров.

Я и сейчас не знаю, почему командир батареи и комиссар назначали меня замполитом. Но это объяснимо: они только что пришли в батарею, да и личный состав батареи – люди из «гражданки». Им нужен был помощник, молодой, грамотный комсомолец (основная часть бойцов батареи – молодежь, комсомольцы). И вот я – рядовой, бывший студент, доброволец – замполитрука, помощник комиссара батареи. Мне присвоили звание старшины, а я – радист, помощник рядового бойца Феде Кочеткова. Все уживалось, различий не было. Мы с Федей дружили и делали дело. Из общей массы я не выделялся. Моя задача – знать настроение товарищей беседовать с ними, слушать последние известия (я радист, и мы с Федей слушали последние известия) и передавать их товарищам. Приходилось мне и ходить в штаб за газетами...

На фронте шли напряженные бои. Фашисты наступали. Тяжелое положение складывалось и под Москвой, и под Киевом... Спешно формировались гвардейские минометные части, батареи, дивизионы, полки.

Из истории гвардейских минометных частей

В Алабинских лагерях формировались гвардейские минометные части, а боевых машин наша промышленность производила мало. Хотя еще в 1937 – 1938 годах РС-8 и РС-13 были уже разработаны в цехах Реактивного научно-исследовательского института. Впервые эти реактивные снаряды были испытаны еще в 1933 году комиссией Наркомвоенмора под председательством Тухачевского. Новые полигонные испытания в 1937 – 1938 гг. завершились принятием снарядов на вооружение.

Первый образец пусковых установок реактивных снарядов РНИИ был изготовлен в мае 1940 года, а летом 1940 года боевые установки БМ-13 прошли успешные испытания. В ноябре 1940 г. первые семь БМ-13 вышли из цеха института РНИИ. Но маршалы Ворошилов, Кулик и генерал Воронов, стоявшие во главе артиллерийского управления Красной армии, законсервировали производство БМ-13 (им показалось, что ракетная артиллерия не имеет будущего). Боевые машины БМ-13 остались стоять на базах РНИИ¹.

Буквально за несколько дней до начала Отечественной войны в военном комиссариате вспомнили о БМ-13 и отдали распоряжение о форсировании выпуска БМ-13, БМ-8 и снарядов к ним. В Москве, Воронеже, Горьком, на Урале, в Кирове и в других городах приступили к выпуску БМ-13, БМ-8 и снарядов к ним.

Первая батарея РС под командованием капитана Флерова была сформирована за три дня в Москве и вооружена пятью установками БМ-13, сделанными в 1940 г. и хранившимися в Ракетном институте (в Москве же). Из Москвы батарея вышла 2 июля 1941 г. и по Минскому шоссе направилась на запад. Оружие было секретное. Личный состав расчетов технику и приемы стрельбы изучал в пути, во время движения колонн. Бойцов обучали инженеры Шитов и Попов, прикомандированные к колонне. Шитов подготовил в восьми экземплярах и исходные данные для стрельбы.

Первый залп батареи Флерова дала 14 июля, в 15 часов 15 минут. Залп был дан по железнодорожной станции Орша. Результат был ошеломляющий: «Русские применили батарею с небывалым числом орудий. Снаряды фугасно-зажигательные, но необычного

¹ Сын генерала Воронова, полковник Н. В. Воронов в статье «Рядом с отцом» («Военно-исторический журнал», №11 за 1989 г., стр. 51) подтверждает это мое утверждение, приведя слова Ворошилова: «Я не верю этому оружию». А Воронов-старшего насторожило большое рассеивание РС.

действия. Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налет подобен урагану. Снаряды разрываются одновременно. Потери в людях значительные», – доносило немецкое командование в свой генеральный штаб.

Второй залп батареи дала 14 июля, в 17-00, по переправе через реку Оршицу. Переправа была разбита, а БМ-13, дав залп, ушли в лес... Батарея капитана Флерова принимала участие в боях под Рудней, Ельней, Рославлем...

7 октября 1941 г. у деревни Богатырь (в районе Спас-Демянска) батарея попала в засаду. Капитан Флеров погиб. БМ-13 были взорваны расчетами. Так на Смоленской земле завершилась короткая, героическая история батареи капитана Флерова. Батарея погибла, но она дала для гвардейских минометных частей, отправляющихся на фронт, первый опыт ведения огня установками РС; она показала, что БМ-13 – мощное оружие против врага, несущее смерть вражеской силе и технике. Части РС получили проверенные в боях таблицы стрельбы, составленные инженером Шитовым. Батарея Флерова погибла, унеся с собой и тайну ракетного оружия Советов (немцы не смогли захватить, пленить машины).

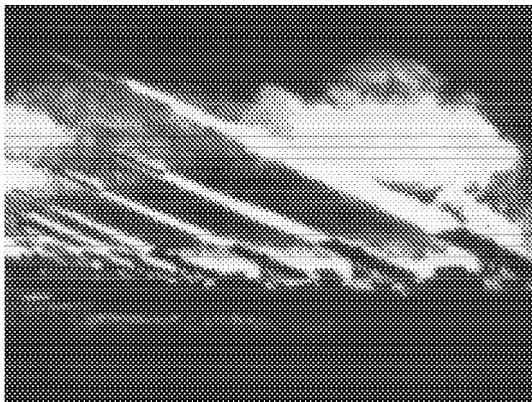
Интересно и то, что, хотя ракетное оружие для Красной армии было создано советскими учеными и инженерами при содействии советского правительства и советского военного ведомства, первым творцом «летательной мины» был инженер-химик царских времен Тихомиров Николай Иванович. Он родился в Москве в 1860 году, увлекся ракетной техникой и в 1912 г. предложил свое изобретение морскому министру царского правительства адмиралу Бирилеву. Изобретением военные заинтересовались, но ничего не сделали для его претворения в жизнь. 3 мая 1919 г. Тихомиров со своим изобретением обращается к управляющему делами Совнаркома В. Д. - Бонч-Бруевичу – и советское правительство дает ход «летательной мине».

БМ-13, БМ-8, БМ-31 – плод многих инженеров и ученых. Над ними работали в Москве и Ленинграде, где идея воплощалась в грозное оружие.

В июле 1941 г., в Воронеже и в Москве были изготовлены первые пусковые машины БМ-13. В июле же Наркоматом обороны из только что поступивших с заводов БМ-13 были сформированы три батареи (первая батарея – 9 боевых машины, вторая батарея – 3 боевые машины, третья батарея – 4). Батареи РС были направлены на Западный фронт, где шли ожесточенные бои.

В августе 1941 г. заводы-изготовители установок и РС, освоив производство, увеличили поставки БМ-13 и БМ-8 для армии. В Алабинских лагерях начали формировать дивизионы РС, которые сразу же отправлялись на фронт.

В сентябре 1941 г. получил боевые машины и 25-й ОГМД. Это были БМ-8. Расчеты стали осваивать новую технику. В дивизионе было две батареи, в каждой батарее по четыре орудия. Орудие БМ-8 имело 24 направляющих; каждая направляющая несла два снаряда; залп дивизиона – 364 снаряда; дальность полета – до 5,5 километров. Стреляли по площадям: большая рассеянность. В каждой батарее – взвод управления (связь, разведка, санинструктор), в дивизионе – взвод боепитания, артмастерские, ремонтная база, блок питания и другие службы, штаб.

На фронт в составе 1-й Московской гвардейской дивизии (бывшей Пролетарской)

Московская Пролетарская дивизия была образована 29 декабря 1926 года. Дивизия была расквартирована в Москве. Личный состав дивизии – в основном, москвичи. Кадры дивизии были хорошо обучены и хорошо вооружены. В 1940 году Пролетарская дивизия была реорганизована в мотострелковую. Командиром дивизии был назначен Д. Д. Лелюшенко.

25 июня 1941 г. полки Московской мотострелковой дивизии под командованием полковника Якова Крейзера оставили Москву и своим ходом направились на фронт, к Орше (это четыре полка: два стрелковых, артиллерийский и танковый). Первый бой дивизия приняла под Борисовом, на Березине, 30 июня и продолжала бои до 4 июля. Ей противостояла 18 танковая дивизия Гудериана. Позднее Гудериан в «Записках солдата» напишет: «18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы».

1-я Московская мотострелковая дивизия с боями отступала до Орши, не раз нанося контрудары по немцам. 12 июля полковник Крейзер был ранен и эвакуирован в Москву. Командование дивизией принял полковник В. А. Глуздовский. Три раза дивизия попадала в окружение и каждый раз с боями выходила из него. В конце августа командиром дивизии был назначен А. И. Лизюков, полковник, Герой Советского Союза.

За бои на Березине, Днепре и в других районах Смоленщины 1-я Московская мотострелковая дивизия 31 августа 1941 г. была награждена орденом Красного Знамени, а 21 сентября стала гвардейской.

10 сентября 1941 года на Западном фронте наши войска перешли к обороне. Немец делал перегруппировку войск, чтоб перейти в решительное наступление на Москву. Шла перегруппировка и наших сил. 12 сентября Московская гвардейская мотострелковая дивизия была выведена в резерв Ставки. Командующий фронтом Конев протестовал: немцы готовятся к новому наступлению и свободных дивизий на фронте нет. Но Шапошников, начальник Генштаба, требовал назвать номера дивизий и фамилии командиров. Генерал Конев назвал 1-ю гвардейскую Московскую и 64-ю стрелковую.

25 сентября 175сп отправился со станции Можайск на юг. В

тот же день на юг отправились и другие части и подразделения 1-й Московской. В это же время со станции Апрелевка ушли на юг два эшелона с батареями 25-го ОГМД. Дивизион по приказу Сталина был придан 1-й гвардейской Московской дивизии для усиления ее огневой мощи.

27 сентября эшелоны с частями 1-й Московской прибыли на станцию Сумы и начали разгружаться. Своим транспортом части дивизии отправлялись к месту сосредоточения – в район Ульяновки и Николаевки, в 20 – 30 километрах западнее Сум (примерно в 40 километрах от фронта, как информировали командование дивизии в штабе 40-й армии). В Ульяновке надлежало быть 175-му полку, в Николаевке – артполку и 6-му стрелковому.

Прошло уже три месяца с начала войны, а в штабах армий разведка по-прежнему работала плохо, связь с соседями часто отсутствовала. Так было и в 40-й армии (командующий – генерал К. - П. Подлас), усилить которую и прибыла 1-я Московская.

Батареи 25 ОГМД, выгрузившиеся на станции Сумы, своим ходом ушли в пункт сосредоточения. Однако война есть война, и не все идет гладко. Так случилось в тот вечер и с полуторкой первой батареи 25 ОГМД. Она в темноте (а ночи на Украине в конце сентября наступают быстро) сбилась с пути и оказалась в расположении немцев. Водитель машины Тягачин – опытный шофер, с характером и сильной волей; рядом сидел лейтенант Борис Готовцев, молодой офицер, командир огневого взвода первой батареи, а в кузове – бойцы взвода управления. Здесь же, в кузове, находился и я – радист, помощник политрука батареи. Тягачин и Готовцев, увидев немцев, не растерялись. Водитель круто развернул машину, прибавил газу... И снова мы оказались на станции Сумы. Конечно, все переволновались: надо же, к немцам сами прикатили, но ушли. А могло быть: или плен, или... боже мой!..

Переночевали в каком-то пустом помещении на станции. А утром лейтенант Готовцев пошел искать военного коменданта, чтоб уточнить место сосредоточения дивизиона, а мы, солдаты, стали думать о еде. И еда нашлась, как в сказке... Рядом был сахарный завод, мы – туда, и нам полные котелки... паточки. А хлеб у нас был, вода на станции была... А когда желудок полон – и настроение лучше. Лейтенант тоже пришел с сияющей улыбкой: узнал дорогу в дивизион.

...Память утратила многие детали тех дней. Еще бы: с тех пор прошло много-много лет. Я уже старик и хожу с подружкой – палочкой-выручалочкой. Да, годы... годы... Забыл многих друзей-

товарищей, с которыми ел из одного котелка и трясся в полutorке из Сум в Николаевку, а может, Ульяновку, а может, другое украинское село, а может – хутор. Не помню. Мы избегали селений: наша квартира – лес. А вот лейтенанта Готовцева помню. Молодой, энергичный, подтянутый, с доверительным, внимательным взглядом. Сумы нас сблизили. Я был старше его года на четыре. Он знал, что я из студентов, старшина-замполитрука. А ему нужна была поддержка: что ни думай, а он машину привел к немцам. Хорошо, что все живы и нашли ночлег в Сумах. «Ты у меня за комиссара будешь, пока мы не нашли своих, – сказал он мне, когда мы оказались один на один. – Поставь часовых, одного к машине, другого у дверей. И всем спать. Хорошо?»

Мы как-то сблизились с ним, и дружеские отношения между нами сохранялись, пока я служил в 25 ОГМД. У каждого из нас была своя дорога, но наша дорожки не раз перекрещивались, и мы не раз помогали друг другу в трудные дни войны... Его уже нет, он умер. Дослужился до звания полковника. А я вот живу. Он похоронен в Москве, а меня укурует Вятская земля.

А хотелось бы лежать на Урале, на берегу Аята-реки... Там моя Родина, там покоится прах моих предков...

Аятское кладбище. У могилы деда Степана

А может, немцев и не было, откуда они появились под Сумами? – Были немцы, были. И шли на Москву, через Сумы, а командовал ими генерал Гудериан.

Память еще сохранила кое-что. Тем утром мы поднялись рано. Очевидно, на душе у каждого было тревожно. Да и на полу не разоспишься. День был сумрачный. Дождя не было, но тучи плотно закрыли солнце, и шли, и шли на восток, на родимую Русь, как бы предвещая суровую осень (а для нас сумрачный день – подарок: авиация немцев бездействовала). И вот мы в пути. Дорога наша пролегла через огуречное поле. Оно все было усеяно огурцами, зелеными, сочными, а некоторые уже пожелтели. Ждали хозяина, а он не шел... Такого чуда я еще не видал: у нас, на Урале, огурцы – в парниках, а тут огуречное поле. Хотелось выпрыгнуть из кузова и нарвать много-много сочных огур-

чиков, чтобы всем хватило.

А машина катила и катила по дороге. Впереди замаячил лес. К нему мы и спешили... И вот мы среди своих. Встреча была радостной. Улыбкой встретил нас капитан Зайцев, улыбка сияла на лице комиссара Канивца. Все-все были рады встрече. «Живые, живые!» – словами радости встречал нас старшина Козлов. Был вечер, что-то нашлось поесть. Всем нам было хорошо: мы были среди своих. А это уже все – и покой, и уверенность... Завтра будет хороший день...

Подступы к городу Сумы защищала 40-я армия. Ей противостояла танковая группа армий генерала Гудериана. На фронте было затишье. Части 1 гвардейской Московской дивизии вливались в 40-ю армию Юго-западного фронта. Из Сум полки уходили на запад, в Ульяновку и Николаевку.

Немцы находились в районе Ромны – Ольшана – Конотоп – Глухов – Шостка... Немецкое командование 24 сентября в Смоленске приняло решение начать 2 октября 1941 года наступление на Москву из районов Духовщина – Рославль – Шостка. Войскам же 2-й танковой группы Гудериана было приказано 30 сентября из района Путивль – Глухов начать наступать на Орел. Поэтому Гудериан приказал 48 танковому корпусу (9-я танковая, 16 и 25 мотострелковые дивизии), сосредоточенному в Ромнах, начать наступление 28 сентября из района Ольшаны на Сумы и сосредоточиться в Путивле, чтобы 2 октября двинуться на Орел.

Выполняя приказ Гудериана, командующий 48-м корпусом генерал Кемпф отдал приказ о наступлении. 28 сентября части этого корпуса в районе Ольшаны начали наступление на Сумы. Прорвав оборону кавалерийского корпуса Белова, они двинулись на Аполлоновку и Штеповку, а из Штеповки на Николаевку через Луциковку и Штепины.

Летом и осенью 1941 года между нашими и немецкими войсками сплошной линии фронта не было, и связь между частями была слабая. И часто танковые части немцев появлялись в тылу наших войск неожиданно. Так случилось и в Николаевке, под Сумами.

Утром 27 сентября в Николаевку прибыл из Сум артполк 1-й гвардейской Московской дивизии. Командир артполка Ботвинник, зная, что фронт далеко, километрах в 30 – 40, отдал приказ на отдых. Даже часовых не выставил. Каждый занимался своим делом после тридцатикилометрового перехода.

Офицер штаба дивизии майор Ратнер, возвращавшийся из Сум в Ульяновку, решил проехать до Николаевки навестить артиллерис-

тов. Он-то и обнаружил колонну немецких танков, двигающихся на позиции артполка. Правда, немцы тоже не знали, что в Николаевку прибыл артполк. Шофер Ратнера, заметивший колонну, вымолвил лишь: «Танки, танки...» Ратнер посмотрел в бинокль и определил: «Немецкие танки. Идут в Николаевку». Сообразив, что артиллеристы врага не ждут, он сумел оторваться от немцев и первым примчался в село. Командир полка умывался, артиллеристы покуривали. Выскочив из кабины, майор закричал: «Ботвинник, немцы! Танки!» И действительно показались танки. Артиллеристы быстро выкатили орудия, зарядили и встретили немцев огнем. Немцы не ожидали такой встречи. Первые танки колонны запылали, а огонь наших батарей креп. Потеряв несколько танков, враг отступил.

Этот факт описан П. Г. Кузнецовым в книге «Гвардейцы – москвичи» (М., 1962. Стр. 97, 98). Выручил случай. А если бы майор Ратнер не поехал в Николаевку или зазевался в пути?.. – исход сражения был бы другой.

А вечером того дня немцы снова атаковали Николаевку. Был жаркий бой. Артиллеристы отступили. Для их поддержки командир дивизии отправил к Николаевке 6-й гвардейский стрелковый полк. Весь день 29 сентября шел бой с переменным успехом. Тогда на помощь артиллеристам и 6-му полку Лизюков направил еще и часть сил 175-го стрелкового полка – и немцы вновь отступили, оставив на поле боя много убитых и раненых.

А 30 сентября части 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии перешли в наступление, освободили Луциковку, Штепины, Марковку, Валеевку и подошли к Штеповке. Марковка, Луциковка, Штепины, Верхосулки и Валеевка – все эти селения расположены на реке Суле. (Помните, из «Слова о полку Игореве»: «Кони ржут под Сулою»?) 30-го же сентября командующий 40-й армией отдал приказ: «1-й гвардейской мотострелковой Московской дивизии, с приданным 1042 стрелковым полком и во взаимодействии с кавгруппой Белова, уничтожить штеповскую группировку противника».

В боях за Штеповку и Аполлоновку

В наступлении на Штеповку в составе 1-й гвардейской Московской дивизии должен был принять участие и 25 ОГМД. Для нас, бойцов и командиров 25 ОГМД, это был первый бой. Конечно, мы были возбуждены: первый бой – это необычно, ответственно и страшно. Первый бой! Что он нам принесет?..

Бой за Штеповку (районный населенный пункт) по приказу командующего дивизией начался под вечер. Стрелковые полки подошли к Штеповке и ждали начала атаки. Заняли огневые позиции и артиллеристы. По данным разведки, в Штеповке находился 119-й пехотный полк 25-й моторизованной дивизии 48-го танкового корпуса армии Гудериана.

Наш дивизион должен был нанести удар по немцам перед атакой. На огневую позицию (ОП) выдвинутся только БМ-8, машины со снарядами, по приказу командира дивизиона переправятся через речку Сулу и останутся в километре от ОП.

Около 2-х часов дня раздалась команда: «По машинам!». Расчеты заняли свои места, и колонна двинулась на ОП (огневая позиция была выбрана заранее, заранее была проложена связь с командующим дивизией). Во главе колонны БМ-8 был капитан Зайцев – командир 1-й батареи. В колонне 1-й батареи и шла полуторка, в которой размещалась охрана батареи, санинструктор. Здесь же был и я – замполитрука 1-й батареи. За 1-й батареей следовала 2-я (командир – старший лейтенант Румянцев, командир огневого взвода – лейтенант Кукушкин). На вооружении бойцы имели карабин и две гранаты (в сумке на поясе), офицеры были вооружены пистолетами – вот и все наше вооружение.

Наша колонна следовала через Луциковку. Вчера здесь были немцы, к вечеру их выбили из селения бойцы 6-го стрелкового полка. Немцы отступили спешно, не успев разграбить село. А может, они не думали о такой встрече с русской армией: они продвигались вперед, без боя занимая украинские села и хутора... И вдруг наступление русских. Немцы отступили, укрепившись в селении Штеповка, в 4 – 5 километрах от Сулы.

День 1 октября 1941 г. был солнечным, но немецкой авиации в небе не было. БМ-8, накрытые брезентом, стояли возле хат под зеленой кроной деревьев. А на огородах всюду возвышались шляпы подсолнухов. Местные жители сидели по хатам. Но вот разнеслась команда: «По машинам!» Расчеты скрылись под чехлами БМ, водители и командиры орудий – в кабинах, а часть взвода управления

батареей – в полуторке. Колонна двинулась к Суле, через село Луциковку.

Женщины, девчонки, ребятишки высыпали из хат, поглазеть на необычные русские машины, загадочные, под брезентом. Мы, ехавшие на открытой машине, были удивлены необычной картиной: нас, уходивших в бой, провожало все украинское село (мужчин среди провожавших не было). Провожали молча, и каждая хохлушка все время бросала в рот семечки и тут же сыпала изо рта на землю шелуху. Виденное запомнилось на всю жизнь: мы уходили в бой, а они, хохлушки, бросают и бросают в рот семечки, а шелуха сыплется изо рта на землю. Прошло уже полвека с того дня, а я всегда вспоминаю женщин из Луциковки, когда вижу где-либо (на автобусной остановке, в магазине...) женщин, девчонок, ловко грызущих семечки.

Луциковка стояла на высоком правом берегу Сулы. Машины сбавили ход и стали медленно спускаться к переправе. Миновав деревянный мост, БМ пошли по избитой проселочной дороге и скоро вышли в открытое поле. Вот и наша первая огневая позиция – открытое место, а впереди, за кустами, Штеповка. БМ выстроились в ряд, первая батарея и рядом вторая. Расчеты сняли с машин чехлы и положили на установку между креплениями. Помкомвзвода Колесников с буссолью – чуть в стороне, дает команду наводчикам. Боевые машины наведены в цель – северная окраина Штеповки.

И вот заработала ствольная артиллерия. А через пять минут – залп БМ-8 25-го ОГМД. С необычным ревом и свистом, оставляя за собой светлую полосу, набирая высоту и скорость, ушли снаряды наших орудий к цели, а через несколько минут – сплошное море огня в раскатах взрывов обрушилось на головы немцев. Такого еще никто здесь не видел, ни немцы, ни наши войска – 384 снаряда в один миг рванули землю и воздух. Вокруг сплошной огонь – и никакого укрытия, если ты в этом пылающем и грохочущем море.

И сразу после залпа «катюш» (так прозвали БМ-8 и БМ-13 еще на Западном фронте, когда раздались первые залпы батареи капитана Флерова¹) пошли в атаку танки, знаменитые ныне Т-34, а за ними раскатистое «Ура-а-а!» Это пошли в атаку стрелковые пол-

¹ Прозывали БМ-13 и Райсой Семеновной – РС, но прижилось название «Катюша» – слово из песни: «Выходила на берег Катюша, на высокий берег, на крутой. Выходила, песню заводила...» «Катюша» – это название было созвучно и залпу БМ, особенно тому грохоту («песню заводила»), который сопровождал разрывы снарядов. «Катюша» еще и потому, что первые залпы батареи Флерова давала с высокого берега реки Оршицы.

ки дивизии: 175 сп, 6 сп и 1042 сп, и немцы начали отступать. Но у них в Штеповке были и танки, и самоходки, и не все батальоны попали под удар «катюш» – и в селе завязался ожесточенный бой.

А батарееи БМ-8 25 ОГМД, выполнив боевую задачу, развернулись и ушли в Луциковку. За БМ-8 развернулись и пошли в Луциковку и машины со снарядами, которые до этого стояли на опушке леса на левом берегу Сулы и ждали распоряжений командира дивизиона. Машинам со снарядами можно было не выезжать к ОП: второго залпа дивизиона не предполагалось. Бой начался во второй половине дня, и опытное командование 1-й Московской (и комдив Лизюков, и комиссар Мешков) знало, что немцы без боя позиции не сдают, значит, врага из Штеповки нужно будет выбивать: бой затянется до ночи, а бить по площади в ходе боя нельзя – можно ударить и по своим...

Дорога в Луциковку шла по низине. Тяжелые машины ЗИС-5 вязли в грязи, и их надо было тащить, тащить... И я вместе с другими солдатами батареи помогал водителям выбираться из грязи. Рубили кусты, мелкие деревья, подкладывали под колеса... Всю ночь мы тянули машины из грязи.

Только утром вернулись в батарею. Усталые, но довольные, что сделали свое дело, и повалились спать. Благо было еще тепло и не шел дождь...

Бой за Штеповку завершился победой наших войск: на поле боя немцы оставили до 500 трупов, больше сотни – пленных, 200 автомашин, 11 орудий, 50 мотоциклов, много винтовок, автоматов, пулеметов. Цифры привожу из книги П. Г. Кузнецова «Гвардейцы-москвичи». В этой книге на 102 странице сказано несколько теплых слов и о гвардейцах-минометчиках.

«В 14 часов открыла огонь артиллерия Ботвинника (командир артиллерийского полка Московской дивизии), а через пять минут с надрывным ревом и свистом пронесся огненный смерч. Содрогнулась и заклокотала частыми разрывами северная окраина Штеповки. Это заговорили реактивные минометы. На данном участке фронта они применялись впервые. Их действия были неожиданными и для противника, и для своих войск.

Вслед за залпом “катюш” в атаку устремились танки, а за ними броском рванулась пехота.

Гитлеровцы не ожидали такого решительного натиска. Их повергло в ужас новое советское оружие, выбрасывающее море огня, ошеломила грозная сила “тридцатьчетверок”, которых фашисты боялись как черт лаdana. И, наконец, бурный поток стрелковых цепей с леденящим душу русским “ура” окончательно сковал их волю...»¹

2 октября 1941 г. в Луциковке (на Суле) день был теплый, сол-

¹ Здесь и, как правило, далее цитирование не буквальное.

нечный, а немецкая авиация почему-то бездействовала. Уже спустя много дней мы узнали, что 2 октября немцы начали новое наступление на Москву, и там, под Ярцево и Рославлем, шли тяжелые бои, и авиация врага действовала там...

Схема наступления Московской мотострелковой дивизии в районе Штеповки. (из книги П. Г. Кузнецова, стр. 100, с добавлениями вне масштаба на севере)

Выспаться мне не пришлось: меня разбудили и передали приказ комиссара Волкова заступать на дежурство по кухне. Таков был порядок: политработники отвечали за работу кухни. Война войной, а желудок солдата и в бою требует «работы». Умывшись, отправился на кухню. Повар – молодой солдат. И повар неопытный. А начпрод дивизиона со склада армии привез и мясо, и рис, и масло, и другое. Разворачивайся, повар! Суп мясной повар готовить умел, кашу рисовую готовил, а вот сколько в котел солдатский масла надо положить, чтоб каша была хороша, не знал. А масло было. Повар задумался, а тут дежурный по кухне. И он обратился ко мне за советом: «А что, товарищ дежурный, как вы думаете, если ящик масла в котел каши, а?» Я поговорку знал: кашу маслом не испортишь, и поддержал повара: «С маслом рисовая каша хороша. Ящик? Давай ящик!» И повар в солдатский котел с кашей – ящик масла отпустил.

И обед получился хорош: и первое, и второе, и водки 100 граммов. Хорошо. И бойцам, и командирам – всем понравился обед, а некоторые и за добавкой пришли. Ели и хвалили повара. Но желудок взбунтовался у некоторых, и парни побежали в подсолнухи. В Луциковке в каждом огороде десятки подсолнухов красуется – и парни туда, только головы торчат. Смех и грех... Многим запомнилась рисовая каша в Луциковке в честь первого залпа дивизиона. И шутники не упускали случая: «И что ты, Иван, сегодня нет-нет да и в кусты? Агапку встретил?» А у Ивана снова желудок забунтовал, и он побежал в подсолнухи... Вот так-то: и кашу маслом можно испортить, если желудок слаб...

А 3 октября 1941 г. снова бой: надо гнать немца. Приказ по дивизии: «Взять Аполлоновку, Екатериновку и гнать врага на запад. 25-му ОГМД – дать залп по Аполлоновке».

Вечером 3 октября батареи 25 ОГМД прибыли в Штеповку, где еще совсем недавно были фрицы. Видны следы боя: разрушенные и сожженные дома. Зевак-женщин на улице уже не было, а мужчины совсем не появлялись.

Аполлоновка – крупный населенный пункт, расположенный в 5 – 6 километрах от Штеповки. В Аполлоновке – 149 пехотный полк немцев и часть 119 полка, разбитого 1-й Московской дивизией в Штеповке. Пехоту поддерживали танки и артиллерия.

Командование дивизии решило атаковать Аполлоновку вечером, т.к. ночного боя немцы боялись, а полки 1-й Московской имели большой опыт ночных боев. Для связи с НП (наблюдательным пунктом) командира 25-го ОГМД и батарей дивизиона в Рудку был направлен Федя Кочетков и я – за плечами рация БПК – «трет бока»,

как выражался старший радист первой батареи. Из Штеповки в Рудку – рукой подать, около двух километров. А в Рудке – всего несколько домов и ни души. Мы заняли крайний дом. В доме – одни стены, стол и лавки у стен, на полу мусор и шелуха от семечек. Мы развернули рацию и установили связь с НП и дивизионом. Все шло хорошо. Вокруг – ни души. Вот в этот момент и захотелось мне сходить за угол соседнего дома. Может, мы вели себя неосторожно, и немцы заметили нас и произвели несколько артиллерийских выстрелов по Рудке. Один из снарядов, выпущенных немцами, разорвался между домами, совсем рядом со мной. Взрывной волной меня забросило за угол дома. И я, и Федя Кочетков, конечно, перепугались, но опять нам повезло. Федя был далеко и укрыт стенами дома, а меня спасла разрывная волна, забросив в укрытие за углом дома. Разрывы снарядов прекратились, и я поднялся: цел, цел и ни одной царапины. А тут прибежал Федя: «Хватило? Ранило?» – выкрикнул он. Я молчал, а потом выронил: «Кажется, пронесло». И мы пошли к рации. Связь была: «Как слышно? Прием!» – «Слышу, слышу. Прием!» Федя продолжал сидеть у рации: НП держит связь с батареями.

Заговорила ствольная артиллерия 1-й Московской дивизии, и вдруг ночь прорезали огневые стрелы. Это летели, освещая тьму, наши снаряды – и Аполлоновку охватили всплески огня и грохот снарядов. «Ух, как молотят!» – промолвил Федя. Мы быстро упаковали станцию, я взметнул ее за спину. И побежали к своим, в Штеповку. Как было приказано. Бежали, не оглядываясь: надо успеть к машине.

А в Аполлоновке шел бой. После залпа «катюш» артиллерия перенесла огонь в центр селения, а потом на западную окраину. Двинулись в Аполлоновку, ведя огонь, наши танки, а за ними раскатистое «Ура!». Немцы не ожидали такого натиска русских: одни были заняты сытным ужином, другие готовились ко сну.

А тут заговорили адские машины русских (так прозвали они наши БМ-8). Фрицы заматались... Некоторые были в ночном белье... А сзади грохот танков, стрельба, разрывы и «Ура! Ура! Ура!»

Кое-где немцы попытались оказать сопротивление. Но стрельба велась с востока, севера и юга, и, боясь окружения, они начали отходить на запад, на Зеленый Гай. Вскоре выстрелы стали удаляться. Наши войска после жестокого боя очистили Аполлоновку от врага. Оставив до 160 автомашин, 6 орудий, несколько тягачей и сожженных танков, немцы отошли на запад.

А «катюши», нанеся новый удар по врагу, развернулись и ушли в Луциковку (грузовые машины на этот раз нас не сопровождали;

мы стали взрослее и опытнее).

Вернувшись в Луциковку, мы узнали, что колонна БМ-8 при подходе к Штеповке попала под бомбежку немецких самолетов. Но немцы не знали, что «адские машины» во время их следования на ОП на земле сопровождают танки, а в воздухе – самолеты. Завязался воздушный бой. И все же вражеские самолеты сбросили несколько бомб по колонне. Был ранен водитель третьего орудия Николай Сутягин, но остался за рулем.

6 октября части 40-й армии восстановили линию фронта, что была до начала наступления 48-го танкового корпуса армий Гудериана. 1-я гвардейская Московская дивизия, решившая исход сражения, была выведена в резерв армии в район Ульяновки (западнее Сум).

Почему немцы, продвинувшись на 60 км, подошли к городу Сумы – и отступили, не проявив упорства при защите захваченного? На этот вопрос отвечает сам Гудериан в «Записках солдата»:

«48-му танковому корпусу (9 танковая, 16 и 25 моторизованные дивизии) была поставлена задача пройти с боями через Недригайлово и Сумы в Путивль, где сосредоточиться для подготовки к наступлению...»

Но 48-й корпус под Николаевкой был остановлен частями 1-й Московской дивизии, и Гудериан отдал приказ: 48 танковому корпусу выйти из боя, а к Путивлю пройти по своим тылам.

«Я недооценил силу сопротивления русских войск, 48 танковый корпус не смог отбросить противника. Он был вынужден выйти из боя и направиться в район своего сосредоточения, двигаясь за линией фронта... 25 дивизия с большим трудом вышла из боя, потеряв несколько своих машин».

Части 1-й Московской дивизии оставили Луциковку и перешли в район Ульяновки. Там же, в лесу, разместился и 25 ОМГД.

А в это время под Москвой развернулось величайшее сражение: 2 октября немцы начали наступление. Войска Гудериана захватили Орел, Курск, вели бои под Тулой и Калугой.

Отход из-под Сум

Командование 40-й армии, оценив обстановку, начало отвод частей на восток. 1-я гвардейская Московская дивизия и 25 ОГМД из Ульяновки отходили к Судже, на северо-восток от Сум.

25 ОГМД, как правило, на новые места передвигался вечерами, очевидно, стараясь избежать ударов с воздуха... Хорошо запомнилась мне одна картина. Колонна дивизиона двигалась мимо небольшого селения. Вечерело. Село было пусто, только на скамейке у дома в три окна сидели старик со старухой и молча провожали уходящую на восток колонну. А на горизонте, пересекая нам дорогу, без песен уходила на восток конница генерала Белова. Старик и старуха молчали, а взгляды их были устремлены на уходящую конницу. А конники все шли и шли... Мы ехали на открытой машине и все смотрели то на поток конницы, то на стариков. Картина наводила на грустные размышления: вечер, молча отступающие войска и провожающие их печальными взглядами старик со старухой. О чем они думали? О своей судьбе, о завтрашнем дне при немцах, а может, о сыне, так же, как и мы, служившем в армии?..

А конница все шла и шла, и наша колонна тоже уходила... А старикам податься некуда, некуда... «Эх, сыны, сынки!..» А сынки уходили, оставляя их, немощных, на съедение врагам.

Среди воинов первой батареи был и житель этих мест. Это капитан Зайцев. Его деревня совсем рядом, километрах в пяти. Там его родители, жена и сынок-сосунок. Капитан молчит. А душа гложет и гложет: «Эх, капитан, капитан!» Ведь совсем рядом и родители-старики, и жена, и сын... Взять и махнуть, и нельзя-нельзя: он командир батареи... Мы об этом знали (не все, лишь те, с кем он был ближе). «Ах, сынки, сынки...»

И еще вспоминается одна картина тех военных дней. Это было под Суджей в середине октября 1941 г. Шли дожди, дороги раскисли. Дивизион остановился в одном из сел. Расчеты разместились в жилых домах. В тесноте, но под крышей, да и тепло (ночи уже были холодные). На окраине села находился курятник... Был, мы его уже не застали: фронт рядом, немцы все ближе и ближе – и колхозники порешили курей. Колхозный сарай завален порезанной птицей. Сарай никто не охраняет. Птицу порезали, чтоб не попала в суп немцам-фашистам. А старик сторож, увидев меня – солдата, пригласил: «Берите, сынки, берите. Не оставлять же окаянным врагам!» И, посмотрев на забитую птицу, покачал головой и добавил: «Война рядом... Берите, берите. Не пропадать же птице...» И поспешил

куда-то, не дожидаясь ответа...

А под Москвой дела шли плохо-плохо. Под Вязьмой в окружении оказалось несколько армий, бои шли уже под Калинином, Можайском, Тулой. И Сталин отдал приказ: Московской дивизии суждено защищать Москву.

1-я гвардейская Московская дивизия на станции Суджа грузилась в железнодорожные составы – и на Воронеж, и далее на Москву. В два эшелона погрузился и 25 ОГМД (1-я и 2-я батареи).

25 октября наш состав остановился на одной из станций г. - Москвы. Я выскочил из вагона и побежал на станцию, чтобы купить свежих газет (мы же давно не держали газеты в руках, а тут Москва...), но газет в киоске не было. Зато купил пару булочек, мягких, тепленьких... Лишь пару булок! Денег у солдата – кот наплакал.

В Москве эти дни были критическими: немецкие войска у ворот города. Москва организует массы на защиту, идет эвакуация населения и промышленности... Все это сказалось и на настроении некоторой части москвичей, появились панические настроения, а кое-где и грабежи.

С 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к ней районах по решению Государственного Комитета Обороны введено осадное положение. «Нарушителей порядка, – говорилось в постановлении, – немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага расстреливать на месте». И расстреливали... Время было суровое, и требовало решительных мер¹.

¹ «Битва за Москву». М., 1966. Стр. 491 – 493.

БИТВА ЗА МОСКВУ

Прибытие под Наро-Фоминск

Ночью наш состав проследовал через Москву, а утром мы были в Апрелевке (с этой же станции в сентябрьские дни мы отправились на Украину). Я и сейчас не могу понять, почему Сталин перед наступлением немцев на Москву отправил две лучшие дивизии Западного фронта на юг. Бои под Николаевкой, Штеповкой и Аполлоновкой позволили 40-й армии отбросить немецкие войска на прежние позиции. А по признанию Гудериана, «48 танковый корпус вынужден был выйти из боя...», а его, корпуса, «25 дивизия с большим трудом вышла из боя, потеряв несколько машин...» Гудериан лукавит: немцы в Штеповке и Аполлоновке оставили несколько сот машин и людские потери были значительные. Но он прав: 1-я Московская дивизия не решила задачу. Штеповская группировка не была уничтожена: 25 дивизия немцев «вышла из боя», прошла по своим тылам в Путивль и включилась в бои за Москву... А 1-я Московская была выведена в резерв 40-й армии в Ульяновку, потом в Суджу и через месяц вернулась под Москву и с ходу вступила в бой под Наро-Фоминском.

Этот анализ событий я сделал сегодня, в 1999 году, а тогда мы считали бои под Штеповкой и Аполлоновкой победой. Так ли это? Вспоминается и разговор генералов Конева и Шапошникова 19 сентября (узнал про него из книги, конечно, много лет спустя).

«ШАПОШНИКОВ. В связи с переходом вас ко временной обороне Верховный главнокомандующий считает необходимым взять в свой резерв две дивизии. Дивизии должны быть укомплектованы...»

КОНЕВ. Могу выделить с большим ущербом для фронта 64сд и 1мсд...»

Генерал Конев докладывал в Ставку свои данные о подготовке противника к наступлению и указывал число – 1 октября. Но Ставка зябла из резерва фронта эти две дивизии и отправила на Юго-западный, не дав ничего взамен. Трудно это понять и объяснить. Сталин не внял доводам Конева, а генерал Шапошников – начальник генштаба – даже не пытался обосновать просьбу Конева не ослаблять фронт и требовал не 2 дивизии, а три – четыре.

И результат – 64сд и 1гмд были отправлены на юг, последняя была еще и усилена 25 ОГМД. Результат перемещения дивизий – ослабление Западного фронта и потеря времени и сил (наш 25 ОГМД за месяц дал только два залпа, а его огонь на Западном фронте очень пригидился).

Выгрузившись в Апрелевке 22 октября, 1-я батарея 25 ОГМД

своим ходом ушла в Наро-Фоминск. Эшелон же 2-й батареи в тот же день прибыл на станцию Наро-Фоминск, выгрузился и ушел к месту сосредоточения. Для встречи эшелона 1-й батареи на железнодорожной станции Наро-Фоминск был оставлен замполитрука Михаил Вовк. Потом он рассказывал: «Жду, жду вас, а эшелона нет и нет. Народу на вокзале ни души. Еще подождал, обошел все здание – никого нет. В здании вокзала – пусто. Подтянул ремень потуже, карабин – на плечо, осмотрелся вокруг – пусто. Жутковато стало. Вышел на середину шоссе и размашистым шагом пошел, куда ушла батарея. Иду, на улице никого, даже собак – и тех не было. Наконец, отлегло: вижу, на скамейке у домика сидят старик и старуха. А я иду, не оглядываясь, и карабин за плечом. Прошел домик, а вдогонку: “Слышь, старая, как наши защитники улепетьвают... Топают так, что грязь в стороны...” Я еще крепче натянул ремень карабина и прибавил шаг. А кругом тишина... К своим пришел – полегчало. А тут и вы прикатили... Вот такие дела...»

Утешительного Миша Вовк нам ничего не сказал, да и времени на раздумья и разговоры тоже не было. Вовк ушел в свою батарею, а нам надо было где-то найти место и для рации, и для вещевых мешков, да и ночь провести где-то надо. Обосновались на опушке леса, под раскидистой сосной. А рядом – связисты. Тут же стояла и полупорка взвода. Боевые машины – в лесу, готовые к выезду на шоссе (оно было рядом, метрах в ста).

А ночь уже окутала и лес, и дорогу, и город Наро-Фоминск. Он был рядом, совсем рядом, в нескольких километрах.

Ночь... Первая ночь под Наро-Фоминском для нас была и тревожной, и успокаивающей: мы под Москвой и снова в составе 1-й Московской дивизии. А завтра?... Мы с Федей Кочетковым наломали сосновых лапок, набросали их на землю, раскинули плащ-палатку, под головы вещмешки – и спать.

«Спать, спать, Саша, – сказал твердо Федя. – Завтра дела... Спать, спать...» И мы заснули. Это была наша первая ночь под Москвой, недалеко от реки Нара, 22 октября 1941 года.

Бои за Наро-Фоминск

21 октября 1941 г. 175 гвардейский стрелковый полк прибыл в Наро-Фоминск, и сразу два его батальона выдвинулись на западные окраины города. В этот же день прибыл сюда и командующий 1-й Московской гвардейской дивизией полковник Лизюков. Его штаб разместился в Ново-Федоровке, на восточной окраине города. 1-я Московская вошла в состав 33 армии, которой с октября 1941 г. ко-

мандовал генерал-лейтенант М. Г. Ефремов.

Как и в Сумах, штаб 33 армии не знал, где находятся дивизии армии и где противник. В штабе армии считали, что немцы еще далеко от Наро-Фоминска и дивизии армии (222 сд, 110 сд и 113 сд) ведут бои под Боровском и в районе Вереи. А немцы были рядом: в Алексеевке, у разъезда 75 километр, в Котово и Щекутино. Об этом доложила разведка, разведка и 1 и 3 батальонов 175 полка.

Схема боев за Наро-Фоминск (Кузнецов, стр. 118, с указанием дислокации 25 ОГМД)

Командир полка подполковник Новиков, находившийся вместе с комиссаром полка Мячиковым в 1 и 3 батальонах, чтоб лично ознакомиться с расположением этих подразделений, а также чтоб непосредственно ознакомиться с личным составом рот, с бойцами и командирами, только что прибывшими в полк (в боях под Сумами были большие потери, и полк получил пополнение). Порядком в ротах и батальонах командир остался доволен, остался доволен и пополнением. А утром 22 октября роты 1 и 3 батальонов начали наступление на Алексеевку, высоту 201,8 и железнодорожный разъезд 75 километр. И везде атакующие роты были встречены артиллерийским и стрелковым огнем врага. Огонь был плотный, и командир полка приказал атакующим отойти на исходные позиции.

«Впереди наших войск нет, – сказал Новиков самому себе и комиссару полка. – Надо ехать в штаб, готовиться к боям...» Отдав последние распоряжения командиру 1-го батальона, подполковник Новиков и комиссар Мячиков сели в машину и поехали в штаб полка, который был на восточном берегу Нары... Шофер спешил. Командир и комиссар молчали, а думы у них были одни.

– Стоит город, а к вечеру и нет его, – нарушил молчание Мячиков.

– А я, Алексей, думаю другое, – сказал Новиков. – Нару мы не отдадим. Нара – ворота к Москве, и эти ворота мы захлопнем... Будут уличные бои... Обо всем доложу Лизюкову...

Но до штаба полка командир и комиссар не доехали: узкую улицу перекрыли тягачи. Новиков остановил машину и послал адъютанта выяснить, чья техника. Адъютант быстро вернулся и доложил: машины артполка дивизии. Новиков и Мячиков вышли, решили, что пешком быстрее дойдут до штаба (о немцах в городе – мысли не было).

– Окольными улицами добирайся до штаба полка, – приказал Новиков водителю.

Машина ушла, а командир и комиссар пошли прямо по улице... А вскоре справа послышались выстрелы. Началась перестрелка. Она приближалась. Новиков и комиссар встревожились, а тут из-за угла немецкие автоматчики. Увидев бегущих, открыли огонь. Упал адъютант, обмяк Новиков. Мячиков отстреливался... А немцы спешили к Наре-реке... Мячиков подбежал к раненому командиру. Кровь залила брюки командира. перевязал рану и попытался унести раненого в какое-нибудь укрытие. Сил не хватило, остановился. А тут новая группа немцев. Ведут беспорядочную стрельбу, кричат, пьяные... Так же, как и первые, убежали к Наре. Мячиков

взвалил командира на себя – и вперед. Но тяжел был командир, а комиссар слаб. Новиков истекал кровью. Впереди шел бой. Командир и комиссар поняли: немцы пошли в атаку, батальоны полка ведут бой...

И впереди разгорелась сильная перестрелка. Мячиков вновь попытался унести командира до какого-нибудь укрытия. Дотащил до забора, а дальше – сил нет. А впереди бой все сильнее и сильнее. Стреляли пушки, бомбила авиация, грохотало и сзади... Командир понял: идет борьба за город, а он здесь истекает кровью, и все меньше сил...

И Новиков приказал комиссару: «Бери мои документы – и в штаб... Беги, беги!.. Организуй оборону города...» Мячиков мялся. «Приказываю, иди, Алексей!» – И комиссар дрогнул, перемахнул через забор, и к штабу...

Командир 175 стрелкового полка 1-й Московской гвардейской дивизии остался один. У него еще были силы, в руке – пистолет, глаза смотрят вперед... Но сник. Командир полка и один, и сил нет...

Немцы подтянули силы и вели бой за каменный мост. Но здесь уже был 2-й батальон 175-го полка, подошли танки бригады Сахно, ожили артиллеристы. Немецкая авиация свирепствовала. Зенитчики сбили два самолета. Боем руководил Лизюков. И тут явился Мячиков.

– Где командир? – спросил комиссара Лизюков.

– Там, ранен... Мне приказал идти в штаб...

– Полежай в танк и туда... Новикова найти!

Т-34, отстреливаясь, пронесся по городу, но командира 175 полка не нашли. Когда танк вернулся к командному пункту, Лизюков, увидев, что Новикова нет, приказал комиссару Мешкову отвести Мячикова в особый отдел и разобраться. И выругался: «Эх, шляпа!»

Комиссары ушли в штаб 33-й армии. Нет, Мячикова не расстреляли. Дали ему небольшой отряд, человек 50, и Лизюков приказал: «Бери Конопеловку. – Помолчал... – Возьмешь – будешь жить. Не возьмешь – пеняй на себя».

Конопеловку Мячиков со своим отрядом у немцев отбил. Отряд выбил немцев и из военного городка. Он снова – комиссар 175 полка. А командиром был назначен майор Балоян.

Сильнее всех переживал потерю друга комиссар дивизии Мешков. Он давно знал Новикова, еще до войны. Вместе выходили из окружения.

Комиссар Мешков на встрече с комсомольцами полков и дру-

гих подразделений (встреча проходила на сахарном заводе под Су-мами; там были и мы, комсомольцы 25 ОГМД) говорил о боевом пути 1-й гвардейской Московской дивизии. Особо отметил 175 стрелковый полк, командиром которого был П. В. Новиков. Новиков сидел за столом, рядом с Мешковым. Мешков рассказывал нам: «175-й полк не раз был в окружении и всегда прорывал кольцо врага. Был случай, когда, чтоб пробиться к своим, надо было перейти речку. Утром дело было. Разделись – и в воду. Перешли на другой берег – и на врага, кто в чем был. Враг такой дерзости не выдержал, а мы вышли из окружения».

Новиков слушал рассказ комиссара, склонив голову над столом. Таким он и остался у меня в памяти. Он был смел и скром. Из Сибири, а служил в Москве и погиб за Москву... Такова легенда о командире 175 гвардейского мотострелкового полка подполковнике Новикове Павле (портрет П. В. Новикова взят из книги Кузнецова, стр. 21; отсюда же узнал и про обстоятельства его гибели).

23 октября 25 ОГМД дал первый залп по немцам, накрыв скопление врага в Кузьминках, потом второй – по Алексеевке, третий – по разъезду 75-й километр.

Помню, в небе – немецкие самолеты (наших не было). Они бомбили центр города и ткацкую фабрику. Немецкие автоматчики стремились переправиться через Нару. И снова дивизион дает залп... Немцы несут большие потери, но их атаки не утихают. Задача немцев – взять город и вперед, на Москву. Наша задача – не пустить немцев за Нару-реку, три немецкие пехотные дивизии.

Полковник Борис Готовцев, мой товарищ по 25 ОГМД, в то время командир огневого взвода 1-й батареи, вспоминая о тех октябрьских днях в очерке «Под Наро-Фоминском», пишет: «Бои шли днем и ночью. Атаки противника следовали одна за другой – здесь враг был ближе всего к Москве. Но гвардейцы-москвичи держались стойко и не пустили врага за Нару-реку» (из книги «Вышли на фронт “катушки”». М., 1982. Стр. 74).

И днем, и ночью, под огнем артиллерии гвардейцы-минометчики давали залпы по скоплениям немцев, отражая атаки врага. Немцы почувствовали удары наших БМ и прозвали их адскими ма-

П. В. Новиков

щинами. Трудности боевой жизни мы переносили мужественно. Никаких происшествий, каждый старался помочь другому, чтобы выполнить боевой приказ.

А немец рядом, а оружие наше грозное, секретное. За ним немцы охотились. Одна из задач командиров дивизиона – охрана. Начальниками караульной службы были младшие командиры, командиры БМ. Часто эту должность нес и я, по званию – старшина.

И вот однажды, темной ночью, в расположении 2-й батареи раздались выстрелы. Я – начальник караула 1-й батареи – вместе с разводящим бросился проверять караулы. Часовые все на местах. Стреляли рядом. Утром мы узнали, что из 2-й батареи исчезли три бойца с оружием, все с Украины... Осталось загадкой: сами ушли или захватили их немцы. Это была первая потеря в дивизионе...

Последние дни октября шли жестокие бои за Москву. Жестокие бои и под Наро-Фоминском. Немцы, используя свое превосходство в авиации и танках, наращивали удары. Наши войска вели оборонительные бои, переходя в контратаки, но фронт неуклонно приближался к Москве. Советское правительство и ЦК партии обратились к армии с призывом: «Ни шагу назад. Сделать подступы к Москве могилой для немцев».

Командование 1-й Московской дивизии и политотдел также выпустили «Обращение ко всем бойцам, командирам, комиссарам и политработникам», в котором говорилось:

«...Враг еще силен... Истекая кровью, собирая последние силы, враг организовал поход на Москву... Угроза нависла над родной Москвой... Танкисты, артиллеристы, бесстрашные пехотинцы, истребители, разведчики, саперы, водители! Поклоняемся перед партией, Советским правительством, что всю нашу ненависть к врагу, силу, мощь обрушим на поганые головы фашистских бандитов.

Москва – это сердце нашей Родины, и если будет нужно, то каждый из нас отдаст свое сердце, жизнь свою за наш родной любимый город.

За Советскую Родину! За социализм! Ни шагу назад! Вперед и только вперед, и победа будет за нами».

Обращение пришло в части, подразделения вечером 24 октября. Командиры, комиссары, политработники читали это обращение перед бойцами, и каждый боец, командир, политработник ставил свою подпись под этим обращением. Подписывали его и мы, воины 25 ОГМД.

А утром немцы снова пошли в атаку. Немецкие самолеты бомбили наши позиции. Немцы решили перейти Нару и взять весь город. Их встретили смертельным огнем пехоты, артиллерии. Обрушился на немцев и огонь «катюш». После залпа дивизиона РС перешли в контратаку наши танки, а за ними батальоны стрелковых полков 1 Московской гвардейской дивизии. Немцы за Нару не прошли.

Так день за днем, в течение недели, гвардейская Московская отбивала атаки врага, переходя в контратаки. «Командование дивизии, – пишет полковник Готовцев – умело использовало огневую мощь нашего дивизиона, чтобы не только отстоять занимаемые рубежи, но и нанести врагу максимальные потери». Приходилось 25 ОГМД вести огонь и под бомбежкой немецких самолетов.

*«Не успели мы занять огневые позиции, как налетели немецкие бомбардировщики. Разрывы бомб, устрашающий вой сирен... Казалось, нет возможности подготовить залп. Но воины-гвардейцы... выполнили боевой приказ».*¹

Нам сопутствовала удача: потерь ни в технике, ни в личном составе не было. Слаженно работали расчеты, не терялись водители БМ ни на огневой, ни в пути.

А в Наро-Фоминск прибывали все новые и новые силы врага. Выгружались на разъезде 75-й километр. 25 ОГМД много раз давал залпы по этому разъезду и близлежащим поселкам. Нам, солдатам, командиры говорили, что дивизион своим огнем уничтожил немецкую дивизию, прибывшую из Франции.

А немецкие атаки на позиции войск 33-й армии не прекращались. И в конце октября немцам удалось сбросить в Нару одну из рот 110 стрелковой дивизии. Это было только что прибывшее в дивизию пополнение. Необстрелянные ополченцы из Москвы растерялись, побросали винтовки и побежали в тыл, в Москву. Я тогда дежурил и утром, проверяя посты, встретил одного из отступающих. Он брел обочиной дороги, одет в штатское. Увидев меня, солдата с ружьем, преградившего ему путь, он протянул руку с компасом и, заикаясь, спросил: «Где, где Москва?..»

Этот перепуганный человек, без головного убора и без шинели, запомнился мне на всю жизнь, а в ушах и сейчас слышится его надтреснутый голос: «Где, где Москва?..»

А на другой день по Калужскому шоссе эти люди возвращались обратно, шли группами, по три – пять человек. Вид у них был жалкий, некоторые в одних носках. А погода стояла сырая и ветренная. В дивизионе шел разговор, что комиссар 1-й Московской полковник Мешков говорил, что расстрелять этих людей просто (они покинули часть), а вернуть в строй полезней и для них, и для страны. Их задержали и вернули в часть.

А вот еще один факт из того же сурового времени. В начале ноября в дивизион привезли осужденного для приведения приговора в исполнение. Стали искать охотников исполнить приговор. Я был

¹ «Вышли на фронт “катюши”», стр. 75.

молод, активен и решил принять участие в расстреле. Комиссар батареи Канивец, узнав о моем решении, сказал мне при встрече: «Понимаешь, замполитрука, я не советую этого делать: нам нельзя, нельзя. Это надо понять. Нельзя». Я его понял.

Комиссар Канивец

Могилу вырыли на опушке леса. Сюда старшины батарей привели личный состав дивизиона. Перед могилой стоял высокий, лет тридцати человек. Он был в шинели, без ремня. Чувствовалась в нем какая-то сила. Он смело смотрел нам в глаза, голову держал высоко. Молчал, широко расставив ноги, обутые в добротные яловые сапоги. Перед могилой, шагах в десяти, выстроилась группа наших бойцов, в руках карабины.

Зачитали приговор – расстрел за измену Родине. Осужденный выслушал приговор молча, спокойно. Крепко стоял перед могилой...

Последовала команда. Стрелки взвели карабины, загнали в стволы патроны, приготовились спустить курки. И в это время раздался спокойный, зычный голос осужденного: «Да здравствует товарищ Сталин!» – и тут же выстрелы. Осужденный упал. Он был мертв. А его крик перед расстрелом всех нас потряс. Все молчали и молча ушли в батареи. Я не помнил, чтоб кто-либо тогда завел разговор о виденном и пережитом.

Суровое это было время. Смерть всегда была рядом, Но чтобы жить, надо бороться за жизнь, и умирать надо с честью. Нас, воинов 25 ОГМД, смерть пока избегала.

А немец лютовал: била немецкая артиллерия, бомбили самолеты. А мы, дав залп, уходили в лес, пряча БМ под кроной деревьев...

Дивизион облетела радостная весть: командиры батарей, комиссары батарей, командиры орудий и некоторые водители машин и номера орудий получили правительственные награды. Я получил благодарность командующего фронтом Г. Жукова. Другим вынесли благодарность за службу Родине командиры батарей. Такова была жизнь. Каждому свое, но все были рады, что нас, гвардейцев 25 ОГМД, заметили и сказали спасибо за службу Отчизне.

Война – это не только бои, но и тяжелая суровая жизнь в особых условиях. В своих воспоминаниях полковник Б. Готовцев пи-

шет: «Боевая обстановка была напряженной, временами казалось, что больше уже не выдержать. Но шел день за днем, и у всех находились силы выполнить очередную боевую задачу».

Боевая задача – дать залп по врагу. А чтобы дать залп – нужно в дивизион привезти снаряды. А дивизион иногда давал до 3 – 4 залпов в сутки. Нужно горючее, нужны продукты, питание для бойцов. Всем этим (снабжение) занимался взвод боепитания и водители грузовых машин батарей. А была осень, сырая осень 41-го года. А дороги к дивизиону – грунтовые, разбитые. А грузы надо доставлять, и водители грузовых машин, несмотря на все трудности в пути, приказ выполняли – грузы в дивизион приходили. А в пути бывало всякое, но помогала взаимопомощь водителей. Надо отметить, что слава о «катюшах», грозном советском оружии, также помогала нашим водителям: им помогали, как могли, им давали дорогу. «Пусть едут. Бейте немцев крепче!»

Война – войной, а весточка из дома – всегда приятна. Под Москвой мы стали получать письма. В них была радость, а иногда и неприятность. Но письма все ждали. Бессменным почтальоном в дивизии был Аркадий Донников. Москвич, человек большой души и напористости: в любую погоду Аркадий шел за почтой и нес нам весточки от родных, от друзей, от подруг. Приносил он нам и газеты.

Пришла почта – и все оживали. Аркадия нашел комиссар Канивец, рекомендовал Волкову, комиссару дивизиона.

Появился в дивизионе и баян. Нашелся и гармонист – Миша Бациановский. Хорошо играл и пел неплохо. Гармонь играла вечерами, вокруг нее собирались солдаты и слушали знакомые наигрыши. Вдруг гармонист менял мелодию и, улыбаясь, выкрикивал: «А ну, Рязанский, выходи в круг!» Митька, разведчик из Рязани, плотно сбитый парень лет двадцати – двадцати трех, что-то не шел. А гармонь все звала и звала: выходи, выходи, выходи... И Митя, не выдержав, одергивал гимнастерку, поправлял пилотку, разворачивал плечи и шел в круг... Бросался в пляску и Коля Сутягин, водитель боевой машины. И пошло, и пошло... А гармонь все звала и звала, и бойцы выбрасывали в круг все новых и новых молодцов, а те, охмелев, выкидывали одно колено за другим. А гармонь все звала и пела: «И какой же вы, ребята, замечательный народ...»

В такие минуты многое вспоминалось из ушедшей жизни. А тут вдруг тревожное: «По машинам! По машинам!» Гармонь стихла, круг исчез, зашумели моторы БМ, орудия выдвинулись из укрытий и ушли в ночь, к Наре... Оставшиеся в расположении дивизиона

напряглись в ожидании знакомых грозных раскатов. Что-то их не было. И вдруг знакомая музыка, и огненные стрелы разрезали тьму: батареи ударили по разъезду 75 километр, куда ночами подходили вражеские эшелоны из Франции с живой силой и техникой (ночами – чтоб незаметно уйти в город, на передовую).

Выполнив боевую задачу, БМ-8 возвращались обратно. Ночные залпы были редкими, но были, были.

К концу октября частям 33-й армии (командующий генерал Ефремов) удалось стабилизировать фронт. Он проходил по Нарреке от Любаново до Афанасовки, через Таширово и Наро-Фоминск. Дивизии армии установили тесную связь. Немцы, как ни бились, за реку Нару не перешли. Только к югу от Наро-Фоминска, в Горчухино, они переправились на другой берег, но были остановлены под Афонасовкой. А их прорывы через Нару под Любаново и Таширово были ликвидированы в жестоких боях.

1-я Московская дивизия, отбив все атаки немцев, прочно держала фронт по Нарре в Наро-Фоминске, на севере – 222 сд, на юге – 110 сд.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях об обстановке под Наро-Фоминском в октябре 1941 г. пишет:

«18-20 октября серьезно осложнилась обстановка на участке формирования 33-й армии в районе Наро-Фоминска, где действовал 20 армейский корпус противника. Сплошного фронта мы там еще не успели создать, и враг рассчитывал прорваться к Москве на этом участке. Действовавшая здесь 222-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Миронов, была крайне малочисленна и измотана в предыдущих боях. Быть бы беде, но в этот опасный момент подошла из резерва Ставки 1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия под командованием полковника, Героя Советского Союза А. И. Лизюкова. Эта дивизия была усилена 5-й танковой бригадой подполковника М. Г. Сахно и введена в бой.

*1-я Московская гвардейская дивизия отбросила прорвавшиеся части противника за Нарру и прочно закрыла Наро-Фоминский участок по восточному берегу этой реки».*¹

Ноябрь 1941 г. под Москвой был холодный. Жили в землянках. Мы с Фёдей Кочетковым тоже вырыли для себя землянку: в землянке теплее. А располагался 25 ОГМД уже на новом месте, около станции Бекасово, в лесу, у домика лесника (это на несколько километров в сторону Москвы от Наро-Фоминска, от старого места).

А в Наро-Фоминске продолжались жестокие бои. Немецкое командование слало сюда все новые части. Бои шли за каждый дом. В воздухе господствовала немецкая авиация. Я и сейчас вижу, как

¹ «Литературная Россия», 2 декабря 1966 г.

немецкие самолеты через наш лес летели бомбить Москву. Жутковато было. Вижу и наши тупоносые самолеты, возвращавшиеся после воздушного боя на свой аэродром. Летели они низко, почти над самым лесом. Нам казалось, что они жмутся к земле, чтоб уйти от преследования немецких самолетов...

Иногда капитан Зайцев, командир 1-й батареи, брал меня в поездки к Наро-Фоминску, для выбора огневых позиций. Так, однажды мы оказались в районе поселка Пожитково, в лесу. Там же, в лесу, жили и беженцы из Наро-Фоминска. Женщины, старики и ребята. Как они жили? – Трудно было понять, но жили. Идти им было некуда, и они верили, что скоро немец побежит. А немец был рядом, за Нарой, в нескольких километрах.

В одной из лесных землянок мы нашли два замерзших трупа наших солдат. Надо полагать, что они покинули свою часть, ушли в лес, нашли укрытие и в нем остались. Мы же, побеседовав с жителями сараев и землянок, вернулись в свое расположение.

А в Наро-Фоминске не утихали бои. Полковник Балоян, в то время командир 175 полка, вспоминая былое (очерк «Гвардейцы» в книге «Битва за Москву»), пишет: «В корпусах прядильно-ткацкой фабрики и фабричном городке бой шел за каждый этаж, за каждую лестничную клетку... Потери в людях и у немцев, и у нас были большие. Но гвардейцы-москвичи за Нару немцев не пустили. “Катюши” 25 ОГМД каждый день давали залпы по врагу, отбивая атаки немцев, били по скоплениям врага».

25 ОГМД в 1-й Московской гвардейской мотострелковой дивизии считали (и командование, и бойцы) своей частью и надежно охраняли и в пути, и на стоянках, в местах расположения. В лесу, у домика лесника, рядом с БМ-8 стояли три танка из танкового полка.

В ноябре 1941 г. Политотдел 1-й Московской дивизии собрал представителей комсомольских организаций частей и подразделений на встречу с посланцами московского комсомола. На этой встрече были и комсомольцы 25 ОГМД. Был и я, Любимов А. С. – секретарь комсомольской организации дивизиона. Комиссар дивизии Мешков В. В. от имени командования благодарил посланцев столицы за их доблестный труд в трудное время войны, а комсомольцев-фронтовиков за их мужество и стойкость в бою.

«Здесь, в Наро-Фоминске, мы ведем бой за каждый дом с фашисткой сворой, за каждую улицу. Передайте москвичам, что за Нару немец не перейдет: не пустим. Наро-Фоминск – ворота Москвы, они закрыты крепко».

А после торжественных кратких, горячих речей начались

танцы. И мы, в солдатской одежде (за поясом – две гранаты, а на боку – противогаз), танцевали с московскими девчонками. Кружился в танце и я с какой-то девчонкой из Москвы.

Танцы скоро закончились: в Наро-Фоминске разгорелся горячий ночной бой.

В ноябре же в дивизионе был праздник – пришло Постановление Верховного Совета Союза о награждении отличившихся в боях командиров, комиссаров и бойцов 25 ОГМД. Орденом Красного Знамени были награждены капитан Зайцев Б. Л. и комиссар батареи Канивец П. Ф., водитель БМ Николай Сутягин получил орден Красной Звезды. Многие гвардейцы-минометчики получили благодарность за службу Родине командующего Западным фронтом Жукова Г. К. Получил благодарность и Федя Кочетков, получил благодарность (как уже говорил) и я.

Награды были вручены тут же, под Москвой. Все награжденные орденами сразу их прикрепили к своим гвардейским кителям. Особенно радовались Канивец и Сутягин, а Зайцев куда-то запрятал орден...

А бои за Наро-Фоминск не ослабевали. Утром 1 декабря немецкие войска вновь предприняли наступление на Москву на участке 33 армии. Сосредоточив большие силы, они атаковали наша войска в районе Таширово, на Головеньки, Акулово и Кубинку (на севере, на стыке 1-й Московской и 222-й стрелковой дивизий) и в районе Атепцево, на Афонасовку и Бекасово (на юге, на стыке 1-й Московской и 110 сд). Немцам удалось прорвать оборону 222 сд и 110 сд. На севере они углубились в нашу оборону до 20–25 километров, продвинувшись до Алабино, Юшково, Бурцево; на юге – до 10 километров (немецкие танки ворвались в Бекасово). В Наро-Фоминске атаки немцев успеха не имели. Полки 1-й Московской не отступили. Еще одно усилие врага – и 1-я Московская могла бы снова оказаться в окружении, но в боях под Алабино немецкие части были остановлены, а потом и отброшены на исходные позиции.

А 6 декабря Красная Армия перешла в наступление. Немцы дрогнули и начали с боями отходить, сдавая одну позицию за другой, все время переходя в контратаки. Отступая, фашисты сжигали деревни, разрушали города, зверствовали.

А в Наро-Фоминске продолжались бои, бои за каждый дом. Вновь перескажу- процитирую воспоминания Балояна.

«Мой наблюдательный пункт был оборудован на чердаке одного из домов военного городка. Немцы бомбили, вели артогонь – голову поднять нельзя. Когда все стихло, я поднялся из подвала на НП и увидел: дом окружили немцы. Все, кто был в доме, взялись за оружие, отстреливались. Замолк немецкий пулемет – удача.

Тринадцатилетний мальчик Гавруша, старший из шести мальчишек, живших в части (родителей они потеряли), бросился туда, где был пулемет, и притащил в дом. Пулемет заработал. Положение было серьезное, и я вызвал огонь артиллерии на себя. Артиллеристы открыли огонь. Когда артиллерия смолкла, к нам пришла помощь – командир 3 батальона 175 полка и с ним 4 бойца. Мы перешли в контратаку и немцев отогнали».

В октябрьские дни, как я уже говорил, наш дивизион базировался в лесу, около железнодорожной станции Бекасово. Рядом проселочная дорога, изрытая, разбитая транспортом. Но снег запорошил кусты, поляны, дороги. Мороз сковал землю. В эти дни мне не раз приходилось дежурить по кухне. Дрова были рядом; продукты – в машине начпрода; картошка, лук – в мешке, тут же, у кухни. Мы мыли картошку – и в котел. Вкус у мороженой картошки, конечно, был не тот, но ничего. Ели с аппетитом и суп, и кашу, что готовил армейский повар. Даже за добавкой ходили.

7 ноября – день был холодный, какой-то серый. Я не помню, выезжали ли в тот день батареи на огневую. Не помню... А вот сообщение московского радио о параде на Красной площади мы восприняли радостно. Парад на Красной площади – неожиданное известие. Парад войск в Москве! Значит, силы еще есть. Настроение у нас, фронтовиков, поднялось...

В те ноябрьские дни в Наро-Фоминске по-прежнему шли бои. Батареи уходили на огневую и днем, и ночью и вели огонь по врагу. А грузовые машины уходили в Апрелевку за снарядами, чтоб батареи РС могли дать очередной залп.

*«Надо сказать, что пушечных снарядов 33-я армия получала очень мало. В некоторые дни артиллеристам разрешалось израсходовать 1–2 снаряда на орудие. А наши же дивизион получал боеприпасы более щедро, и командование дивизии полностью использовало его огневую мощь».*¹

Это же подтверждает и маршал Жуков в книге «Воспоминания и размышления».

Шли бои, а в дивизионе шла обычная жизнь: солдат бился с врагом, но и мысли о доме, о семье его не покидали... И вот радость: наш беспокойный почтальон Аркадий Донников принес нам и газеты, и письма, долгожданные письма от матерей, жен, любимых, от детишек... Сколько радости они принесли, эти письма, солдату. Но не все письма были радостные: в тылу жили трудно, трудно... А капитан Зайцев и комиссар Канивец писем не получали: их семьи были под немцами. Да и не у них одних... А письма солдат ждал, а, получив, перечитывал много-много раз.

И мне пришло письмо из далекого села Аятского, с Урала.

¹ Из воспоминаний Б. Готовцева «Вышли на фронт “катюши”», стр. 75.

Сестра Анастасия писала: «Живем, братец, живем трудно... Работаю в школе... Доченька растет... Держим корову, пару овец... Семен пишет редко, где-то под Ленинградом, водит машину... Отец здоров... За письмо спасибо... Погиб Яков, Иван Павлыч ранен, лежит в госпитале... Саша Силуянов убит... Пиши. Бейте их проклятых... Береги себя... Миша на Дальнем Востоке, Алеша в Свердловске, Нюра там же. Пиши... А мы как-нибудь проживем. Пиши...»

Сестра Нюра, Анна Степановна Любимова

А солдаты слали домой, родным и любимым, свои солдатские треугольники. «...А у нас все хорошо. Враг Москву не возьмет, не пустим... Умрем, но не пустим!..»

Помнится, в ноябре немец предпринял очень сильную атаку на позиции 1-й Московской, стремясь во что бы то ни стало прорваться через Нару. Полковник Лизюков непосредственно руководил отражением этой атаки. Под бомбами вражеских самолетов вела огонь наша артиллерия. Нанесли два залпа наши «катюши», а потом пошли в атаку танки майора Сахно, пятой танковой бригады. Их поддерживали стрелковые роты – и немец откатился на исходные позиции...

А в конце ноября Лизюков был отозван в Москву, где получил новое назначение. Лизюков Александр Ильич (1900 – 1942), командир 1-й гвардейской Московской дивизии... Три месяца командовал дивизией. С августа по ноябрь. Трудно расставаться с боевыми друзьями. Вспомнились жестокие бои на реке Вопь, на Смоленщине (в начале сентября), когда дивизия прорвала оборону немцев, заняла ряд населенных пунктов, но и сама была обескровлена... Погиб комиссар дивизии Тюпилин И. И. погибли командир и военком 175 полка Г. В. Бакланов и М. И. Доценко... Дивизию вывели на переформирование. А потом бои в Николаевке, Штеповке, Аполлоновке... И тяжелейшие бои в Наро-Фоминске... Но приказ есть приказ. Лизюков попрощался и уехал. Командиром дивизии был назначен полковник Т. Я. Новиков.

Я видел А. И. Лизюкова только один раз. Это было в клубе сахарного завода под Сумами, во время встречи командования дивизии с комсомольцами-воинами, участниками боев на Суле-реке. Тогда А. И. Лизюков, обращаясь к нам, молодым воинам дивизии, сказал: «Мы победим в этой жестокой битве с немецкими фашистами. Победим. Но драться надо умеючи. Помните это. Надо хорошо

владеть своим оружием. Не бойтесь врага. Будьте мужественными в бою, и вы победите. Всегда, везде, в походе и на отдыхе, будьте бдительны: враг коварен. Всегда будьте готовыми к бою. Приказ командира – закон, но и сам смекай, как победить врага. И ты победишь. Желая вам дойти до победы! Берегите себя и друга – это тоже закон войны...»

Его призыв мы запомнили... Герой Советского Союза генерал-майор Лизюков, командующий 5-й танковой армией, погиб в бою 25 июля 1942 г. вблизи деревни Медвежье Воронежской области. По воспоминаниям знавших Лизюкова, он был жестким, порой мог даже не то слово сказать... Но был справедлив. За время командования дивизией написал две книги о разведке.

Полковник Лизюков отбыл из Наро-Фоминска 30 ноября. А утром 1 декабря немецкие войска, сосредоточив значительные силы в районе Таширово и Атепцево, начали наступление...

25 ОГМД, как уже говорил, стоял в лесу, около станции Бекасово. Бои шли рядом, и слева, и справа. Мы забеспокоились, когда наша артиллерия стала слать снаряды через наши головы. Ушли танки, охранявшие нас...

*«В те дни (1-4 декабря) дивизион подвергался сильным артиллерийским налетам, но потерь мы почти не имели. Помогли открытые щели и глубокие окопы для машин».*¹

Но я не помню, чтоб нас обстреливала немецкая артиллерия, да и окопы для машин мы еще не рыли. Позднее, при наступлении, с лета 1942 г., и в тылу, и на ОП (огневой позиции) мы стали зарывать машины в землю, ставили БМ в аппаратель (окоп, яма с пологим вздом-спуском), спасали моторную часть машины, на случай обстрела...

6 декабря 1941 г. войска Западного фронта на севере (в районе Яхромы) и на юге (в районе Узловой) начали контр наступление... Это была радостная весть, которую передало Советское информбюро. Мы, политработники, сообщение о наступлении наших войск передали своим товарищам. Все этого ждали, и все были рады, что, наконец-то, и Красная армия пошла в наступление.

А в Наро-Фоминске шли бои. Всю ночь на 6 декабря на улицах разрушенного города, по окрестным полям мела метель, заметая дороги и руины. А утром, используя обстановку, изрядно подвыпившие немецкие солдаты пошли в атаку. Заработала немецкая артиллерия.

¹ Из воспоминаний Б. Готовцева.

Командир 2-го батальона 175 полка доложил командиру полка о начавшейся вражеской атаке, попросил огонька артиллерии... и связь оборвалась. Сержант Новиков, сидевший у телефона, толкнул товарища, дремавшего в углу землянки, и сказал, открывая дверь:

– Садись к телефону. Я пошел искать обрыв: связи нет...

И растаял во тьме. Товарищ вышел из землянки, умылся снегом и сел к телефону. Минут двадцать телефон молчал и вдруг заработал. «Слышишь?» – спросил Новиков друга. – «Слышу, слышу...» Новиков решил крепко соединить провода, а туг немцы, совсем рядом. Он сжал провода зубами, схватил винтовку, начал отстреливаться... Немецкая пуля сразила бойца – но телефон работал, и командир 175 полка держал связь с подчиненными и принимал нужные решения, чтоб помочь атакованным ротам... Заработала наша артиллерия. Немцы отступили...

Сержанта Новикова нашли мертвым, уже запорошенного снегом. Рядом лежала винтовка, а застывшие челюсти крепко сжимали холодный провод. Недалеко от сержанта лежали застывшие трупы немцев. Товарищи разжали зубы, скрепили плоскогубцами провода. Положили тело героя на плащ-палатку и унесли в расположение части... Нашли глубокую воронку, накрыли тело досками от разбитого забора и забросали холодной землей. Вместо памятника – кусок дерева с надписью: «Здесь похоронен сержант Н. С. Новиков. 6 декабря 1941 года». Нашли кирпичи, уложили на могиле. Закурили, перечитали надпись и ушли. Вечером старшина поднес им по сто граммов и вместе с ними помянул сержанта...

О подвиге связиста написала газета дивизии «На штурм», а в наш дивизион ее привез из политотдела комиссар Волков. Он прочитал заметку, а потом вручил газету мне: «Прочитай сам, прочитай и другим».

А спустя какое-то время поэт Алексей Сурков посвятил герою стихотворение «Связист».

*«Лишь через час его в снегу нашли.
В больших глазах застыла синева,
Меж мертвых губ по проводу текли
Живой команды точные слова.
Связист и в смерти не покинул пост...»*

Он умер за Москву, как тысячи таких же юных героев...

На всю жизнь я и мои боевые товарищи запомнили день 12 декабря 1941 года. Зима, снег, морозы. Нам выдали зимнее обмундирование: валенки, полушубки, шапки-ушанки, варежки (чтоб не потерять, мы соединяли рукавицы длинным шнуром; перекидывали

шнурок за голову, под воротник полушубка – надежно!)... А тут оттепель, да такая!.. Ступишь на снег – под снегом вода. А вечером: «По машинам!», и боевые машины ушли в ночь, в сторону фронта. Огневая – северная окраина города, на лесной поляне...

Федя Кочетков (он был, кажется, из Чувашии) и я держали связь с НП командира дивизиона. Было тепло, шел дождь со снегом. Дождь и снег, конечно, радости мало. Но война есть война... Валенки промокли, намокли и полушубки. Сыро, неудобно (костер разводить нельзя), а команды открыть огонь – нет и нет. Прошел час, второй – а команды нет. А тут засеверило да так, что наши полушубки и валенки превратились в ледяшки. Беда да и только. А команды все нет. Что делать? – Начали толкаться, бить в ладоши, прыгать, дробить, припевать: «Эх, яблочко!...»

«Ты любила, я любил.

Ты забыла, я – забыл...

Эх, ма, война-война...

Не жизнь – малина. Пей до дна!»

Всю ночь прыгали, толкались, друг друга грели. Утром, часа в четыре, пришла команда: «Огонь!» – Снаряды, разрезав тьму, ушли за Нару. А потом молотьяба: ба...ба...ба...ух...ух... По радиации Федя услышал: «Молодцы! Молодцы! Цель накрыта... Отбой...» Федя Кочетков передал приказ капитану Зайцеву, приказ с НП. Машины развернулись и ушли в предрассветную тьму. За ними ушла и наша полуторка... Да, выпала ноченька... Как вспомню, так и дрожь берет, мороз бежит по спине... А с той ночи под Нарой-рекой кануло уже 58 зим...

Быстро время летит. В живых из тех, кто стоял насмерть под Москвой, осталось мало... И Борис Готовцев, тогда молодой лейтенант, командир огневого взвода, тоже хлопал в ладоши, толкался, барахтался с бойцами, чтоб согреться... Давно уже он смолк. И Феде Кочеткова тоже нет. Жив ли капитан Зайцев Борис Лукич? – Не знаю, не ведаю... Он был моих лет, сегодня ему было бы за восемьдесят...

На встречу воинов-защитников Москвы в 1996 году в городе Кирове из 33-й армии пришло лишь два старика: я, Любимов Александр Степанович, из 25 ОГМД, и Петр Васильевич Шипулин, артиллерист гаубичного полка 222сд!

Дорогие мои однополчане, низко кланяюсь перед вашей жизненной силой. Нам повезло: мы бились в 1941 году под Москвой! Мы были в составе 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии и не отдали Москвы, не отступили, немец не перешел Нару-реку.

Наступление

А тогда... Бои у Нары-реки не умолкали. Обе стороны несли большие потери. 175-м полком после смерти Павла Новикова командовал уже третий командир, сменились все командиры батальонов и рот. Изменился и личный состав.

«Командарм 33-й армии Ефремов 15 декабря 1941 г. приказал: “18 декабря 1-й Московской дивизии на участке Наро-Фоминск – Горчухино (4 километра) начать наступление, уничтожить противника и к исходу дня выйти на рубеж разъезд 75 километр – Котово, а 19 декабря овладеть рубежом Кузьминки – Татарка”. Командарм понимал, что времени для подготовки наступления нет, мало артиллерии, три танка на дивизию, авиации тоже нет. А наступать надо: этого требует командование фронта и народ. Видя, что командование дивизий от приказа наступать радости не испытывает, Ефремов добавил: “Не надейтесь на что-то, а выполняйте задачу. Больше изворотливости, инициативы, напористости. Там, где нельзя взять силой, берите хитростью, – и, раскурив трубку, продолжал, обращаясь к Бахметьеву, исполняющему обязанности комдива 1-й Московской, и Мешкову, комиссару дивизии. – У вас голое поле, крутой берег, на котором укрепился враг, справа – городские постройки, откуда ваш боевой порядок будет простреливаться. Нужно все хорошенько взвесить, продумать... – и, помолчав, закончил. – На то вы и гвардейцы...”

Мешков и Бахметьев ответили: “Постараемся”».¹

Таков приказ генерала Ефремова: надо – и все, умри – но вперед. Так и было. Теряя друг друга, шли вперед. Приказ надо выполнять...

Утром 18 декабря после залпа 25 ОГМД и короткой артподготовки мотополки 1-й Московской гвардейской дивизии начали наступление. Но залпы БМ-8 хороши по пехоте вне укреплений – и наша атака захлебнулась с большими потерями... Шесть дней шли ожесточенные бои. И только 26 декабря частям 33-й армии удалось очистить Наро-Фоминск от немцев. Отступая, немцы взрывали и жгли город.

1-я Московская продолжила наступление. Упорные бои шли за Башкино, Татарку, Нефедово. 25 ОГМД давал залпы по Башкино, по Татарке, Каурцево, Ворсино... С этого времени батареи дивизиона все время находились в боях. Они огнем прокладывали дорогу мотострелкам. Я, замполитрука, по приказу комиссара Волкова остался в тылу: «Капитану Рудыке помогать будешь. За кухней следи, за почтой...» И на прощание крепко пожал мне руку... «Я с батареями...» – и ушел... Сел в кабину полуторки и уехал на огневую. А мы еще несколько дней оставались в лесу, у домика лесника.

В тылу, в местах сосредоточения дивизиона, находился транспорт, кухня, «летучка» – слесарная мастерская... Здесь же нахо-

¹ «Гвардейцы-москвичи», стр.156, 157.

дился взвод боепитания и начпрод. Тылы обеспечивали батареям жизнь: обеспечивали снарядами, горючим, питанием...

В конце декабря, а может, в начале января 1942 г. мы оставили обжитый лагерь, и наша колонна двинулась в путь, ближе к фронту... Миновали Александровку, оставили позади застывшую Нару-реку. Наро-Фоминск... Город был сильно разрушен: железнодорожный мост взорвали, вместо деревянных домов торчали печные трубы.

Александр Кривицкий, корреспондент «Красной звезды» (газета политуправления Красной армии), в очерке «Военная косточка» так описывает освобожденный Наро-Фоминск.

«Железнодорожный мост через Нару взорван. Город разрушен так, будто пережил сильное землетрясение. Все, что фашисты не успели взорвать, они подожгли. Еще и сейчас огонь выбивается из окон кирпичного здания общежития ткацкой фабрики. Мы ходим по мертвому городу. Заглядываем в окна домов – мерзость запустения. Если бы сам не увидел, не поверил бы. Комнаты загажены, словно в них побывало стадо обезьян... В этой квартире, источающей ужасное зловоние, жили два офицера. Одного из них захватили в плен. Он пропьянствовал весь последний день боя за город. Его застали спящим среди кучи нечистот и пустых бутылок, а рядом зажженная елка...»¹

Миновав Наро-Фоминск, мы оказались в лесу. Шумели над нами отмеченные войной сосны, как бы приветствуя нас, изгнавших с их родины непрошенного жестокого врага. А по обочинам дороги следы прошедших боев: разбитые автомашины, сгоревший танк с крестом, оружие, ствол которого уперся в землю, обледеневшие, запорошенные снегом трупы фрицев и гансов... Отступая, немцы оставляли на поле боя убитых и раненых... Но вот и селение... Среди пепелища торчали печи да трубы. Они крепко были сбиты русским мастером-мужиком: не взял их огонь, не клонит их северный ветер. Они – часовые, зорко стерегут остатки селения, безжизненные поля.

Пусто в сожженных деревнях. Никого нет, лишь изредка из-за угла разбитого дома покажется одичавшая кошка или собака. И тут же скроется...

Автор книги «Под Наро-Фоминском» В. К. Соловьев в освобожденном селе Плесенское, что в нескольких километрах от Наро-Фоминска на запад, увидел потрясающую картину. «В растворе разбитого окна стоял на подоконнике голый замороженный мальчик лет трех, с раскинутыми по сторонам худыми ручонками... Ручки малыша были прибиты к косякам окошка длинными ржавыми гвоздями, на крошечных ладошках следы крови. Широко раскрытые глаза и рот мальчика как бы взывали к бойцам Красной Армии, просили отомстить».

¹ «Московская пролетарская». М., 1978. Стр. 111.

Мне и моим товарищам не пришлось задержаться ни в Наро-Фоминске, ни в прилегающих к нему освобожденных от фашистов селах: наша колонна спешила к новому месту сосредоточения, чтоб быть ближе к фронту. А фронт стремительно откатывался на запад...

4 января 1942 г. 1-я Московская гвардейская дивизия при поддержке частей 222сд освободила Боровск. Войска пошли на Верею. Машины часто вязли в снегу и приходилось пробивать дорогу. В это время я уже был вместе со своей батареей. На себе тащили машины. Зима – холод, снег, метели, заносы дорог. Худо и немцам, и нам. Наш солдат был одет в валенки и полушубки. Немец зимнего обмундирования не получил. И, чтоб потеплее одеться, он тащил из русских домов все, что попадалось из одежды и обуви, и все это – на себя.

Как-то поздним вечером, во время метели, мы вынуждены были остановиться в каком-то местечке и, чтоб согреться, зашли в дом, где теплился свет. Народу – ступить места нет. А тут еще привели немцев, человек пять. В одном из пленных хозяйка узнала немца, который утром был в этом же доме и, уходя, стащил с ее ребенка валенки. Ох, и отвела душу русская баба: и кричала, и кукиши совала в лицо... А немец молчит. А что скажешь? Хорошо и то, что женщина до волос завоевателя не дотянулась.

Картина эта запомнилась. Зачем немцу детские валенки, когда жизнь на волоске висит? А стащил ведь с ноги перепуганного мальчишки валенки – и в мешок. Такова, видимо, природа завоевателей... Насколько мне помнится, эту сцену я наблюдал в Вышгороде, что раскинулся в изгибе Протвы. До сих пор вижу, как женщина выхватила из рук красноармейца эти детские валенки и бросилась на немца с криком: «Получай, получай, ирод! На детские валенки, гад, позарился...»

Части 33-й армии, тесня немцев, упорно продвигались вперед. Фронта не было, все перемешалось. Враг отступал, упорно сопротивляясь. Бои шли за каждый населенный пункт, за каждый дом. А командование фронта, Ставка торопили: вперед, вперед! А зима свирепствовала. Мороз, снег, вьюга. 1-я Московская, выполняя приказ, после освобождения Боровска, преследуя отступавшего противника, должна была сосредоточиться в районе Васильево – Афанасьево для взятия Вереи.

19 января после залпа нашего дивизиона при поддержке танков пехота пошла на штурм города. Немцы вновь отступили. Уходя, фашисты разрушали, жгли, грабили, что могли. Таков закон завоева-

телей: грабь, и разрушай, и жги.

Освободив Верею, 33-я армия по приказу командующего фронтом тремя дивизиями начала наступление на Вязьму, на сильно укрепленный оборонительный рубеж немцев на центральном фронте. Генерал Ефремов сам возглавил эту группу. Наступление поддерживала дивизионная артиллерия и небольшие танковые подразделения, входившие в состав дивизий. Генерал Ефремов во время обороны Наро-Фоминска своим приказом разбросал по полкам и дивизиям 5-й танковую бригаду Сахно, приданную 1-й Московской еще до направления ее на юг.

А 1-я Московская дивизия – ударный кулак 33-й армии – приказом командующего фронтом генерала Жукова была включена в состав 43-й армии. Из Вереи полки 1-й Московской, сильно ослабленные в наступательных боях, были переброшены под Медынь.

Проделав 60 километровый путь, 175-й и 6-й стрелковые полки с ходу начали наступление на Мятлево. 25 ОГМД своим огнем поддерживал их атаки, бил по скоплениям противника. Командиром дивизиона был уже капитан Зайцев Б. Л., а Б. Готовцев был назначен командиром 1-й батареи. Немцы упорно сопротивлялись, но сдержать полки 1-й Московской не могли и оставляли один населенный пункт за другим. В конце января немцы оставили и Мятлево. Дивизия повела наступление на город Юхнов.

В это время тылы 25 ОГМД были расквартированы в деревне Хвощи, что западнее Мятлево. Была зима, дул пронзительный ветер. Да и морозец крепкий. И мы разместились в крестьянских избах. Хозяйкой нашего дома была пожилая женщина. В доме ни ребятшек, ни мужика. Дом небольшой, стоял на краю деревни, близ леса. Хозяйка дома все время возилась около печи, была неразговорчива, на нас смотрела как-то недружелюбно. Да и чему радоваться? Немцы у нее свели со двора корову, убили свинью. Осталась коза и пара овец. А ей надо жить. Боялась: чего доброго, и наш брат оставшуюся скотину порешит. Да и уверенности не было, что немец больше не вернется: с запада все время доносились раскаты боя.

На улице ни детей, ни стариков – никого не увидишь. Не то в лесу, не то в домах затаились. А вот в лесу мы наткнулись на окочевших немцев. Человек пять-шесть... Сидят у запорошенного снегом, потухшего костра. Русский мороз собрал их у огня. Отогрелись и забылись... да так и остались сидеть у костра. Кто в чем. И на всех крестьянская одежка... Для нас было странно: рядом деревня, а они у костра... И не дождутся матери в далекой неметчине

своих дорогих сынков, что отнял у них фюрер. Не дождутся. Мы их тоже не похоронили. Так и будут спать у потухшего костра, пока не растерзают их голодные волки. Туда им и дорога. Что искали, то и нашли. Жалости не было, а вот эта неприятная картина запала в душу... И сейчас вижу...

Генерал Ефремов, ободренный успехами армии (взяли Наро-Фоминск, Боровск, Верею), подгонял командиров дивизий, спешил к Вязьме. А над дивизиям, ведомыми генералом под Вязьму, уже нависла опасность. А он об этом не задумывался, и стрелковые части шли вперед и вперед...

В начале февраля части немецкой 4-й танковой армии отрезали тылы армии Ефремова, захватив Захарово и Федюки, а стрелковые дивизии под Вязьмой попали под огонь немецких оборонительных укреплений. И 33-я армия, отрезанная от тылов, неся большие потери, вынуждена была отойти от Вязьмы.

Командующий Западным фронтом генерал Жуков приказал командарму 43-й генералу Голубеву разорвать кольцо окружения 33-й армии. Генерал Голубев приказал 1-й Московской дивизии, наступавшей на Юхнов, передать свои позиции другой части, а самой выдвинуться под Захарово и вместе с дивизией Белобородова Захарово взять и пробиться к войскам окруженной армии.

Части 1-й Московской морозной ночью, пройдя километров 15 – 20, заняли позиции под Захарово. Но 1-я гвардейская Московская дивизия и дивизия Белобородова были сильно ослаблены в предыдущих боях, в ротах 175 и 6-го полков 1-й Московской оставалось по 20 – 30 солдат. Но приказ есть приказ, и командующий 1-й Московской, как когда-то генерал Ефремов под Наро-Фоминском, изрек: «Унывать москвичам не положено», – и приказал к утру занять позиции для атаки.

10 февраля утром, после непродолжительной артподготовки и залпа 25 ОГМД, батальоны 175 и 6-го мотополков пошли в атаку, но сильный огонь противника уложил в снег роты.

Под Захарово был тяжело ранен командир 25 ОГМД капитан Зайцев. Старший лейтенант Готовцев принял на себя командование, а капитана Зайцева решил отправить на излечение в Москву на машине дивизиона. Сопроводять раненого командира приказал офицеру, знавшему столицу, санинструктору Ивонину и мне (шофер тоже был москвич).

Взяв необходимое, уложив в машину капитана, мы двинулись в путь. Вечером прибыли в Москву, нашли нужный госпиталь. По-

прощались с командиром, пожелали выздоровления и возвращения в дивизион. Но в дивизион капитан Зайцев после выздоровления не вернулся...

Чем поразила нас Москва февраля 1942 года? Народу на улицах стало больше. Магазины работали, но противотанковые «ежи» с улиц еще не убрали. На одной из площадей – большой-большой фанерный щит, а на щите – танцующие парни в ярких костюмах... Плакат приглашал на вечер танцев. Нас, прибывших с фронта, это объявление поразило: фронт, бои-бои, раненый командир и вечер танцев... А жизнь есть жизнь. Ее не остановишь...

Из Москвы наш путь лежал через Малоярославец. Там мы, усталые, зашли в один дом обогреться, попить чайку, если придется. Нас приняли, пригласили садиться. Мы сели около стола, и завязался разговор. Говорили о том, о сём. Конечно, о жизни. И мы узнали, что в Малоярославце за 40 дней оккупации было сыграно 40 свадеб.

Хозяйка дома, где мы задержались, говорила: «Девки пошли бесстыжие: за фрицев – замуж!?»

А старуха, сидевшая в углу, перебила: «Чего ты, Марья, болтаешь: девкам мужик нужен. А кто он, Иван или Фриц? – Девкам мужик нужен...»

А Марья продолжала возмущаться: «Немцы ушли, а дуры с животом... Нарожают фрицев рыжих...»

А старуха своё: «Война жизнь не остановит. Война пройдет – дети вырастут... Разберись – чей он?...»

Утром мы были уже в Хвощах, а потом – на огневые позиции.

Дивизии 43-й армия и днем, и ночью бились, чтобы вызволить из окружения 33-ю армию, но безуспешно. Захарово взяли, а дальше пройти не смогли... А крови было пролито ой-ой!.. 11 апреля командующий Западным фронтом отдал приказ генералу Ефремову выходить из окружения группами...

Мой товарищ Шипулин Петр Васильевич, как и я, в 1941 г. воевал под Наро-Фоминском, в составе гаубичного полка 222-й стрелковой дивизии, правого соседа 1-й Московской. Петр Васильевич и сегодня здоровствует и проживает в городе Кирове. Он, как и его однополчане, испытал на себе судьбу солдат окруженной немцами 33-й армии.

Снарядов не было, горючего для машин тоже. «В начале окружения у нас еще были силы. чтоб пробиться к своим, но нам, солдатам, политруки говорили: нам помогут, вырвут из окружения, а

освобожденные земли немцам уступать нельзя... Побросав пушки, выходили из окружения весной, ослабленные недоеданием и болезнями... В зимнем обмундировании, в валенках и полушубках... Яркое светило апрельское солнце. Снег сошел. Лес был залит весенней водой... Мы шли на восток, ожидая помощи от своих... А помощи не было...» Шипулин мне говорил: «Я находился в отряде, который вел на восток генерал Ефремов... При выходе из леса на открытое место началась стрельба... В этом бою и был ранен генерал Ефремов...»

«Я слышал крик, что генерал убит, слышал», – утверждал П. - В. Шипулин. А ему повезло: он остался жить.

Командование Западного фронта, чтобы обеспечить наступление 33-й армии на Вязьму, направило в этот район 1-й гвардейский кавалерийский корпус Белова, а также 8-ю воздушно-десантную бригаду численностью в две тысячи человек. 1 февраля 1942 г. дивизии 33-й армии (133, 338 и 160-я) и корпус Белова начали бои за Вязьму, но с ходу город взять не смогли. А 3 – 4 февраля, когда шли бои за Вязьму, немцы силами 4-й танковой армии отрезали тылы наступавших войск, которые оказались в окружении. Маршал Г. К. - Жуков в книге «Воспоминания и размышления»¹ пишет:

«Пришлось всю эту группировку наших войск оставить в тылу противника в лесном районе к юго-западу от Вязьмы, где базировались многочисленные отряды партизан...»

«Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. Орешек этот оказался более крепким, чем мы предполагали.»

Эта недооценка противника стоила нашей армии очень дорого. Генерал Ефремов не мог не выполнить приказа, но в отрыве наступающих дивизий от своих тылов, конечно, повинен он. Не нашел сил своевременно принять решение о выходе армии из окружения. Ждал приказа, обращался то к Жукову, то к Сталину: «Разрешите выйти из окружения». Они просили: «Потерпите, Вас не забудем». И он ждал, не находя сил для принятия самостоятельного решения (в этом беда многих наших высших начальников). Сталин любил покорных, не терпел самостоятельных решений подчиненных. Приказ пришел только в начале апреля, когда личный состав дивизий был ослаблен боями, недоеданием и болезнями, когда боеспособность войск была утрачена.

¹ М., 1971. Стр. 355, 357.

Москва. Бои под Жиздрой

Война показала, что БМ-8 хороши при отражении атак, когда противник не зарылся в землю. При позиционной войне нужны были снаряды, разрушающие укрепления врага. И БМ-8 стали заменять на БМ-13. Дальность стрельбы БМ-13 до 8 километров, кучность лучше, разрушительная сила снаряда сильнее...

В феврале 1942 г. 25 ОГМД был отозван в Москву на переформирование и ремонт грузовых машин. Дивизион в Москве остановился в поселке Волхонка.

Москва восстанавливала свое хозяйство: наши машины ремонтировались на заводе «Компрессор» и на автозаводе имени Ленинского комсомола. А жизнь в Москве была трудной. Продолжались налеты немецкой авиации. И, странное дело, мне запомнилось, что во время бомбежки в Москве я был более обеспокоен за свою жизнь. На фронте – ты видишь самолет, иногда ведешь по самолету огонь (если самолет над тобой), а в Москве – рев сирен и разрывы, стрельба, если ты в районе бомбежки. За домами самолетов не видишь... Но все равно как-то жутковато.

И еще запомнил один неприятный факт. Мы стояли в Волхонке. Для кухни требовались дрова, и комиссар Волков приказал: бери две машины и за дровами. Куда? – За Москву, туда, где шли бои... Приказ есть приказ: без дров не возвращаться. И мы поехали. Я не знал Подмосковья, водители машин знали. И мы покатали.

Подмосковье. Здесь прошла война... Разбитые дома. Подъехали к одному из разбитых зданий и нагрузили бревнами и досками машины, а потом обратно... На пути милицейский досмотр. Раза два останавливали... Показывал солдатскую книжку и путевой лист. Как-то прошло все... После проверки водитель машины промолвил: «Могли задержать: не разрешают разбирать дома...» Я промолчал...

В Волхонку приехали поздно. Разгрузили машины и разошлись по квартирам. От поездки за дровами остался какой-то неприятный осадок...

Получив новую технику БМ-13, отремонтировав грузовые машины, 25 ОГМД в начале марта покинул Москву и своим ходом отправился на фронт, на юго-запад. Я ехал в кабине спецмашины, в цистерне которой находился антифриз. Водитель машины – пожилой мужчина не то с Урала, не то с Волги. Он знал меня, и я с ним раньше встречался.

Миновали Малоярославец. Вечерело. Много не разговаривали: в дороге у шофера все внимание на дорогу, да и встречные ма-

шины шли и шли. И вдруг я почему-то спросил его: «Слушай, Федор, а ты знаешь, что у тебя в бочке?» Он вопросительно посмотрел на меня, помолчав, ответил: «Конечно, знаю». А я продолжал: «Можно глаза потерять. А если перехватишь, то и того...»

– Что я дурак, что ли! – ответил шофер.

Федор знал, что я – комсомольский секретарь и встречаюсь с комиссаром дивизиона... Ответы его почему-то насторожили меня и, подумав, я добавил: «Смотри, не пей и другим не давай. Охотники найдутся». Федор спокойно меня заверил: «Не беспокойтесь, старшина, не беспокойтесь...» И оба мы замолчали. Каждый думал о своем. Не знаю, что меня дернуло начать этот неприятный разговор с водителем, но разговор состоялся...

А через час, может больше, колонна вошла в большое село и остановилась. Решили заночевать: село большое, дома уцелели, во многих домах огни. Я выбрался из машины, пожелал водителю хорошо устроиться и, взмахнув вещмешок на плечо, зашагал к своей батарее. Взвод управления разместился в двух домах. Я присоединился к связистам. Сходили на кухню, поели – и спать. Кто в наряде – тот на часах...

А утром меня вызвал на беседу комиссар Волков:

– Слышал, три человека отравились антифризом? Иди к Абызову [Абызов – командир взвода боепитания, все транспортники у него во взводе – *А. Л.*]. Допроси, кого надо. Скажи, что я приказал. Возьмешь подписи опрошенных, – и, порывшись в своей сумке, он взял несколько чистых листов бумаги и передал их мне.

– Иди, иди... Сделаешь все – и ко мне... Найдешь меня.

Я поспешил во взвод боепитания. Среди отравившихся был и шофер спецмашины, с которым я ехал и которого предупредил... Он был мертв. А его товарищи тут же... Один на полу лежал, рядом – таз... Его рвало. Другой сидел на скамейке, сжав голову. Здесь же был и санинструктор...

Я сделал свое дело. Взял подписи опрошенных и пошел к комиссару. Дивизион был встревожен случившимся. Такого у нас еще не бывало... ЧП (чрезвычайное происшествие). Водителя похоронили, отравившихся отправили в госпиталь.

Комиссар был в своей машине. Он взял акты, просмотрел... и какое-то время молчал. Потом обратился ко мне: «Слушай-ка, старшина [я по званию тогда, действительно, был старшина – *А. Л.*], у водителя – мать, жена и двое детей. Не напишешь же, что сын – сукин сын. Вот так-то. Да... Напиши, старшина, что погиб в бою». И письмо ушло...

Я и сейчас думаю, что комиссар 25-го ОГМД Волков принял верное решение, сообщив семье шофера, что тот погиб в бою: дети росли в нужде, без отца, но с верою, что их отец погиб в бою... Они росли нормальными людьми. «Сын подрастет – воином будет, а может, пойдет защищать Родину».

А колонна дивизиона продолжала движение на юг Калужской области. Миновали Сухиничи – небольшой городок, только что освобожденный войсками 16-й армии, которой командовал генерал Рокоссовский. Колонна проселочными дорогами начала движение на запад, рядом с линией фронта (войска 16 армии, остановив наступление 24 корпуса немцев, вели бои за Думиничи), не раз попадая под обстрел немецкой артиллерии.

Во время зимних боев под Москвой немецкие войска группы армий «Центр» были сильно ослаблены, но они были еще сильны и не раз предпринимали дерзкие наступательные операции то на одном, то на другом участке фронта: под Вязьмой, под Ржевом, под Жиздрой... В сторону Жиздры, где с февраля шли с переменными успехами кровопролитные бои, и продвигался наш дивизион.

Хорошо помню, как в ясный мартовский день мы почему-то остановились. Справа – лес, слева – чистое поле. Стоим полчаса, стоим час, а немец методично кладет снаряды: недолет, перелет... Я ехал в кабине ЗИС-5, груженной ящиками со снарядами. Жутковато: ударит в снаряды – и крышка. Водитель машины, высокий пожилой солдат, с пышными пшеничными усами, не то горьковчанин, не то с Вятки, забеспокоился: «Что это? Стоим и стоим, а немец все кладет и кладет снаряды!..» Я молчал, но и меня мучила дума: «А что если рядом рванет?» Дюжев (так звали шофера), как бы угадав мои мысли, передернулся, открыл дверцу кабины и оказался рядом с машиной. Не глядя на меня, поправил шапку-ушанку и бросил: «Эх, на народе и смерть красна!» – и пошел в сторону толпившихся у машин бойцов, своих друзей-шоферов. Я продолжал сидеть в кабине, и вдруг рядом разрыв снаряда. Выскочил из кабины – Дюжев лежит на снегу. Сразу насмерть. А в ушах и сейчас звенит «Эх, на народе и смерть красна!»

А по колонне неслось: «Дюжева убило... Дюжева...» И такая смерть на войне бывает. Война есть война. Не у тещи на блинах. Смерть всегда рядом... Прибежал санинструктор, пожилой мужчина. Случай привел ему прослужить в армии больше десяти лет... Надо демобилизоваться – а тут финская (служил под Ленинградом), потом Эстония, Латвия, а тут и Отечественная. Так Костя Ивонин и не пришел домой. Осмотрел товарища, закрыл лицо плащ-палаткой...

Вместо Дюжева за руль сел другой водитель. А тут и команда: «По машинам!», и колонна продолжила путь к месту боев.

Уже под вечер добрались до большого села Маклаки. Здесь и остановились. Дюжева похоронили за околицей, у дороги, около одинокого дерева... Смелый был человек, красивый. Как жил, так и умер. «Эх, на народе и смерть красна!» А родителям Дюжева комиссар Волков направил письмо...

Политработники ст. лейтенант А. Любимов и лейтенант М. Вовк

В тот же вечер Волков вызвал меня к себе. Внимательно смотрел своим добрым взглядом и произнес: «Вот что, замполитрука, принимай 2-ю батарею. Будешь комиссаром второй батареи». – «Я же, товарищ комиссар, комсомолец еще...» – Но он прервал меня: «Знаю, знаю. Подавай заявление в партию. Я дам рекомендацию и другую найдем. Иди в батарею. Знакомься с людьми... Верю, верю, не подведешь... – Помолчав, продолжал. – Другого нет. Иди. Командиру батареи я уже говорил, и замполитрука знает... Да и ты его хорошо знаешь... Иди, знакомься с людьми, а чуть что – ко мне, помогу... – И по-дружески добавил. – Надо. Впереди бои. Иди...» И я пошел во вторую батарею.

Был вечер, готовились ко сну. Вижу и сейчас большую, просторную комнату. Наверное, была классная комната... Встретил меня Миша Вовк, замполитрука 2-й батареи, и тут же он обратился к солдатам-товарищам:

«Внимание, внимание! Знакомьтесь, новый комиссар батареи, замполитрука 1-й батареи, секретарь комсомольской организации дивизиона Любимов. Да вы его знаете. А спать будет рядом со мной. – Вот и все».

Меня ни о чем не расспрашивали, приняли в свой коллектив, и все мы на полу улеглись спать. Один полушубок – на пол, другим мы с Мишей оделись, под головы – вещевые мешки. Вскоре заснули. А проснулся я уже комиссаром. Явился старшина Селиванов,

настоящий армейский старшина, и звонким голосом скомандовал: «Подъем! Подъем! Умыться и на кухню. Вовк, заведи котелок комиссара и принеси завтрак». А потом ко мне: «Здравствуйте, товарищ комиссар. Старшина Селиванов. Разрешите идти?» Я рассмеялся: «Хорошо получается». Он тоже улыбнулся и вместе с бойцами батареи отправился на походную кухню. Накормить батарею – это первая обязанность старшины. Виктор Селиванов – старшина и по званию, и по должности. Старшиной батареи он был со дня формирования дивизиона и обязанности свои исполнял исправно. Для командира батареи старшина, знающий свое дело и хорошо исполняющий его, – просто удача. Старшина в батарее все сделает и порядок надлежащий держит.

Вторым человеком в батарее был старший сержант Колесников, помком огневого взвода. Он, как и Виктор Селиванов, на своем месте – со дня формирования батареи. Хорошо знал свое дело, знал каждого солдата огневого взвода, слабые и сильные стороны каждого. Он все мог, и у него все получалось. Я знал Колесникова, будучи замполитрука 1-й батареи. Капитан Зайцев часто брал меня с собой и в разъезды, и на выбор огневой. Он, капитан, был старшим на дивизионе, а старший сержант Колесников – его помощником, хорошим помощником. Они вместе «привязывали» огневую.

Повезло мне и с комбатом. Бывший комбат капитан Румянцев и комиссар батареи были одновременно отозваны в отдел кадров на повышение. Командиром батареи был назначен старший лейтенант Данилов. Он только что прибыл в дивизион, и, конечно, и командир, и комиссар дивизиона предупредили его о новом комиссаре батареи. Мы встретились, познакомились. Он ознакомился с личным составом батареи, и тут же команда: «По машинам!»

Расчеты забрались под брезент, комбат – на первой машине, я замыкал колонну. Холодным мартовским утром батареи достигли огневой, за насыпью у деревни Пырейка, километрах в 10 – 12 севернее Жиздры. Открытая местность, за батареями – кустарники, за кустарниками – дорога, фронтовая дорога. Впереди – бои.

Войска 16-й армии вели бои на подступах к Жиздре и за Думиничи, к северо-востоку. 25 ОГМД своим огнем поддерживал войска 11-й гвардейской дивизии (ее костяк – москвичи-ополченцы). Батареи вели непрерывный огонь по скоплениям немецких войск в Дубровке, Буге, Паликах, Акимовке, накрывали огневые позиции вражеских батарей, отбивали атаки немцев. Бои были жестокие: батареи дивизиона после залпа не уходили с огневой. Артиллерия немцев днем и ночью вела огонь по нашим позициям.

Был ранен командир 2-й батареи ст. лейтенант Данилов (он провоевал в батарее лишь несколько суток), за командира батареи остался лейтенант Конюхов. Вскоре появился новый командир, капитан. Раньше он воевал в ствольной артиллерии. Освоиться с техникой ведения огня помог ему Конюхов, который готовил данные для стрельбы.

Атаки наших батальонов под Жиздрой успеха не имели. Немцы же часто переходили в контратаки, и батареи нашего дивизиона своим огнем накрывали атакующего врага. Огонь дивизион вел все время под огнем немецких батарей. Но наша огневая была выбрана удачно, под склоном небольшой возвышенности, и огонь немцев не достигал цели: то недолет, то перелег. Но были разрывы и на огневой.

Помню, как волной разорвавшегося снарядах сбросило с направляющих первого орудия артмастера Петра Минакова. Смелый, бесстрашный воин, хорошо знавший свое дело, он устранял неисправности перебитой проводки, и в это время артналет. Минакова буквально сбросило с направляющих. Он, конечно, перепугался. Осмотрелся – цел, и снова к машине.

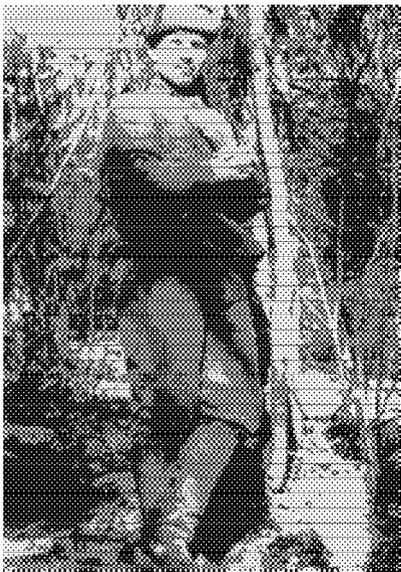
Помню, как сержант Айсин, командир второго орудия, не смог произвести залп, а немец все бил и бил по огневой... Выскочил из машины – и в укрытие. Все это я видел. Понял – беда: командир орудия, не сделав залпа, оставил машину, спрятался от огня. В голове мелькнуло: что-то случилось. Быстро к машине, забрался в кабину, включил зажигание, крутанул – и снаряды ушли... С Айсиным после об этом не говорил. Он и сам понимал, что сделал...

К концу пятых-шестых суток нашего стояния под Жиздрой бои затихли. Командир дивизиона приказал уходить в тылы. Огляделись: кустарник за нами почернел, весь был изрыт воронками от снарядов. Разбитые повозки, трупы лошадей... Странное дело: когда были на огневой и вели огонь под разрывами вражеских снарядов, ели, отдыхали в окопчиках, перекрытых досками от ящиков – все было нормально, а тут стало жутковато... И нам и тогда, в тот раз снова повезло: все орудия ушли с огневой своим ходом и ни одной потери в личном составе, кроме комбата Данилова. Спасла нас местность. И погода, серая, нелетная – немецкая авиация не висела над нами.

О результатах стрельб дивизиона я и сейчас не знаю. Может и знал, но забыл. Конечно, знали командир дивизиона и комиссар Волков. Я рад был, что все в батарее остались живы и боевые машины на ходу. И надо же: пять или шесть дней под постоянным обстрелом, а сколько залпов дали? – Не помню. И как питались – тоже

не помню. Главное, выстояли.

Дивизион ушел с огневой и остановился на опушке леса. Ночь прошла спокойно, а утром на противоположной стороне поляны заняла

Весна 1942 года

огневую батарея 76-миллиметровых орудий и открыла огонь по немцам. Те засекли батарею и взяли ее в вилку: недолет – перелет. Один из немецких снарядов разорвался совсем рядом со мной и накрыл меня землей. Слышу: «Комиссара убило! Комиссара убило!» Лежу, жду, когда меня хлопнет. Потом напряг силы и выбрался из воронки. Отряхнулся и пошел в сторону леса. Изумленные батарейцы подбежали и начали рассматривать меня, расспрашивать, не ранен ли. Отвечал: «Кажется, жив и не ранен». Не верилось: снаряд разорвался под ногами, зарыло землей – и жив. Ни мне самому не верилось, ни стоявшим рядом... А вот стою перед своими бойцами и смотрю на них, а они на меня. Да, и такое

случалось. Не часто, но бывало. Потом, спустя некоторое время, мы поняли, я и мои товарищи, что от смерти спасло болото: снаряд фугасного действия пробил корку и уже в болоте разорвался. Взрыв разбросал землю вокруг и похоронил меня, но осколки не задели.

Старший сержант Колесников, видевший, что было со мной, выронил: «В рубашке родился, комиссар. В рубашке: если бы не видел – не поверил бы в такое». А старшина Селиванов уже кричал: «На кухню пора, за обедом. Командиры, хлеб получайте и водку!»

На фронте нам выдавали по 100 граммов водки на день. Иногда, правда, не получали. Смысленный начпрод экономил. Потому у него всегда имелся запас «горючего»...

Ствольная батарея сменила огневую – и обстрел прекратился. А справа, у Думиничей, шел бой...

28 марта войска 16-й армии освободили Думиничи и в последующих боях укрепили свои позиции по реке Жиздре.

Под Белёвом

Ставка переподчинила 25 ОГМД: из 16-й армии в 61-ю. Дивизион своим ходом перебазировался в район Белёва, в большое селение Зайцево. Здесь только что прошли бои нашей конницы с немецкими мотострелками. Селение сильно пострадало, но многие дома сохранились. В них и разместились расчеты. Зайцево раскинулось на холмах, меж которыми протекает речка Бобрик. Южнее Зайцева – Болхов, севернее – Белёв, на западе – Зайцевские высоты...

С Жиздры через Сухиничи, Козельск, Белёв дивизион прибыл в Зайцево в конце марта 1942 г. Поля, леса, да и само село – все покрыто снегом. Но зоркий глаз одного из бойцов батареи заметил среди полей черные точки-бугорки. Оказалось – это подкошенные пулеметным и минометным огнем кони лихих кавалеристов. Морозы сковали трупы лошадей, а мартовская метель занесла. Нашлись охотники конского мяса – и конское мясо появилось в дивизионном котле. Мы не голодали: страна о нас заботилась. Но мясо на фронте – это роскошь. А в наш котелок повар каждому старался найти кусочек. В батарее были молодые парни, которым одной порции было маловато. Шли за добавкой, и молодой повар подливал, да и кусок мяса добавлял...

Я знал о наших «охотниках». Думаю, и комиссар Волков знал... А санинструктор предупредили: смотри... смотри. Вот так нас встретило Зайцево.

А на фронтах наступило затишье, активных действий армии не вели, но артиллерия и авиация немцев нас беспокоила: немцы были рядом, на высотах, а с высот – хороший обзор. Были раненые, и командир дивизиона принял решение сменить место дислокации. 25 ОГМД ушел в Рязанцево. Но Зайцево нам запомнилось. Особенно по летним боям. Многое связано было у нас с этим уголком белёвской земли...

Зайцево – белёвская земля. От Белёва через Рязанцево – 20 километров, по дороге на Болхов – подальше. Село раскинулось на холмах и в долине речки Бобрик. Весной Бобрик шумел, а летом пересыхал. На западе, рядом с селом – Зайцевские высоты (отметка 242 метра на карте).

...Высоты контролируют немцы. Дорога ими пристреляна. Немцы бьют из шестиствольных минометов. Мы их любовно называли «Андрюшами». Кучность хорошая. Мне не раз приходилось спасаться от огня немцев в придорожном рве. Ох, как неприятно ждать-переждать конца обстрела!..

В марте в Зайцево жили сельчане – колхозники, в июне никого из местных не осталось. Все крестьянские постройки были разрушены или сожжены.

В Зайцево, около дороги, у придорожных деревьев, могилы наших товарищей. Здесь похоронен старший лейтенант – оперуполномоченный в 25 ОМГД (фамилию забыл, хотя знал, помнил, но забыл). Мы давно уже стояли в Рязанцево, а он почему-то оказался в Зайцево (от Рязанцево – 10 – 12 километров), и с ним – боец 2-й батареи Иван Тимошенко, из Новосибирска (начальник особого отдела в части все мог). Что его понесло на передовую – для нас загадка. Передовую они миновали, перешли сухой овраг и оказались у немецкого поста. Их обнаружили. Решили уходить, но пуля догнала особиста.

Ведет беседу А. Любимов. Рядом – Куречин, водитель 2-го орудия; первый справа – Колесников, помкомвзвода; стоят – в центре командир орудия сержант Гаврилов, справа от него наводчик орудия Блинов. Фамилии остальных – забыл. Рядом с Гавриловым – заряжающий, погиб в 1943 году

Тимошенко не оставил командира немцам (сильный был, крепкий сибиряк), дотянул до наших позиций. Зарыли его у дороги в Рязанцево. Здесь же у дороги похоронены разведчики 1-й батареи (в отделении разведки 1-й батареи когда-то служил и я). Вся разведка погибла: командир отделения, неразговорчивый, всегда мрачный – и смерть нашла его; и Митька Рязанский, весельчак, плясун, да и частушек он много знал... Дело было в июле. Очевидно, здесь был наблюдательный пункт командира дивизиона. Они долго там были. Пришла смена – они пошли в Рязанцево. И только спустились с голых высот, немец начал бомбежку. Решили укрыться под сгоревшей автомашиной. Тут и нашла их немецкая бомба. Все погибли. Похоронили их за деревней, вечером. Все переживали потерю.

Но я забыл имена товарищей (с ними я был всего несколько дней). Кроме Митьки Рязанского. Веселый, простой, отзывчивый. Вечерами он выбрасывал такие колена, что невольно воскликнешь: «Молодец! Молодец Митька!» А Митька похвалу любил. После Митьки, прекрасного товарища, шутника-простака, в 1-й батарее

стало как-то скучнее...

В Зайцево мы нет-нет и появлялись: били по скоплениям немцев в Аннино, Касьяново, Кирейково, Башкино и другим целям. Запомнилось июньское (точную дату не помню) наступление 61-й армии, в самый разгар Сталинградской битвы. Наступали наши войска через Зайцево на Аннино, Касьяново и дальше. Хорошо началось наступление: после артподготовки и бомбежки нашими самолетами вражеских позиций (в тот день немецкой авиации не было видно; наши господствовали в небе) мы дали залп из БМ-13 – и пехота пошла в атаку... Первую линию немцев взяли. Пехота пошла в рост, конная артиллерия (тогда еще конная была) меняла огневые... А к вечеру что-то изменилось. Начались тяжелые бои, и наступление провалилось...

Я был комиссаром батареи РС. Нам ничего не докладывали. Главное – обеспечить огонь, сберець БМ и личный состав. Но по армии прошли слухи: наступление сорвалось из-за немецких офицерских складов с водкой. Знали немцы, что русский Иван любит выпить и с дисциплиной у него того... Вот и расчет – найдет русский солдат складик и зашумит, к нему другие... И наступление остановилось, а немцам это и нужно: подтянут новые силы – и пошло, и пошло...

Слухи, солдатские слухи. Верь не верь, а наступление 61-й армии провалилось. Командовал тогда ей генерал-лейтенант Попов. Его (Попова) генерал Рокоссовский хвалил в своей книжке, а я умение командарма 61-й воевать испытал на своей шкуре. Августовское наступление немцев он тоже прозевал.

И еще запомнилось мне Зайцево тем, что на его высотах похоронены хорошие мои боевые товарищи Николай Сутягин, водитель боевой машины, и Николай Борисов, командир 3-го орудия первой батареи.

Все дороги через Зайцево были под прицельным огнем. Помню, помню, как ранним утром колонна БМ-13 шла через Зайцево (ни одного дома в селе уже не было – все разбито, все сожжено), чтоб дать огонь по Башкино. Немец заметил и открыл огонь. Крепкий огонь, но мы проскочили, дали залп – и обратно. Вот тут-то и накрыл немец 1-ю батарею. Она шла впереди, за ней вторая. На сей раз я, комиссар батареи, был на первой машине, и, когда начался огонь по колонне (колонна 1-й батареи шла по наезженной дороге, пристрелянной немцами), я приказал шоферу вести машину по старой заброшенной дороге (она пролегла рядом, за деревьями) – и батарея ушла от обстрела. А БМ-13, ведомая Сутягиным, была раз-

бита прямым попаданием. Водитель и командир погибли, расчет сохранился.

Николай Сутягин – из Челябинска, с завода имени Коллющенко; как и я, политбоец. За мужество и отвагу, проявленную в бою за Штеповку, был награжден орденом Красной Звезды. Я дружил с Николаем Сутягиным и с Николаем Борисовым и когда был в первой батарее, и когда стал комиссаром второй. Хорошие, сильные были воины. Оба веселые, верные друзья. В минуты отдыха оба, не стесняясь, пускались в пляс, заливались в песне. Оба любили острое слово, а иногда и грустили... «Что случилось?» – спрашивал я Николая Сутягина. – «Письмо получил от матери, болеет... Тяжело живется там...»

Здесь, в Зайцево, в солнечный июльский день комиссар Волков объявил приказ по батарее о присвоении мне звания лейтенанта. Специально приехал, и за обедом мы даже обмыли такое событие. Конечно, мне и моим товарищам было приятно: в батарее появился новый офицер (с марта месяца я был комиссаром батареи, а звание – старшина; но о звании никто не заикался: был комиссар – и все).

Весной 1942 г. 25 ОГМД вошел в состав 54-го гвардейского минометного полка, командиром которого был полковник Небожко, а комиссаром – Ильин, бывший секретарь ЦК комсомола, а потом работник аппарата ЦК партии. Штаб полка размещался в Мишенском – в бывшем имении поэта Жуковского. Баллады Жуковского я знал, знал, что он был близок к А. С. Пушкину, и, когда по службе бывал в Мишенском (это в 4 – 5 километрах к югу от Белёва; недалеко протекала Ока), я присматривался к этому некогда дворянскому гнезду, к тому, что осталось от былого.

Вскоре из батареи ушел в полк на комсомольскую работу и мой замполитрук Михаил Вовк. Мы дружили. Он меня познакомил с личным составом 2-й батареи и хорошо помогал в работе. И после ухода в полк Михаила наша дружба не прервалась.

...Июньские бои 61-й армии продолжались не одну неделю, а результатов не было. В ротах некоторых дивизий оставалось не больше десяти – пятнадцати штыков, а атаки наших полков продолжались...

В один из боевых дней батареи 25-го ОГМД двигались на огневую. Дорога шла по нескошенному лугу, а рядом кустарники. Первые машины прошли, а вот боевая машина сержанта Сионского наскочила на мину. Моторная часть, кабина были сильно разбиты, командир орудия Сионский убит. Шоферу же повезло: отделался ушибами. А расчет даже не задело: бойцы находились за кабиной, меж-

ду креплениями направляющих. БМ восстановили слесаря из «летучки», а сержанта Сионского похоронили на белёвской земле, у одинокого дерева...

Хорошим был человеком сержант Сионский. Под Сумами, после боев за Штеповку, мы стояли в лесу. Октябрь, дождь, сырость. У костра грелись. Погреться каждый рад, а вот за дровами для костра – не каждый идет. А Сионский без наряда ходил. Возьмет топор... Нарубит, в охапку и на костер... И пылает огонь – и всем тепло. А Сионский стоит у костра – и снова за дровами. Исполнительный был солдат. Приказ или просьбу повторять не надо... Собрображал. Заметил его усердие, сноровку капитан Зайцев, и, когда нужда пришла, он назначил Бориса Сионского командиром орудия. Толковый из него командир вышел. И с расчетом ладил. Июньским теплым днем не стало солдата. Мать не дождалась сына, а письмо от комиссара получила. Он благодарил ее за сына и извещал об утрате. Конечно, горе матери это письмо не заглушило, но немного согрело ее душу: сын отдал жизнь за Родину и его помнят товарищи.

Но вот бои стихли. Батареи 25-го ОГМД ушли в места сосредоточения – в небольшое селенье Рязанцево. Во время затишья бригада слесарей (и такая в дивизионе была) делала осмотр БМ и тут же устраняла неисправности. В дивизионе был закон – техника всегда должна быть исправной. За состояние БМ и грузовых автомашин отвечал «помпотех» дивизиона, капитан Рудыка. Живой, энергичный и знающий. Он не боялся и в масле выпачкать руки. Хорошо работали и ремонтники.

В июне 1941 года капитан Рудыка служил в танковой бригаде, в Латвии. Бригада с боями отходила на восток. Когда капитан был в настроении, он вспоминал те дни.

– Помню, помню, как мы шли через Ригу... А с чердака дома – пулеметная очередь по танку... Так латыши нас провожали. Мы отвечали на огонь огнем: разворачивали башню – и огонь... Одного – двух снарядов хватало, и мы двигались дальше. Вот, гады! Идут свои танки, а они по ним из пулеметов... С чердаков, из окон... Ну и мы отвечали. А что? Удар на удар.

Правду рассказывал нам капитан или сочинял? Мы слушали... А человек он был храбрый и деловой. Машины в дивизионе всегда на ходу были. Но слабость у него была: любил выпить...

Между боями бойцы батарей приводили в порядок одежду, обувь, шли в баню. Комиссар Волков следил за санитарным состоянием бойцов и офицеров. Вшивости в батареях не было: белье про-

жаривали и меняли. И баня всегда работала: раскидывали большую армейскую палатку, посередине которой ставили бочку для обогрева. Зимой разгребали снег, накидывали хвои, подгоняли водогрейку – и шли мыться. Санитар Костя Ивонин следил, все ли помылись, да и старшины, и командиры взводов этим занимались. Баня – всегда праздник. А после бани – 100 граммов «наркомовских» и ужин. Хорошо! Я и сейчас с благодарностью вспоминаю походную баню в 25-м дивизионе. А вот в пехотных частях, особенно в период боев... Были случаи и вшивости, и болезней. У нас не было. Я и сейчас вижу лейтенанта, который зимним вечером у коптилки бил вшей в своей рубашке. Это было где-то, не то под Вереей, не то под Медью.

Грозное лето 42-го года клонилось к исходу. На южных просторах России шли ожесточенные бои. Враг рвался к победе. Продолжались бои и под Ржевом, и Сычевкой. Наши войска освободили Погорелое Городище, Карманово, Зубцов... На берегах Вазузы дивизии Красной Армии были остановлены. Войска Западного фронта перешли к обороне, а командующий фронтом Г. К. Жуков срочно отбыл в Москву. 4 августа 1942 г. командующим Западным фронтом был назначен генерал И. С. Конев, ранее командовавший Калининским фронтом, где проявил себя энергичным, знающим полководцем, умеющим брать на себя ответственность, вспыльчивым и неуступчивым.

На южном участке фронта, в районе Козельска, назревали новые события: немцы начали стягивать войска в районе Кирейково – Дудоровский – Крапивна. Очевидно, наша разведка это передвижение вражеских войск установила, и командование Западного фронта тоже начало стягивать войска в районе Козельска и Чернышево. 25 ОГМД покинул Рязанцево и сосредоточился в лесу западнее Госьково – Озеренский (тылы же остались под Рязанцево). Была установлена связь с пехотной дивизией, занимавшей здесь оборону, выбраны огневые позиции.

Начало августа под Белёвым в тот год было сухим и солнечным. На огородах в деревнях зрели овощи, на полях, если они были засеяны, шумели хлеба. Но в прифронтовой полосе поля, как мне помнится, были не обработаны, на них рос сорняк, а вот на огородах росла картошка, морковка, радость сельских ребят – горох и другие овощи.

Дивизион стоял в лесу, машины замаскированы, передвижение местных жителей или кого-либо – ограничено. Даже командующий 61-й армией был задержан часовыми. Только после проверки

документов начальником караула он был в сопровождении нескольких солдат допущен до штабной машины. Этот случай я запомнил. Генерал Попов на часовых не кричал, с начальником караула – сержантом разговаривал спокойно и охотно предъявил свой документ. Поговорив с командиром дивизиона, он отбыл из нашего расположе-

Август 1942 года

ния. А часового и начальника караула поблагодарил за службу.

Я был комиссаром батареи, и потому часто приходилось дежурить по кухне. А воды в лесу не было. Брали в Озеренском, из колодца. Набирали в водогрейку. Селение это не очень пострадало от войны. Дома стояли, в них продолжали жить крестьяне. Жи-

телей было много, но взрослого населения я не встречал. Старшие, видимо, избегали встреч с нами. Запомнились ребятишки – мальчишки, девчонки лет пяти – восьми. Они окружали нас, когда мы набирали воду. Я с ними беседовал. Они задавали вопросы, я им задавал – получался разговор... А когда мы отправлялись в обратный путь, они просили, чтобы их прокатили. На крыльях машины, в кабинке водогрейки, довольные, они доезжали до середины поляны за деревней, перед лесом. Шофер (фамилию забыл) вел машину спокойно, тихо, да и дорога хорошая была. Машина останавливалась, ребятишки прыгали на траву и провожали нас, махая ручонками, а потом с криками бежали обратно.

За водой водогрейка ездила каждый день, и ребятишки каждый раз поджидали нас на той поляне, недалеко от околицы. Машина, поравнявшись с гурьбой детворы, останавливалась. Шофер открывал дверцу и бережно усаживал каждого. Дети смеялись, переговаривались и в благодарность за внимание угощали нас морковкой со своего огорода. Мы охотно принимали эти подарки. Потом шофер, осмотрев «пассажиров», трогал машину, и такой дружной компанией мы въезжали в деревню и всегда к колодцу, вырытому давным-давно на улице, перед окнами домов. Набрав воды, мы отправлялись обратно. Ребятишки, как и прежде, взбирались на свои места – машина трогалась... Так было и 10 августа 1942 года.

Мы стояли в лесу, недалеко от проселочной дороги. Иногда после ужина выходили на опушку леса. Немцы были далековато, километрах в 4 – 5. На фронте было тихо, немец активности не проявлял. А в тот вечер все изменилось. По дороге из Госьково на Сорокино, из Сорокино на Госьково шли и шли в ту и другую сторону солдаты: происходила смена частей, стоявших на передовой. Дивизию сменяла бригада. Войска шли и шли, одни на фронт, другие – в тыл.

Перемещение войск на фронте всегда наводило на размышление и тех, кто шел на передовую, и тех, кто покидал ее. Задумывались и мы, видя, как шли и шли войска. Что-то будет...

Августовская ночь под Белёвом быстро приходит: сумерки сгущаются и все обволакивает тьма. Ночь всех успокаивает. Все смолкает на батарее. Только караул бодрствует...

Часа в четыре утра все вокруг загрохотало: немецкие самолеты и немецкая артиллерия начали обработку наших позиций. Понятно, сон у всех пропал, все ожило. Батареи получили приказ: приготовиться к выезду на огневую. Водители и расчеты БМ заняли свои места, и, как только затихла вражеская артподготовка, дивизион выдвинулся из леса и направился в сторону фронта. Миновав Озеренский, машины по проселочной дороге промчались в сторону деревни Уколицы. А вокруг тишина. Ни одна батарея не вела огонь. Тишина настораживала: неужели немцы подавили огонь наших батарей, но мы же живы?.. БМ-13 у опушки оврага (белёвская земля вся изрезана оврагами) встали на огневую. Орудия расчехлены и наведены на цель.

По приказу комиссара дивизиона Волкова я с отделением охраны (в дивизионе были две 45-миллиметровые пушки и несколько комплектов снарядов к ним, ручные пулеметы и противотанковые ружья) за оврагом занял рубеж. Бойцы начали окапываться. Но не успели мы окопаться, как пришел приказ отходить за овраг, что мы и сделали. А за оврагом новое распоряжение: «В машины – и к месту расположения». А БМ уже ушли с огневой. Мы двинулись в обратный путь. Не успели сделать и 500 метров, как нашу полуторку остановил боец 3-го орудия батареи. Он доложил: «Комиссар, орудие в овраге буксует, выбраться не может». Я выпрыгнул из машины. Полуторки с пушками ушли, а я с солдатом батареи побежал в лог, к установке.

Почему БМ-13 оказалась в овраге? Расспрашивать некогда... Колеса машины увязли в грязи. Рубили кусты, бросали под колеса, откапывали, толкали, а результата нет. А за оврагом – немцы. Я

приказал старшему сержанту Колесникову взять трех солдат и бежать наверх. Вести наблюдение, а если потребуется – отстреливаться. Остальные солдаты старались вызволить машину. Но колеса все сильнее и сильнее уходили в трясины. Побросали шинели, снова рубили кусты – машина не идет. А тут прибежал Колесников: «Товарищ комиссар, впереди автоматчики, приближаются танки, а наших нет... Никого нет...»

А дело было после приказа Сталина № 227: за оставление территории и техники – расстрел... А у нас орудие РС (с реактивными снарядами) БМ-13. Еще несколько раз шофер рванул машину туда-сюда. Снова мы побросали под колеса срубленные ветви, сами в такт толкали: «А ну, еще раз! Сильней, сильней!» – Бесплезно. А наверху стрельба...

Приказал дать залп в сторону немцев и взорвать установку. Снаряды ушли. Я повторил приказ: «Подорвать машину!» На каждой БМ всегда был ящик тола, а в баках сто литров бензина... Расчет отошел в сторону, лейтенант Карогод, пиротехник дивизиона (почему он, как и Колесников, оказался здесь, я не спросил), подорвал машину. Сильнейший взрыв, огонь, и дым столбом ушел ввысь. Подорванная машина горела. А расчет по моей команде уходил в сторону Озеренского. Перейдя дорогу на Сорокино, мы углубились в лес, перевалили через овраг и вышли на заросшее поле. На поле уступом стояли танки, шесть танков (может, и больше), замаскированные, чтоб не видно сверху. Дула пушек направлены на дорогу, в Сорокино. Авиация немцев снова бомбила наши войска, дороги, селения...

Танкисты заметили нас, мы – их. Я подошел к ближнему танку Т-34, вкопанному в землю. У танка – танкист.

– Это вы, лейтенант, подорвали машину? – спросил он.

– Да. Завязла «катюша» в болоте. Вытащить не смогли, а рядом немцы.

– Пехота впереди есть? – тревожным голосом снова спросил танкист.

– наших нет, нет. А немцы рядом. Автоматчики, танки... Успеха вам...

– Вам тоже...

Танкист пошел к танку. Уходил, не оглядываясь в нашу сторону. А мы пошли в лес, на север, к месту стоянки дивизиона... Вскоре совсем рядом послышались разрывы снарядов. Наши танкисты, а может, ствольная артиллерия, били по колонне немецких танков... Шел бой и в районе селения Озеренский. Мы прибавили шаг.

В районе сосредоточения дивизиона мы никого не встретили. Никого из своих мы не встретили и на опушке леса. Нас не ждали. Было как-то не по себе. «Куда ушел дивизион?» – сверлила мысль. А на знакомой поляне стояли танки. Они уходили в лес и тут же разворачивались... День солнечный, небо чистое, и немецкой авиации нет... Колесникова и Гринько, наводчика 3-го орудия, я направил в Госьково. «Ищите дивизион, – напутствовал я, – и к нам. Мы будем ждать здесь, на опушке...»

Прошел час, другой... Полянка опустела, а со стороны Озеренского и Симоновского доносились разрывы снарядов, стрельба...

Наша группа в новое расположение дивизиона пришла уже к вечеру. Какое-то смутное воспоминание осталось у меня о встрече в батарее. Взорвали боевую машину – ну и что? Меня никто из начальства не вызывал, и я почему-то никого не расспрашивал, почему БМ оказалась в враге, в трясине, почему дивизион ушел, а машину в трясине оставили... Командиром батареи был лейтенант Конюхов, молодой, лет двадцати. Почему он не беспокоился о судьбе машины? Он же комбат, машина его батареи?.. И этот вопрос передо мною вставал...

На следующий день оперуполномоченный дивизиона со мной побеседовал. Из всех его вопросов запомнился один: принес ли я что-нибудь, какую-нибудь железяку от взорванной машины? Я ничего не принес, не думал об этом. А вечером дивизион ушел еще дальше на север и остановился в каком-то лесу.

А танковая армия Гудериана продолжала наступление. У селения Озеренский шел бой. Здесь насмерть стояли наши батальоны. На полянке севернее Озеренского шло танковое сражение. На пути танков Гудериана встал танковый корпус 3-й танковой армии генерала Романенко. Несколько часов длился бой. Наши танки заставили немцев отойти на Сорокино. Когда бой отгремел, наши БМ-13 пришли на знакомую поляну, чтобы нанести удар по Сорокино.

Боже мой! Что мы увидели! Вся поляна была заполнена разбитыми и сожженными танками, немецкими и нашими. Около танков трупы – трупы танкистов. Немцы и наши. Бой отгремел, а трупы еще не убрали. Здесь, на мирной поляне, по которой мы ездили за водой в деревню, где нас радостно встречали деревенские ребята... сегодня кладбище разбитых и сожженных танков и трупы... Ужасное зрелище. Наши БМ-13 медленно продвигались вперед, на огневую, чтобы дать залп по врагу. Здесь же на избитой боем земле, среди разбитых танков, дивизион выстроился в боевой порядок, последовала команда: «Огонь!», командиры орудий крутанули ручки

на пусковых ящиках – и реактивные снаряды, оставляя след, прорезали тьму и ушли к цели. А через некоторое время донеслись до нас глухие раскаты взрывов... Выполнив задачу, БМ-13 развернулись и ушли в ночь...

А что было с Озеренским и с теми милыми ребятами, я не знаю. У жителей было время, бросив все, забрав ребятшек, уйти на север, на Гуськово, на Грын, и укрыться в лесах. Знаю, что за Озеренский и Симоновский вел бой батальон стрелковой дивизии, а может, той бригады, которая 10 августа шла на смену уходившей в тыл дивизии. Батальон этот стойко держал оборону и не отступил. В бою ему помогли и танки 3-й танковой армии, те самые, с которыми мы встретились в поисках дивизиона.

Но главный удар 2-я танковая армия немцев, армия Гудериана (в составе пяти танковых и семи пехотных дивизий при поддержке воздушной армии), нанесла из района Крапивны и Дудоровского по Ульяново – Медынцево – Старица с целью занять Козельск, Сухиничи и Юхнов. Бои были жестокими.

Здесь, на Калужской земле, в августе 1942 года 25-й гвардейский минометный дивизион (не отдельный, а уже в составе 54-го гвардейского полка) вновь встретился с воинами 1-й Московской гвардейской дивизии. Это было в районе Сметской.

Путь 1-й Московской и 25-го ГМД лежал от Новогрыни на Сметские Выселки и далее на Сметскую, Жуково, Дебри. Помню, полки дивизии и батареи дивизиона передвигались по лесной, сильно разбитой дороге. Это было в 20-х числах августа. Прошли дожди, дорога раскисла и была трудной.

В боях за Сметские Выселки, Сметскую и за высоту 200,4 наш дивизион своим огнем поддерживал наступающие полки 1-й Московской. Нашим войскам удалось отбросить немцев на левый берег реки Вытебеть. До Козельска и Сухиничей немцы в августе 1942-го не дошли. Врага остановили ценой больших потерь. Большие потери понесла наша 3-я танковая армия и 1-я Московская дивизия.

В сентябре бои на Брянском фронте стихли, стороны перешли к обороне. 25 ГМД остановился в лесу, в районе деревни Грын. Сентябрь – уже осень. То солнечные дни, то пасмурные. В один из пасмурных дней по поручению командира дивизиона я поехал по огневым. Проверить, нет ли там оставленных снарядов. Таких снарядов на огневых я не обнаружил, но, будучи около Озеренского, вспомнил о наших юных друзьях – тамошних ребятах, которых мы катали на водогрейке. Там никого не встретил, ни одной души. Дома

были разбиты, некоторые сожжены, а колодец действовал: была цепь, было ведро. Я остановил машину, вышел из кабины. Обошел колодец, осмотрелся, посидел на скамейке у колодца. Вдруг появилась кошка, черная кошка. Она вылезла из-под разбитого дома, стоявшего рядом. Дикие, большие глаза ее горели. Стало как-то не по себе.

Еще раз обошел колодец и скамейку, сел в машину и покинул Озеренский. А черная кошка одичавшими глазами все смотрела на меня. Кошка, кошка... Черная одичавшая кошка не ушла из родного дома и ждала возвращения хозяев разбитой усадьбы. Дождалась ли?

В Озеренском я больше не бывал, но эти места никак забыть не могу. Калужская и Белёвская земля для меня, старого человека, и сейчас дорога. Здесь в боях и походах я мужал и стал офицером Советской армии, обрел боевых друзей, получил партбилет и орден Красной Звезды. Жизнь для меня всегда была тяжела, но только здесь, на освобожденной нами земле, я видел женщин в упряжке вместо лошадей. Надо было как-то выживать. Надо было пахать и засеивать эту землю. Я был молод, легко шел по земле, набирая сил, чтоб их хватало на всю жизнь... О, юность, юность, и в страшные годы войны ты хороша.

А сколько нас, молодых, здоровых и сильных, отдало свои жизни за любимую отчизну!

Под Сычевкой. Ноябрь – декабрь 1942 г.

В Ржевско-Сычевской операции в августе 1942 г. впервые были применены реактивные снаряды большой разрушительной силы. Генерал-лейтенант А. Я. Веденин, командовавший тогда 118-й стрелковой дивизией, писал:

«На участке прорыва 118 дивизии на каждом километре фронта вели огонь 300 орудий и реактивных минометов. Шипящими раскаленными кометами разрезали тьму реактивные снаряды “катюш”. Здесь впервые были применены крупные снаряды реактивной артиллерии – “андрюши” (203-мм калибра). Это была лавина огня и стали... Плавилась колючая проволока. Горела сама земля. Враг обезумел от ужаса. Многие оставшиеся в живых немцы действительно сошли с ума...»¹

Здесь также впервые была применена, использована тактика артиллерийского наступления: после воздушной и артиллерийской подготовки и заключительного залпа 15 дивизионов реактивной артиллерии пехота и танки пошли в атаку, а огонь артиллерии был перенесен в глубь обороны противника, что обеспечивало атакующим частям огневое прикрытие.

В результате августовской операции советские войска, прорвав хорошо укрепленную вражескую оборону, вышли к Вазузе и Осугу, форсировали водные преграды и освободили Погорелое Городище, Карманово и Зубцов, в 15 километрах от знаменитого Ржева. Но тогда наши войска взять Ржев не смогли. Наступление было остановлено. И наши, и немцы перешли к активной обороне.

Вскоре командующий Западным фронтом генерал Г. К. Жуков был отозван на службу в Ставку, а на его место был назначен генерал И. С. Конев. Будучи командующим Калининским фронтом, И. С. Конев показал себя энергичным, решительным и талантливым полководцем: благодаря его энергии и умелым решениям сопротивление наших войск в районе г. Калинина возросло, наступление немцев было остановлено, а потом они вынуждены были отступать. Тогда генерал Конев имел неограниченные полномочия, данные ему Ставкой и командующим Западным фронтом.

Став командующим Западным фронтом, генерал Конев лишился прежних полномочий. Как и все командующие фронтами, он был лишен Сталиным свободы действий. Сталин требовал от всех послушания и лишал инициативы. Без приказа сверху генерал Ефремов не мог решиться на прорыв кольца окружения под Вязьмой, хотя его войска поначалу были способны пробить путь к своим. Он это понимал, но не отважился на собственное решение, не посмел. Не

¹ «Дорогами испытаний и побед». М, 1986. Стр. 64.

было приказа от генерала Жукова, а тот не получил разрешение на приказ от Сталина. Конец известен: три дивизии 33-й армии погибли (вышли из окружения лишь немногие), а генерал Ефремов застрелился. Здесь Сталин был бессилен.

Летом 1942 г. исход войны решался под Сталинградом. Чтобы ослабить силы врага на юге, Генеральный штаб предложил провести ряд операций на других фронтах. Успешно прошло наступление войск Западного и Калининского фронтов в августе 1942 г., но оно не привело к ликвидации Ржевско-Сычевской группировки немцев. Эту задачу Ставка поручила Западному фронту. Задача наступления – прорвать линию обороны немцев на западном берегу реки Вазузы, взять Сычевку и Ржев. Командующий фронтом возложил на 20-ю армию (командующий генерал Кирюхин) осуществить эту наступательную операцию.

Вот сюда, под Сычевку, и стягивались стрелковые и танковые дивизии, артиллерийские минометные полки (РС), а также авиационные части. Прибыла под Сычевку и 1-я Московская гвардейская дивизия, прибыл и 54-й ГМП (гвардейский минометный полк), в который входил и 25-й ГМД. Настроение у всех было приподнятое: под Сталинградом началось наступление наших войск, и нас, думали мы, не для прогулки под Сычевку направили. Мы верили в свои силы, верили и нашим генералам. «Значит, мы будем наступать, и немец попятится», – так думали мы, солдаты и офицеры, прибывшие к Вазузе.

Стоял ноябрь 1942-го. Снег покрыл сожжённую войной землю. Ни одной уцелевшей деревни. Даже не маячили печные трубы – все на десятки километров было уничтожено. Дул сильный западный ветер, заметая проселочные дороги, по которым к Вазузе днем и ночью двигались войска. Колонна 25-го ГМД уже несколько дней была в пути. Ноябрьский день краток: не успевает свет победить тьму, как наступает вечер. Серым холодным вечером БМ-13 осторожно спустились вниз с крутого берега Вазузы и круто повернули на юг. Прodelав километров пять, машины встали. Здесь, в лесу около Вазузы, 25-й ГМД остановился. Здесь мы и переночевали.

25 ноября 1942 г. – начало операции. Генерал Конев – опытный генерал. Он провел против немцев не одно наступление и знал: оборона врага за Вазузой – это мощные оборонительные сооружения, зарытые в землю огневые точки (пулеметы, орудия, танки) первой и второй линий обороны, а между ними – ходы сообщения, а также хорошая связь, обеспечивающая маневренность войск. Чтобы взять вражеские укрепления – надо их разрушить артиллерией и

авиацией. Но 24 ноября пошел снег. Снег шел всю ночь. Утро следующего дня не порадовало командование фронтом, 20-й армией и войска... Валил мокрый снег. Крупные хлопья слепили глаза, засыпали дороги... Генералы Конев и Кирюхин поняли: операция провалилась, погода нелетная. А без авиации оборону немцев не разрушить. Артиллерия?... Артиллерия будет бить вслепую... Опытные генералы, тот и другой, хорошо понимали, что успеха не будет.

А погода в районе Вазузы, да и в Подмоскowie, начала портиться еще раньше. Наш дивизион своим ходом передвигался с юга Западного фронта на север (через Москву). До Погорелова Городища колонна шла по осенней дороге, а ночью на 19 ноября выпал снег. Снег нас сопровождал и до огневых позиций – и ни одного самолета в небе.

Надо полагать, что и в Москве, в Генштабе, должны были понимать, что сражение будет проиграно... Но генерал Конев Верховному не позвонил, а ночь, наверное, не спал. Он хорошо знал, на опыте убедился: Верховный своих решений не менял...

Утром 25 ноября «в 7 часов 50 минут началась полуторочасовая артподготовка. В общий гул канонады врывались короткие, но мощные залпы гвардейских минометов. Снегопад усилился, началась пурга. Видимость снизилась до двадцати шагов. Горизонт исчез. Корректировка артиллерийского огня прекратилась. Артподготовка продолжалась... Били по площадям».¹

Не один залп по немцам дал тогда и 25-й гвардейский минометный дивизион. В 9 часов 20 минут войска 20-й армии пошли в наступление. Генерал Конев, командующий Западным фронтом, был уже на командном пункте 20-й армии. Он не мог усидеть у себя на НП. Но оборона немцев была жива, и наши войска были встречены сильнейшим огнем. Наша пехота залегла, а немецкая артиллерия повела огонь по нашим позициям.

После повторных залпов дивизионов РС наша пехота снова и снова поднималась в атаку, но огонь немецких пулеметов и минометов прижимал наши стрелковые цепи к земле. Лишь 347-я стрелковая дивизия сумела форсировать Вазузу. Ее полки к исходу дня вклинились в оборону противника и освободили Зеваловку, а 148-я стрелковая бригада заняла за Вазузой деревню Пруды. 26 ноября командующий 20-й армией ввел в наметившийся прорыв 8-й гвардейский стрелковый корпус.

26 и 27 ноября войска 28-й армии продолжали штурм обороны

¹ Кузнецов П. Г. Стр.185.

немцев. Результата не было, а потери были значительными. В прорыв на участке Кобылино-Пруды командарм Кирюхин ввел 6-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса. С новой силой возобновились бои, а немец не отступал. В бой бросались новые и новые дивизии. Пошли в атаку и батальоны 1-й Московской, под Мал. Кропотово и Никоново...

25 ГМД вел огонь по передовой немцев. Немцы вели огонь по «катюшам», но нас укрывала возвышенность. А наш сосед (номер дивизиона РС я не знаю), стоял на высоком месте, по нему была немецкая артиллерия, были потери. И, чтоб поднять боевой дух гвардейцев, командир дивизиона приказал развернуть знамя части. Три гвардейца стояли под знаменем. Один крепко держал колышащееся на ветру знамя, два других стояли по бокам. Я видел такую картину первый раз за войну. Немец ведет обстрел дивизиона, а они, знаменосцы, стоят в рост. Рядом дорога. По ней я по приказу командира проезжал в тыл за снарядами и невольно наблюдал за застывшими у знамени солдатами. А рядом БМ-13. Картина красивая, но жуткая. Наша полуторка проскочила этот опасный участок дороги, а гвардейцы со знаменем стоят. А рядом готовые к залпу БМ-13... Что-то отталкивающее, ненужное, страшное было в этой картине. «Нет, нет, я своих солдат не бросил бы на этот “подвиг”... Он не нужен...»

Я и сейчас, спустя многие годы, вижу эту картину: гвардейцы-минометчики под знаменем на поле боя... Мороз по коже... Ненужная смерть солдата: расчеты и так не оставят БМ и выполняют свое дело...

Водитель тоже видел эту картину и, ничего не сказав, только прибавил газу...

Дивизион РС, стоявший за красным знаменем, был не нашего полка. Колыхалось на ветру красное знамя, стояли, не покидали огневую «катюши», и немец клал снаряды. Я это видел, восхищался и трепетал...

А наша батарея, наш дивизион выполняли свою задачу и довольно успешно: огневая позиция дивизиона была в низине, и снаряды врага нас не беспокоили. Не знаю, не знаю, нужно ли было соседнему дивизиону стоять под знаменем на открытой местности. Не знаю...

Вечером 27 ноября мы сменили огневую позицию: надо было быть поближе к передовой, чтоб прокладывать путь наступающим частям. Мы тоже встали на открытом месте, на равнине у Вазузы. Рядом было построенное немцами просторное убежище, с нарами,

Старшина Виктор Селиванов (слева), комиссар Любимов и артмастер Вадим Чекулаев

человек на 30. Вот в нем и укрывались расчеты между залпами. Мы вели огонь под огнем немецкой артиллерии. Здесь погиб, на моих глазах, мой друг, артмастер батареи Чекулаев Вадим. До прихода в батарею был пулеметчиком в стрелковой роте, был ранен в бою где-то под Москвой. Рана заросла в госпитале... Направили к нам. Смелый, знающий свое дело боец и хороший друг. Смерть настигла его в дверях укрытия, где мы были. Собирались пообе-

дать, и кухня пришла. Он взял котелки и к выходу. Я окликнул его: «Не ходи, пережду». – «Пережду, пережду...» – а сам стоит у выхода. Вот тут, перед входом в блиндаж, и разорвался снаряд. Вадим вздохнул и повалился. И только сказал: «Ну, вот и все!» – и навечно замолчал.

Вадим Чекулаев был из Иваново. Мать – врач. Мы сообщили ей. Конечно, потеря сына для матери – тяжелейший удар. Она пережила потерю. Писала нам и продолжала работать. И для меня потеря была тяжелой утратой... Этим же снарядом был убит и заряжающий второго орудия девятнадцатилетний сибиряк. Да, из Сибири, и характер у него был сибирский, сильный. Молчаливый, исполнительный. Ему было только 19, он был заряжающим, рядовым солдатом. Но запомнился всем...

В боях нам каждый день давали сто граммов водки для поднятия духа. Все пили эти сто граммов, а гвардеец-сибиряк не пил: «У нас в семье никто не пьет, ни отец, ни дед. И я не пью». И не пил. Его уговаривали, посмеивались над ним, а он: «Не пью», – и отдавал свою порцию водки сегодня одному, завтра – другому воину расчета.

Я любовался твердостью этого человека. А сколько слабых, беспринципных среди нас. В первой батарее тридцатилетний вычислитель тоже не пил сто граммов (он был из-под Москвы). Говорили, что сто граммов вычислитель отдавал командиру взвода лейтенанту Сталинскому, и тот пил... Двадцатилетний командир полка полковник Лавринович в машине всегда имел запас «горючего»... Быть сильным человеком, уметь себя держать трудно. Боец-сибиряк умел себя держать. Ему и командир, и товарищи доверяли: не

подведет... Здесь же, на берегу Вазузы, мы и похоронили наших товарищей.

Несколько дней мы стояли на этой огневой и под огнем врага давали залпы, чтобы помочь наступающим войскам. А впереди шел танковый бой. Иногда снаряды-болванки, которыми вели огонь по танкам немцы, долетали и до нас.

Как-то в воздухе появились немецкие самолеты. Нас они почему-то оставили в покое, но крепко-крепко накрыли берег Вазузы рядом с нами. Много

крови людской приняла в свои воды Вазуза-река. И унесла и кровь людскую, и тела погибших... Унесла в Волгу...

А бои не стихали. По дороге, метрах в 50 – 100 от нашей огневой, ранним утром (29 или 30 ноября) шла на передовую новая дивизия. Шинели, и шапки, и варежки на бойцах еще не стертые... Шли роты, батальоны вперед бойко, а вечером те же бойцы-казахи возвращались обратно группами и все в белых повязках. Иногда они обращались к нам со словами: «Санбат?.. Санбат?.. Санбат?» – и уходили в тыл... А мы все стояли на том же открытом месте, на берегу Вазузы, и давали залпы...

Командование Западного фронта, что могло, то и направляло в 20-ю армию. Подтянуло в район боев новые силы и немецкое командование. В конце ноября погода улучшилась, но нашей авиации мы не заметили. Мало было авиации и у немцев. 1-я Московская дивизия продолжала атаковать Никоново, Малое и Большое Кропотово, но атаки батальонов и полков дивизии успеха не имели. «Окончательно обескровленная 1 Московская гвардейская дивизия в ночь на 8 декабря была выведена в армейский резерв», – это не мои измышления, а слова генерал-лейтенанта П. Г. Кузнецова.¹

Как уже отмечал, пути 25-го ГМД и 1-й Московской дивизии

Прием в комсомол сержанта Чекулаева (стоит). Крайний справа – М. Вовк, секретарь комсомольского бюро 25 ОГМД; крайний слева – комиссар 2-й батареи Любимов; в центре, с трубкой – комиссар Канивец; за ним и за женщиной – Б. Готовцев, командир дивизиона; перед ними – комиссар 25 ОГМД Волков. Лето 1942 года. Рязанцево, около Белёва

¹ «Гвардейцы-москвичи». Стр. 188.

много раз переkreщивались: обе части находились в резерве Западного фронта (мы еще встретимся под Буканью, и Мойлово, и под Витебском).

А бои все шли и шли – и никаких успехов. Каждый день – сотни убитых и раненных. И Сталин отстранил генерал-майора Кирюхина от командования 20-й армией. Новый командарм, генерал-лейтенант М. С. Хозин тоже ничего сделать не смог, и 18 декабря 1942 года войска 20-й армии перешли к обороне. Не простил Сталин и Коневу бездарно проведенную операцию. А виноват-то, пожалуй, более всех был сам Сталин со своим штабом.

Думается, что в ночь перед началом Сычевской операции командующий Западным фронтом И. С. Конев не спал, а все думал, думал об одном: как спасти 20-ю армию от поражения. И не раз подходил к телефону, брал трубку, но, но... Он не верил, что в Ставке поймут, а Сталин... «Вот положение, – проронил он вслух, – один, один и поговорить не с кем... Булганин... Соколовский... Боже мой! Вот положение: командующий фронтом – и не может, не может отменить операцию, в успех которой не верит...» А в 8 утра он уже ехал в 20-ю армию, и артподготовка уже шла... Шел снег. Авиация бездействовала... Били и били... и ничего не видать... «Зачем еду?...» – спросил он себя и не ответил...

Операция провалилась. Кирюхина отстранили от армии. Конев был уже на юге фронта, у Баграмяна, в 16-й армии. Там намечалось новое дело. Ехал, чтоб все хорошо продумать, чтоб не повторить Сычевки... А Сталин пока молчал...

К истории памятной фотографии

(неотправленное письмо в Наро-Фоминский музей)

В октябре – декабре 1941 года 25 ОГМД (отдельный гвардейский минометный дивизион) РС вел бои с немцами за Наро-Фоминск. Своим огнем он поддерживал стрелковые полки 1 Московской гвардейской стрелковой дивизии. Под Наро-Фоминск 25 ОГМД и 1-я Московская гвардейская дивизия прибыли с Украины, из-под Сум, где дивизия вела успешные бои с немцами, а 25 ОГМД поддерживал своим огнем её атакующие полки.

Вечером 22 октября 2 батарея дивизиона выгрузилась на станции Наро-Фоминск и ушла в пункт сосредоточения дивизиона (в лес севернее Александровки). Эшелон с 1 батареей остался встречать замполитрука батареи Михаил Вовк. Он долго ждал состав с 1 батареей. Потом рассказывал:

– Ждал до вечера, а состава с 1 батареей нет. На станции никого. Жутковато стало. Вечерело. Я подтянул ремень, карабин на плечо, вышел на середину и пошел к Александровке. Перед домом, на скамейке, сидели старик со старухой. Увидев меня, бойко шагающего по середине дороги, старик сказал старухе: «Смотри, старая, как улепетьваются наши защитники». Услышав слова старика, я прибавил шаг. Уже в темноте я нашел свою батарею.

1 батарея высадилась на станции Апрелевка. До Наро-Фоминска батарея добралась своим ходом. А утром 23 октября дивизион нанес первый удар по немцам.

Дивизион наносил залпы по южным и западным окраинам Наро-Фоминска, по Алексеевке, Турейке, Котово и другим населённым пунктам, где сосредоточивались немцы. Немцам удалось захватить западную часть города, но за Наро немцев не пустили. Героически бились с врагом бойцы 1 Московской, помогли им отбивать атаки и залпы наших орудий («катюш»). В битве под Москвой у ствольной артиллерии мало было снарядов, 1 – 3 выстрела на орудие в сутки. Нас же, дивизионы РС, снарядами снабжали хорошо. И командование дивизии требовало от 25 ОГМД наносить залп за залпом. Приходилось вести огонь и под вражеским огнем, и днем, и ночью.

Я был секретарем комсомольской организации 25 ОГМД. И мне приходилось не раз бывать на собрании актива комсомольских организаций 1 Московской дивизии.

За боевые заслуги отличившиеся командиры батарей, орудий, водители БМ-8, заряжающие и наводчики были награждены орде-

нами и медалями.

У меня сохранилась фотография награжденных орденами 1 батареи, которую я, Любимов Александр Степанович, а мне уже 83-й идет, высылаю Вам. Фотография мне досталась от Николая Сутягина, погибшего в селе Зайцево, под Белёвым, летом 1942 года. Осколок немецкого снаряда ударил Николая в грудь. Из нагрудного кармана Николая Сутягина товарищи достали пробитую осколком записную книжку, комсомольский билет и фотографию. Комиссар дивизиона Волков комсомольский билет переслал в политотдел армии, фотографию, изорванную осколком, передал мне (он хорошо знал, что я был другом Николая Сутягина), сказав: «Храни. Сутягин был хорошим бойцом, а вы были друзьями». Я поблагодарил комиссара Волкова за внимание.

1941 год, ноябрь, Бекасово (около Наро-Фоминска), после получения правительственных наград за бои за Наро-Фоминск.

Сидят (справа налево): командир орудия Паксиваткин; политрук Канивец П. Ф. – комиссар 1-й батареи 25 ОГМД; капитан Зайцев Борис Лукич – командир 1-й батареи. Стоят (справа налево): рядовой Зайцев – разведчик; Сутягин Николай – водитель боевой машины, уралец, из Челябинска, мой боевой товарищ, погиб 9 августа 1942 года в с. Зайцево (под гор. Белёвом).

Осколок мины ударил в грудь Николая, разорвал комсомольский билет, записную книжку, прошил и фотографию – память о боях под Наро-Фоминском, которую передали мне.

Вместе с Николаем Сутягиным погиб и Николай Борисов – командир 3-го орудия, тоже мой друг; а Владимир, мой сын, ещё в детские годы, взял ножницы и подровнял края карточки

Скоро и меня не будет, а Ваш музей будет жить. И, может быть, что Вы эту фотографию сохраните и покажете другим. Посылаю Вам так же и свою фотографию¹ того времени. Я был уже комиссаром 2 батареи 25 ОГМД, и звание у меня было гвардии лейтенант. А комиссаром меня назначили в марте 1942 года, и был я тогда комсомольцем, еще секретарем комсомольской организации дивизиона, радистом и замполитрука 1 батареи. Такое было только в боевых условиях: комиссар 2 батареи был отозван в политотдел, и Волков – комиссар дивизиона и командир дивизиона Готовцев Борис – тоже мой друг, решили: быть комиссаром 2 батареи комсомольцу Любимову А.С. И стал комсомолец Любимов комиссаром батареи. Тут же по просьбе Волкова я написал заявление в партию. Рекомендацию мне дал Волков и коммунист 1 батареи Лебедев, третью – бюро комсомольской организации. Вот такова история.

¹ См. стр. 180

1943 год. Ржев, Букань, снова Жиздра... Миасс

25-й гвардейский минометный дивизион из-под Сычевки своим ходом спешил к Ржеву... Снова шел снег. Шел и шел. Дорожные батальоны расчищали дороги. Тракторы тащили деревянные треугольники-раздвиги. Сотни людей прокладывали пути к фронту... И вот остановка, огневая на «Мертвом поле». Впереди – Ржев, слева – застывшая река, БМ – на полотне железной дороги, ведущей в Ржев, справа, в километре от огневой, – лес. Вокруг – снег и снег. Ни одной деревушки, ни одного строения: немец взял Ржев осенью 1941-го, и бои здесь то затихали, то снова вспыхивали.

«Мертвое поле» – снег и снег, и ни одного следа. Поле простреливается кинжальным огнем и немцами, и нашими. И немцы, и русские (на войне советских солдат чаще называли просто – русские; а кто эти русские? – русские и все) на переднем крае зарылись в землю, а между ними – минное поле. Попробуй пройти! На передний край дорог не было: все простреливалось; пищу и боеприпасы для передовой возили на собаках. Да, да, мы встретили под Ржевом ездовые собачьи упряжки: они и незаметны, и бесшумно делали свое дело. Раненых тоже отправляли с передовой на собачьих упряжках.

За те дни, что мы стояли на краю «Мертвого поля», погода была нелетная, и авиация немцев бездействовала, и было тихо. И немцы, и мы вели мирную жизнь... Ни одного выстрела. Ночью «Мертвое поле» освещалось ракетами, но наши БМ-13 стояли далеко от переднего края, километрах в 4 – 5. Все шло, как везде... Спали тут же, около БМ, на досках от снарядных ящиков, кучей, прижавшись друг к другу. Огонь разводить нельзя. Здесь мы и встретили новый 1943 год. Утром друг друга поздравили, выпили по сто граммов и пожелали друг другу здоровья и удачи... и всего-всего лучшего...

В один из январских дней в лесу, что справа, началась стрельба. Там шел бой, и дивизион получил приказ занять новую огневую и приготовиться к огню. И батареи ушли в лес и дали залп по врагу. Залп дивизиона накрыл немецкие позиции. Очевидно, немцы не ожидали здесь, под Ржевом, «катюш». Залп дивизиона накрыл атакующие немецкие роты и танки.

Комиссар 54-го полка Н. Я. Ильин в статье «В осажденной Одессе, в боях под Ржевом» пишет:

«Много пришлось поработать в эти дни и дивизиону, которым командо-

вал москвич Б. А. Готовцев...

В боях отличилась батарея, которой командовал старший лейтенант Крылов. Гвардейцы с открытой позиции прямой наводкой подбили восемь танков! Сам комбат, раненный, продолжал командовать и, когда враг снова пошел в атаку, угрожая захватить боевую технику, нашел в себе силы вывести батарею в безопасное место...»¹

Лейтенант Крылов был начальником разведки 25-го ГМД. Он прибыл в дивизию в 1943 году. Командиром же 2-й батареи был лейтенант Конюхов, комиссаром батареи был я, Любимов А. С. Почему Ильин спутал фамилию комбата? – Очевидно, память у него ослабла. А может, что-то перепутал. К тому же за все время пребывания на посту командира полка Небожко и комиссара полка Ильина я их во время боев на ОП дивизионов не видел, не видел их и в батарее. Мы с ними встречались только в штабе полка.

«Гвардейцы с открытой позиции прямой наводкой подбили восемь танков!» Конюхов в этом бою был ранен, но остался в строю. Атака захлебнулась, немец отступил, но, собрав силы, снова пошел в атаку, но и она была

отбита: активно работала ствольная артиллерия, стойко держались на своих позициях стрелковые роты, помог отбить атаку и залп «катуш» 25-го ГМД. Залп точно накрыл атакующую пехоту немцев, было подбито несколько танков. Немец снова отступил, а мы ушли в тыл, в лес.

К вечеру бой утих, а нам в лесу было как-то уютней, как-то теплее, привычнее...

Под Ржевом мы не задержались. 25-й ГМД ушел в Москву, а из Москвы под Букань, под Жиздру.

Из-под Сычевки и Ржева мы уходили с тяжелыми мыслями: бились, бились – и никаких результатов, а крови, крови сколько про-

Лейтенант Конюхов, командир 2-й батареи

¹ «Вышли на фронт “катуши”». М., 1982. Стр. 200, 201.

лито! Мы пили воду из Вазузы – вода кровью отдавала. У меня на всю жизнь осталось самое неприятное впечатление о генерале Коневе (мы все знали, что операцией под Сычевкой руководил он). Мы, лейтенанты и капитаны, не могли знать, что и командующий фронтом – ничто, коль Сталин так решил. В Сталина мы верили, а вот командующий фронтом... Он, он виноват за неудачу под Сычевкой. Конечно, виновен, но и Верховный повинен: он лишил наших генералов возможности самим принимать решения на ведение боя, убил в них волю, сковал их полководческую волю. Сычевская операция войск Западного фронта в ноябре – декабре 1942 года не принесла желаемого результата, завершилась поражением. Ставка (Сталин) была недовольна. Верховный молчал, но думал, кем заменить Конева. Остановился на Соколовском – начальнике штаба Западного фронта...

Не везло с командующими и 1-й Московской дивизии. Сколько их сменилось после Лизюкова! Из-под Сычевки дивизия была переведена под Можайск, а оттуда на Букань. Комдив, генерал Ревякин, был отозван в Москву, его заменил полковник Кропотин. Сюда же, под Букань, прибыл и 25-й ГМД. Снова воевали вместе.

Сражение за Букань вели три дивизии (18 гвардейская, 247-я, а в центре 1-я Московская) без особой подготовки. Руководил сражением командующий 16-й армией Баграмян. Бой начали залпом ГМД по окрестностям Букани. Это было 2-го марта, около 9 часов утра. Немец давно занимал этот район и хорошо укрепился, как и на Вазузе. Начались тяжелые, кровопролитные бои. И снова без успеха. Взять Букань наши войска не смогли, и 12 марта вновь обескровленная 1-я Московская дивизия была выведена во второй эшелон. Ее заменили другие части, а бои продолжались...

Зима 1942 – 1943 года была снежной и капризной: то мороз, то оттепель. С оттепели начался и март 1943-го. А ночью мороз. Для командиров батарей БМ-13 эта оттепель принесла много неприятностей: пазы направляющих покрывались коркой льда – и при стрельбе некоторые снаряды с направляющих не сходили, да и дополнительное трение при выходе снаряда с направляющей снижало точность стрельбы. Артмастер и заряжающие вынуждены были руками сбивать лед и протирать пазы направляющих. Это задерживало залп, да и усложняло работу. А что делать? БМ должна быть исправной, а залпы батарей должны производиться вовремя.

Под Буканью мы воевали уже без комиссара Волкова. Он получил новое назначение. Командир дивизиона Готовцев, хорошо зная меня (мы с ним в переделке были еще под Сумами), решил своим

временным заместителем по политчасти поставить меня. Вот на время боев под Букамью я и исполнял эту должность. А когда бои затихли и батареи ушли в пункт сосредоточения (подальше от передовой), Готовцев дал мне бумагу и просил ехать в штаб фронта на встречу с членом Военного совета. Готовцев просил, чтобы меня утвердили его заместителем. Я нашел штаб фронта и был принят членом Военного совета. Имел разговор, а результат: «Приказ командира дивизиона поддержать не могу: у Вас, старший лейтенант, мал партийный стаж – один год, а должность требует – три года. Извините». Я попрощался и пустился в обратный путь. Готовцев возмутился: «Комсомольца комиссаром батареи назначили, а коммуниста, прошедшего бои с дивизионом, нельзя... Ну, не беда: я сам махну в штаб». Но вскоре в дивизион прибыл пожилой капитан, лет за сорок пять. Он предстал перед Готовцевым: «Товарищ капитан, я назначен к Вам заместителем по политчасти. Фамилия моя Гусак. Приказ – в штабе полка». Вот так и закончилось мое новое назначение.

Букань наши войска все-таки взяли. Фронт подошел к Жиздре. Из Маклаков, где базировался дивизион, мы двинулись на передовую, то есть в тот же район, где год назад вели бои за Жиздру, но взять не могли. Наступление на Жиздру сейчас вела 16-я армия, усиленная новыми стрелковыми дивизиями, артиллерией и танками. Бои шли на реке Ясенок – притоке реки Жиздры. Наша огневая не раз менялась. Бои были тяжелые, кровопролитные, с переменным успехом. Запомнился любопытный случай.

Боевые порядки дивизиона располагались около дороги Букань – Пыренка – Ясенок, у железнодорожной насыпи. Снаряды немецкой артиллерии били в насыпь или перелетали. Это место было обжито нами еще весной прошлого года. Однажды, днем, мы заметили: ведут пленных немцев (полк провел удачную атаку, отбил опорный пункт, захватил несколько немцев и отправил их в тыл). Шли они, здоровые, загорелые, в белых масхалатах. Головы несут высоко и на нас смотрят смело, задиристо, не чувствуют себя пленными. И, когда они стали приближаться к орудиям нашей батареи, раздалась необычная команда командира орудия Гаврилова, здорового, крепкого парня: «Дождиков, марш под машину!» Команда была грозной, необычной – и Дождиков нырнул под БМ. Я стоял рядом, на команду эту сразу не среагировал: мы смотрели на немцев, повернувших головы в сторону адских машин – так они звали наши «катушки». Для них это необычно: они не раз испытали силу огня адских машин и сейчас пожирали их растерянными взглядами: а вдруг...

Немцы прошли, я повернулся к Гаврилову и спросил: «Ты что, испугался, видя немцев пред собой?» – «Что Вы, комиссар, – для солдат нашей батареи я навсегда остался комиссаром, – смотрите, какие они здоровые! А Дожδικов? Два вершка: посмотрят и скажут, что у нас ребятишек уже призывают». Я его понял. «Молодец, молодец! – похвалил я сержанта. – А я не сообразил». А перепуганный окриком командира Дожδικов, солдат последнего пополнения, все еще сидел под машиной. «Вылазь, вылазь», – позвал его Гаврилов. И Дожδικов вылез из-под машины, отряхнулся и, все еще не придя в себя, тарачил глаза на Гаврилова. «Ну, посмотрите, товарищ комиссар, ни росту, ни ума, а гвардеец!» – и Гаврилов раскатисто рассмеялся. Ничего не скажешь. Гаврилов был прав: в последнем пополнении дивизиона были, действительно, всякие воины. И малы, и молоды, и подчас терялись перед командиром, и враг для них был страшен. А Гаврилов уже полтора года в боях. Безусловно, и он знал страх, но брал себя в руки...

Приближался апрель. Снега таяли, низины залило водой... И бои прекратились. Дивизион ушел в район Рязанцево. А в июне меня направили в Москву, на курсы переподготовки: среднее звено политработников в армии было упразднено. Курсы эти были организованы при артиллерийском училище, расквартированном в г. Миассе, на Урале. Здесь проходили артподготовку и тактику и лейтенанты, и майоры (полковников не было). Одна теория, без практики. Но это было, наверное, хорошо: нас учили готовить данные для стрельбы в гвардейских минометных частях, в которых мы уже побывали, и БМ-13, БМ-8 мы знали. Плохо ли, хорошо ли курсы переподготовки прослушали, и в самом конце 1943 года приехали в Москву, чтобы получить назначение.

Весна 44-го. Снова в своей батарее

Первое приглашение я получил от полковника Исупова пойти командиром учебной роты в школу, где обучались младшие командиры для частей РС. Школа размещалась под Москвой, в Павловом Посаде. Я отказался, хотя предложение было заманчиво: тыл. А на другой день случайно встретился с майором Готовцевым, Борисом Готовцевым – уже начальником штаба 54-го ГМП. Мы оба обрадовались встрече: он меня провожал на курсы, полтора года воевали в 25-м ГМД, были хорошими знакомыми – и вот встреча.

Выяснилось, что я жду назначения для дальнейшего прохождения службы, а ему нужен командир 2-й батареи в 25-м ГМД и начальник разведки. Он тут же предложил: «Пойдем, будешь командиром 2-й батареи» – и я согласился. Оформив документы, я и лейтенант Козлов (тоже в Миасе учился) сели в машину Готовцева и отбыли на Волхонку, где и раньше размещался дивизион при ремонте. Готовцев представил меня командиру дивизиона Большакову (его в дивизионе раньше не было), уже пожилому человеку, располагавшему к себе. Начальником штаба дивизиона был старший лейтенант Умар Котляров. Сначала он был дивизионным пиротехником. На войне все возможно: был пиротехник, а сейчас – начальник штаба дивизиона (забегая вперед, скажу, что я его не видел на огневых позициях за все время моего пребывания в дивизионе командиром батареи).

Представлял ли кто меня личному составу батареи – не помню, да и представлять не надо было: меня в батарее знали. Мне повезло: был комиссаром батареи, потом заместителем по политчасти и вот – командир той же батареи. Это, конечно, удача: я хорошо знал личный состав, а бойцы меня. Мы вместе прошли боевой путь от Штеповки до Зайцево, бились под Жиздрой и Сметской, под Сычевкой и Ржевом...

Старшина батареи Селиванов Виктор обрадовался: как же, сколько ночей мы провели в одной машине, и котелки у нас были вместе, и много раз он приносил мне пищу с кухни. («Я принесу, комиссар, принесу: мне все равно надо идти на кухню, батарею кормить», – и он брал наши котелки. Иногда сам приносил, иногда кому-нибудь поручал. Так и жили). Командиры орудий те же: Игрушкин, Гаврилов, Жорин, Гринько (Айсин Мустафа был ранен в руку и выбыл из батареи). Тот же помкомвзвода старший сержант Колесников – толковый и смелый, дело свое знал, огневики его уважали, и я к нему относился с уважением. Вот только парторга батареи связи-

ста Лебедева я не встретил... Не то погиб, не то отбыл по ранению.

Я был доволен, что попал в свою батарею, верил в ее личный состав. Конечно, удача: коллектив слаженный, испытанный в боях, командиры орудий опытные и все уже с жизненным опытом, и водители боевых машин те же, что и раньше. Вот только командир огневого взвода незнакомый лейтенант. Что-то в нем настораживало...

А вот дивизион был уже другим. Из старых друзей-офицеров – никого: Конюхов, командир батареи, – на излечении; Канивец, комиссар первой батареи, куда-то отбыл... Остался только старший лейтенант – особист. Были и новые бойцы в батарее. Они заменили погибших (были и погибшие) и отправленных на излечение.

И жизнь в батарее пошла, как будто ничего не изменилось. БМ ремонтировали на московских заводах. В скором времени предстоял выход дивизиона на фронт. А на фронтах шли бои. Теперь уже мы наступали...

Успехи Советской армии – результат окрепшего тыла, который ковал для фронта все новое и новое оружие и снабжал армию продуктами питания; результат героизма бойцов и командиров сражающейся армии, мощного партизанского движения в оккупированных районах и, это надо отметить особо, возросшего опыта генералов, планировавших наступательные операции. Зимние наступательные бои на Западном фронте, в которых привелось участвовать, были подготовлены слабо – и результатов не было. Это вовремя заметили в Ставке, и было принято специальное решение: Западный фронт реорганизовать. Были организованы 1, 2, 3-й Белорусские и 1, 2-й Прибалтийские фронты.

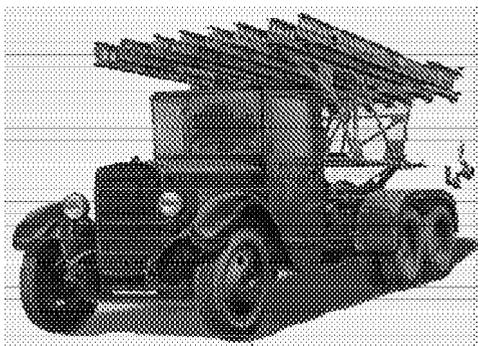
Советская армия стала использовать так называемый огневой вал. Передний край обрабатывала авиация, потом включалась артиллерия (в гвардейских минометных частях появились бригады БМ-13). Бригада (дивизия) на одном участке выстраивала «огород» снарядов, подключала привод, крутился зарядный ящик – и снаряды взламывали оборону врага, уничтожали огневую силу. Потом 15 – 20 минут перерыв. Противник вылезал из укрытий – снова артиллерийский вал. А в это время авиация обрабатывала вторую – третью линии обороны... В назначенное время огонь артиллерии переносился на следующие рубежи, а в это время пехота и танки шли в атаку (и, бывало, пехота шла в полный рост) и занимали первую линию, потом вторую...

Наша авиация уже господствовала в воздухе. Не везде, конечно, но в районах главного удара – безусловно.

3 марта 1943 г. наши войска взяли Ржев, 8 марта – Сычевку.

Были освобождены Вязьма, Смоленск и Ярцево. Шли бои под Витебском...

Вот сюда, под Витебск, своим ходом и шли дивизионные колонны 54 ГМП.

Под Витебском

Миновав Москву, колонна дивизиона мартовским днем двигалась на Смоленск. День был серый. Поля, перелески – все вокруг было еще покрыто снегом, но шоссе уже очистилось от него. А по краям дороги нет-нет и промелькнут сожженные деревни, села. От домов оставались одни крепко сбитые мужиками печи, а над ними маячили черные мертвые трубы. Редко, редко попадались чудом оставшиеся крестьянские избы. Их как бы охраняли столбы-трубы...

Здесь, от Москвы до Смоленска, шли жестокие бои. Кругом лежала сожженная, разграбленная, опустошенная русская земля. Сердце сжималось при виде этой избитой земли. Одно согревало душу солдата: немца здесь уже нет. И березовые кресты у дороги тоже кого-то грели: здесь навечно остались лежать самоуверенные завоеватели...

Из Смоленска – на Рудню, Лиозно и под Витебск. Где остановился дивизион? Помню местность, вижу: батарея стояла около дороги, в овраге. Через овраг проложен хороший мост, за оврагом – поля. Первая батарея и штаб дивизиона расположились на опушке леса. В лесу – госпиталь...

Стоял апрель. Снег сошел, поля оголились. Прошумели овраги, залила вода низины. Фронтные дороги... Все залито водой. На десятки километров рядом с фронтом были проложены лесные дороги, дороги из распиленного дерева. Пройти могла только одна машина. Для разъезда – объездные дороги и солдатские посты (солдаты-регулирующие). Вот как-то мне пришлось ехать на машине в сторону Рудни на грузовой машине. Не помню, куда ехал и зачем. Регулирующий остановил машину: надо было пропустить встречную. Я вышел из кабины и завел разговор с пожилым солдатом-регулирующим. Он выслушал меня, а потом спросил:

– Старший лейтенант, Вы откуда, с каких мест?

– С Урала, из-под Невьянска.

– Значит, земляк. Я из Нижнего Тагила.

– Земляк, земляк. В Тагиле я учился. На рабфаке, у заводоуправления. А жил на Газетной, в бараке.

Солдат посмотрел на меня. Глаза его повеселели.

– Земляк. Вот где встретились, под Витебском. Приятно увидеть земляка. А я узнал вас, старший лейтенант, поговору. Обрадовался...

Колонна прошла по объездной, и земляк-регулирующий попро-

щался:

– Всего доброго, старший лейтенант. Впереди бои. Удачи Вам, удачи...

Я ему тоже пожелал здоровым вернуться домой.

Прошло много-много лет, а пожилого солдата–регулировщика на объездном пути, признавшего во мне земляка, я и сейчас вспоминаю как какое-то светлое мгновение...

Мой земляк и близкий родственник Савин Семен Васильевич, бывший шофером в штабе Ленинградского фронта и возивший члена Военного совета Кузнецова, как-то при встрече рассказывал:

– Я тебя искал по всему фронту (мне почему-то казалось, что ты здесь, на Ленинградском), но встретил Сашку Телегу [Александра Александровича Любимова; Телега – прозвище их рода – А. Л.], моего соседа. Он был ездовым. Сидел в повозке, держал вожжи в руках. Я остановил машину и к нему. Кричу: «Любимов, Саша!» – молчит. Я за ним и снова кричу: «Телега, Телега, остановись!» Он обернулся ко мне. Узнал. Радостная встреча была...

Савин Семен Васильевич и Любимов Александр Александрович (Телега), соседи. Оба воевали на Ленинградском фронте, встретились случайно. А радость-то какая!

Оба вернулись с войны, работали в Аятском совхозе и оба уже ушли из жизни

Встреча со знакомым, земляком на фронте, в другом городе – всегда радость. Ни Семена Васильевича Савина, ни Александра Александровича Любимова уже нет в живых. Оба они прошли всю войну, имели ранения и награды. Оба вернулись в родное село Аятское. Работали и жили там. Встречались, вспоминали былое. И оба похоронены на аятском кладбище, где покоятся их отцы, матери, их близкие и родные...

А встречи бывают и другие, неприятные, лучше бы их не было... Как-то в Москве, около одного из московских рынков, я встретился с Мустафой Айсиным, бывшим командиром 3-го орудия 2-й

батареи 25 ОГМД. Он был толковым командиром орудия, участвовал во многих боях, был ранен в руку. Ранение было тяжелое. Его отправили в госпиталь... И вот встреча комиссара батареи со своим воином. Он мне помнился сильным, независимым, твердо стоящим на земле... Сейчас это был какой-то растерянный человек. Одежда грязная, без руки, и глаза не горели... Он и рад и не рад был встрече со своим боевым товарищем. И я, наверное, тоже был не тем, кого он хотел встретить. Я был обычным, простым человеком, учителем школы, и в карманах пусто... Вот так и встретились два защитника Москвы, за которую бились в 41-м под Наро-Фоминском, и хорошо воевали... Наград на груди ни у того, ни у другого. Награды были и у меня, и у Айсина, но мы их не носили... И Москве, и москвичам никакого дела. Постояли, обменялись парой теплых слов... Чувствовалось, что живет он трудно, и он видел, что и у меня ничего нет (об этом говорили простые застиранные, хотя и чистые брюки, и поношенный пиджак, и изрядно поношенная дешевая обувь...)

– Как живешь, Мустафа Айсин? – спросил я его, своего солдата, которому обещал, что после победы заживем веселее, лучше... Он посмотрел на меня. Может, вспомнил бои под Москвой, Зайцево, Озеренским, Сычевкой... А может, и нет, а увидел свою настоящую неприглядную жизнь.

– Ничего, ничего живу... Живу... А Вы как в Москве?

– Проездом... Работаю учителем...

– Учителем? – переспросил он.

– Учителем.

– А я так перебиваюсь... Живу в Москве...

И он посмотрел на свою ампутированную руку, правую. Взгляд его был потухший и какой-то недобрый...

Так мы и разошлись, не спросив друг у друга своих адресов. Встреча оставила какой-то неприятный осадок.

...Полк под Витебском расположился на опушке леса, около шоссе. А место, название места забыл. Домов не было, не было даже печных труб. 2-я батарея, которой я командовал, расположилась рядом с шоссе, у склона небольшой возвышенности. Я проходил разного рода проверки у командира дивизиона капитана Большакова, у начштаба Котлярова и у младших командиров батареи. Колесников – помкомвзвода и старшина Селиванов меня приняли сразу, а вот сержант Гаврилов решил проверить. Помню, я ему дал поручение и сказал: «Сделать быстро!» Я говорил спокойно, и

он, повернувшись, пошел вразвалочку выполнять то, что надо было сделать быстро. Меня возмутило его поведение и я гаркнул, прибавив словечко, – Гаврилов побежал... Таков наш народ: ему надо приказать, да еще повысив голос...

Была весна. На фронте затишье. Капитан Большаков через Коглярова приказал мне идти на НП батальона, на передовую, дежурить, держать связь между передовой и дивизионом. Наблюдательный пункт был на опушке леса. Чтоб лучше был обзор, наблюдатель лез на высокую крепкую сосну (сначала по лестнице, а потом между сучьев). Там и было наше «гнездо».

Наблюдение непрерывно вел один из моих помощников из бойцов батареи, подымался и я. Хороший обзор: внизу на опушке леса – наши роты, метрах в двухстах – немцы, на возвышенности, в окопах, а за ними – крутой берег. Берег опускался к речке. Видно было, как к речке идет немец с ведром. Зачерпнет – и в землянки, в щели. Тут же на берегу и костры разводили. Из этой же речки брали воду и мы. Все мирно. Ни немцы, ни мы не стреляли друг в друга: боев же нет, и немцу-солдату война – ой-ой-ой, и наш солдат, понятно, не рад ей. Вот так и жили какое-то время. Мы наблюдали за немцами, они – за нами.

А день на четвертый, солнечный, вдруг со стороны немцев началось движение. Потом заговорили минометы. Зазвенел телефон. У телефона – командир батальона (мы познакомились сразу, как я появился на НП). Спрашиваю: «Что за стрельба?» – «Немец готовится к атаке. Готовь огонь по поляне». Я передал координаты командиру дивизиона, передал просьбу командира батальона. И точно, немцы пошли в атаку бросками. С нашей стороны заговорили винтовки, пулемет. Командир батальона: «Старшой, накрой!» – и дивизион накрыл атакующих немцев. Захлебнулась атака, немец отступил на исходную. Раненых утащили, мертвых – потом, в темноте. А телефон снова звенит (связь была проволочная): «Старшой, старшой, спасибо за помощь: хорошо накрыли...» Мы еще обменялись с комбатом несколькими словами, пожелали друг другу всего хорошего – и точка. Я передал результаты стрельбы командиру дивизиона, он поблагодарил меня и моих разведчиков за службу.

А дня через два – три меня сменил лейтенант Крылов. Я его плохо знал: в дивизион он пришел без меня, в боях под Рославлем, летом 1943 года. Дело свое знал, и помощники у него были опытные. Попрощавшись с лейтенантом Крыловым и его разведчиками, я и мои помощники ушли в тыл, в свою батарею. Так закончилась эта проверка.

Лето 1944 года предвещало быть грозovým. Силы Красной Армии окрепли. На вооружение поступило новое мощное оружие. (Надо отметить, что немцы тоже совершенствовались свое оружие. Новым мощным танком стала их «Пантера». Я видел на дорогах Смоленщины 9 подбитых наших танков – их расстреляла «Пантера» из засады. Они шли стороной, один за другим. Так и остались стоять). Появились новые мощные танки, самоходные пушки большого калибра. С прочной броневой защитой для расчета. Появились новые, лучше немецких, самолеты. А артиллерия всегда была сильнее. Народ слал на фронт все необходимое. Формировались новые части.

Ставка стягивала большие силы на Белорусском направлении, чтобы нанести по врагу решительный удар. В этом наступлении должны были участвовать и мы, наш 54-й ГМП.

Мы стояли под Витебском. Витебск – белорусский город, областной центр, железнодорожный узел, крупный промышленный центр с населением в 175 тысяч человек (1941 год). Стоит на Западной Двине. До войны в городе работало 209 промышленных предприятий. Часть предприятий и населения была эвакуирована. С 11 июля 1941 г. по 26 июля 1944 г. Витебск находился под властью немцев. Витебская область в годы войны – это партизанский край. В день освобождения в Витебске находилось лишь 118 жителей. Немцы превратили город в крупный оборонительный пункт.

Витебская группировка немецких войск к июлю 1944 г. находилась в полукольце: с севера стояли войска 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта, с востока – 39-я армия 3-го Белорусского фронта, а на западе – партизаны. Под Витебск и Оршу к началу наступления были подтянуты: 6гв.А, 43А, 39А, 5А, 11гв.А, 31А; в резерве 5гв.Т.А. и механизированный корпус. Войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов поддерживала 3-я воздушная армия. А сколько было подтянуто артиллерийских дивизий, бригад и полков, гвардейских минометных частей! Витебск же обороняла 3-я танковая армия, Оршу – 4-я полевая армия немцев. Большего немцы, очевидно, послать не могли...

В 6 часов утра 23 июня началась артиллерийская подготовка. Артиллерия наносила удары по первой линии обороны, а потом перенесла удар по второй – третьей линии. В 8 часов 3-я воздушная армия (300 бомбардировщиков) начала обрабатывать 1-ю линию обороны немцев. В 8-45 бомбардировщиков сменили штурмовики. Они (250 самолетов) начали бомбить 2-ю линию. В 8-50 полки стрелковых дивизий пошли в атаку, следуя за артиллерийским валом. Пер-

вая траншея была взята без единого выстрела, потом вторая и третья траншея... Враг кое-где пытался оказать сопротивление, но наши войска шли и шли вперед. 25 июня Витебская группировка немцев была окружена.

В эти горячие дни батареи 25 ГМД своим огнем поддерживали атаки полков дивизии генерала Квашнина.

25 июня по приказу начальника штаба дивизиона я, командир 2-й батареи, с группой бойцов взвода управления (старший – сержант Яшин) был направлен на НП командира полка рыть для него убежище – ДОТ и подход к этому ДОТу. Приказ есть приказ. Надо выполнять. И, вооружившись лопатами, парой топоров и пилой, мы двинулись в путь. Не помню, как мы добрались до НП, но утром были уже на месте (в деревне не осталось ни одного строения, только развалины). У одинокого дерева, среди развалин, стояла крытая полуторка – машина командира 54-го полка полковника Лавриновича (никто из нас его не видал, хотя солдаты – старожилы в дивизионе, да и я с марта месяца, три месяца: я в штабе полка не был, не навестил дивизион и полковник Лавринович). Но, как говорится, язык до Киева доведет. Мы стали расспрашивать, и нам указали на крытую машину у одинокого дерева.

Нас подждал водитель машины полковника, он же указал, где нам рыть яму для блиндажа и проход к ней. Сам же полковник был на НП командира дивизии, там же был командир нашего дивизиона. Мой помощник – старший сержант Яшин, пожилой и опытный человек – команды не требовал. Шагами отмерил размеры убежища, заступом лопаты – углы и направление прохода. «Ну, как, старший лейтенант, размеры хороши на двух – трех человек?» – спросил он меня. Я согласился – и началась работа. Мы все работали дружно. Одни рыли яму, другие – подход с двух сторон. Дело шло споро, но и работы было много.

День был солнечный, но не жаркий (по небу ходили облака, они нет-нет и закрывали солнце), дул ветерок. Передо мной начальник штаба никаких других задач не ставил, и я вместе с солдатами работал лопатой, а Яшина попросил поискать бревна для перекрытия: рядом бревен не было, не было и строений.

Витебск был уже в кольце, и бой несколько утих: наши собирали силы для штурма, немцы готовились к прорыву. В небе – ни нашей, ни немецкой авиации. Мы делали свое дело, начальство нас не беспокоило.

Старший сержант Яшин осмотрел район и доложил: «Дерева нет».

Приближался вечер. Нашли кирпичи, достали воды, нашли глубокую воронку от разрыва бомбы, притащили дров и разложили костер. «Немцы из города не увидят, – сказал мне Яшин. – По машине, да и мы на открытом месте, а не стреляют. А костер – в воронке от бомбы. Чайку приказал приготовить». – «Готовь ужин и нас зови, а мы еще поработаем», – ответил я.

Мы хорошо поели из запасов, что принесли, попили чайку. Солдаты перекусили – и снова за работу. Июньская ночь коротка. Не успеет стемнеть, как начинает брезжить... Зато ночью работать хорошо, прохладно. И часам к четырем мы все работы закончили. Я пошел докладывать командиру полка, что все сделано, а дерева для укрытия нет. Вернулось ли начальство в машину, я не знал, но солдаты утверждали: «Пришли, пришли, товарищ старший лейтенант, и, наверное, того, спят и сны видят...» И еще кое-что добавляли.

Я направился к машине... И тут началось необычное: поднялась стрельба, в городе – взрывы, дым и пламя... Я даже остановился и какое-то время наблюдал за взрывами и пожарами в Витебске: с нашей высоты город был хорошо виден. Увиденное встревожило, и тут бабахнуло рядом с нами. Я поспешил к машине (крытой машине, в ней можно было и спать, и есть) командира полка. И только открыл дверь, как через мою голову выскочил из машины, как оказалось, полковник Лавринович и бросился бежать к траншее, где сидели мои товарищи, и через них прополз в вырытую нами яму. Я не ожидал такой картины и громко-громко захохотал (дураку надо было молчать: начальство не прощает свидетелям своей трусости...) В открытую дверцу я увидел стол и две пустые бутылки. В голове мелькнула мысль: «Мы копали укрытие им, а они... Они распивали водку...»

Капитан Большаков, командир 25-го ГМД, протирал глаза. Взрывы его разбудили.

– Что происходит? – спросил он меня.

– Немцы идут на прорыв... Скоро будут здесь...

Действительно, немцы, преодолев наши позиции, бежали с оружием в нашу сторону... Большаков быстро исчез куда-то, а через несколько минут он уже на танке укатил в дивизион. А Лавринович, когда пришел себя, выбрался из укрытия и убежал на НП командира дивизии, а затем вместе с ним укатил в расположение полка.

Командир полка оставил нас, не сказав ни слова. На танке умчался на огневую командир дивизиона Большаков. Уже на ходу крикнул: «Я в дивизион». А немцы, прорвав наши жидкие цепи, бе-

жали прямо на нас, вот-вот будут на нашей высоте. Нас 13 человек, а немцев – сотни, бегут и бегут... «Отходим в сторону полка...» Там не было немцев. Мы не видели. И стали быстро опускаться в ложину, а немцы рядом. С нами оказались и связисты дивизиона. За плечами тяжелая рация. Их оставлять нельзя. Притормозили. В руках карабины, а сами кричим: «Скорее, скорее!»

Немцы были совсем рядом, метрах в двухстах. Но им было не до нас. Они шли на прорыв, на юго-запад.

Мы стремились оторваться от немцев, а они мимо... Стало полегче: немцы идут стороной и связисты с нами. А навстречу сержант, с ним человек пять бойцов. Ведут пленного немца. Перепуган. В руках – листовка.

– Куда ведете, сержант?

– Не знаю... Взяли гада... – говорит зло. В глазах ненависть.

– Куда его? В расход?

За нами немцы, бегут и бегут. А впереди – никого. Я посмотрел на сержанта и повторил:

– В расход...

Мы двинулись в сторону Витебска... Позади – одиночный выстрел. Мы уходили, не оглядываясь, молча...

Немцы пробежали на запад. Перед нами открылась низина, большой некошенный луг. Повозки. На лугу пасутся лошади. И никого из людей... Чьи лошади? Чьи повозки?... Мы решили проверить. Развернулись в цепь. Карабины в руках. У каждого в голове: Кто там? Может, наши... А может... Оказалось – наши. Обрадовались. Глаза засветились. Еще бы – наши... Пошли дальше. Поднявшись из низины на высокий холм, увидели: перед нами лежало разбитое село, а в нем открыто передвигались наши солдаты... Совсем полегчало. Все оживились. В село не пошли. Выбрали высокое место, связисты развернули рацию и вскоре установили связь с дивизионом. Я установил наблюдение за высотами, куда ушли немцы... Рядом, в километре от нас, был штаб полка дивизии, которую мы поддерживали. Я и все остальные решили: командир нашего полка там... Где он мог быть? – Там. Да мы и не думали о нем. Он нас оставил. А немцы из города ушли... А рядом работала наша авиация. Она добивала колонны немецких машин, уходивших на юго-запад.

Через полчаса, а может и больше, мы заметили немцев на высотке, что южнее. Их становилось все больше и больше. Я связался с дивизионом, указал цель, произвел расчет и попросил сделать пуск двух снарядов, для пристрелки.

И вот они рванули... Один – недолет. Другой – по немцам... Я

подал команду: вправо пять, дальность + 200 метров. Огонь! Цель была накрыта...

Мы наблюдали разрывы залпа дивизиона. Я передал в дивизион результаты. А через несколько минут из-за увала, что севернее нас, выскочил всадник-лейтенант, а за ним группа бойцов, человек 5–7, с автоматами. Поравнявшись с нами, лейтенант прокричал: «Старшой, сейчас “катюша” взыграла. Пойдем немцев брать. Ух, накрыла!» Я ответил: «Не могу! Не имею права». И лейтенант укакал к высоте, по которой наш дивизион дал залп. За лейтенантом бежали бойцы. Я проводил их взглядом. Сочувственными взглядами провожали их и мои солдаты, эту кучку лихих бойцов. И сейчас я вижу этого смельчака, орущего во всю глотку: «Старшой, пойдем немцев брать: сейчас “катюша” взыграла. Ох, и накрыла же их!» Но я, командир батареи РС, не имел права на лихость: мне надо было сидеть на НП.

А где-то рядом, в каком-нибудь помещении или землянке, сидел полковник Лавринович. С нами он не пытался установить связь. Он просто забыл о солдатах своего полка, вызванных им же строить ему укрытие. Конечно, в адрес полковника отпустили мы не одно крепкое слово.

А время шло. Прошел час-два, и снова встреча с лихим лейтенантом. Он со своими солдатами вел мимо нас колонну немцев, взятых им в плен. Он был уже без коня. Мы встретились с ним как старые знакомые. Узнав меня, он как-то обрадовался:

– Ну вот, старшой, человек двести взяли... Ох, и накрыла их «катюша»!..

– Молодец! – воскликнул я.

– А ты не пошел?.. – увидев на моих погонах стволы орудий, он улыбнулся. – Хорошо поработали...

Сунул руку в карман и вынул часы...

– Возьми старшой, на память... Возьми...

?апу у асуе¹, и мы расстались. Я смотрел ему вслед, и в голове снова пронеслось: «Молодец!» Больше мы не встречались, а память о нем и сейчас жива: небольшого роста, глазенки горят... «Старшой, пойдем брать немцев: сейчас “катюша” взыграла... Ох, и накрыла!..»

Потом я узнал, что среди пленных немцев были и русские – власовцы. Они молчали: знали, что солдаты Красной Армии их в плен не берут... Да, и такое бывало: русских немцев в плен не бра-

¹ После войны их украли в Свердловске.

ли... Как хотите, так и судите нас: они для нас были хуже немцев.

Вот и еще одна картинка того памятного дня. Через час, может, через два, из деревни, где был штаб полка, вышла еще одна колонна немцев под конвоем наших солдат. Колонна шла проселочной дорогой, среди неубранных хлебов, миновала нашу высотку. Мы наблюдали за ней, потом занялись своим делом. И вдруг выстрелы. Мы оглянулись: по хлебному полю к опушке леса бежали немцы. Солдаты-конвоиры открыли огонь... Что случилось? – Не знаю, не знаю... Наверное, русские немцы решили уйти и бросились кто куда. Зрелище неприятное... Вот и такое пришлось видеть... Война...

К полудню вокруг нас все стихло: ни немцев, ни выстрелов. Поговорив с бойцами, я решил идти в деревню (может, село), где был штаб дивизии. Деревня (название не помню) вся была разрушена и сожжена. Одни деревья, колодцы и развалины напоминали о селении. Здесь было много военных, а поодаль – пленные немцы. Их было много-много. Здесь-то вновь встретился с командиром 54-го ГМП.

День был солнечный, теплый. Наш полковник шел с девушкой (связистка, а может, медсестра). Шли, любезничали. Девчонке, конечно, было приятно общество молодого, красивого и любезного полковника. И надо думать, что он добился своего. А нас, брошенных им, когда прорывались немцы, он не заметил (а может, сделал вид), прошел мимо. Кто-то из солдат бросил: «Хорош гусь, своих солдат не узнал!..» – «Ему не до нас: видишь, какую кралю подцепил», – отвечал товарищ...

На юго-западе продолжала работать наша авиация: бомбила немцев, спешивших соединиться со своими. Вся дорога из Витебска в Бешенковичи была забита немецкими машинами, разбитыми и на ходу, брошенными немцами. В одной из машин мы нашли съестное. День уже клонился к вечеру. Мы отошли в сторону и подзаправились (война войной, а желудок свое требует). В нашей команде был и шофер. Он среди брошенных машин отыскал исправную, грузовую. Сел в кабину (ключ был на своем месте), поколдовал – и мотор заработал. Грузовик вырулил на свободное место. Солдаты уселись в кузове, я – рядом с шофером. А через пару часов мы были уже в дивизионе.

Конечно, конечно, возвращение в дивизион для всех нас – праздник. Двое суток на передовой, встреча с немцами, «товарищем» полковником, пленные (не одна сотня) и кладбище немецких машин... Много видели, пережили – и вот дома, среди своих... Я попрощался с сержантом Яшиным, с его товарищами – и в батарею.

А что было в батарее? Все шло своим ходом. Готовились к новым боям. Фронт ушел далеко, а мы еще под Витебском. Старшина Виктор Селиванов доложил:

– В батарее потерь нет. Была встреча с немцами: они бежали прямо на батарею. Сколько их было? Много. Не пустили. Мы открыли огонь. Немцы не стреляли. Драпали. А Кальченко [может, и другая фамилия на «-енко» – А. Л.] снял с убитого офицера сапоги хромовые и сейчас ходит в хромовых...

– А ты что?

У нас с Селивановым давно были самые дружеские отношения: спали вместе, ели из одного котелка, заботились друг о друге, но панибратства не было.

– А что с ним сделаешь? Я сказал ему: офицерские сапоги солдату не положены. А он: «Я сам убил офицера, и сапоги его мои». Да у него и родственник – заместитель командира дивизиона...

Я передал командиру орудия, чтоб Кальченко хромовые сапоги сменил на солдатские, а то у нас на батарее будет бог знает что. Но Кальченко отказался. Тогда я попросил командира дивизиона убрать Кальченко из батареи, и его перевели во взвод управления. А сапоги офицерские он носил...

Не помню, сколько дней мы оставались на старом месте. Помню, как командир дивизиона приказал построить батарею. Старшина тут же объявил построение. Капитан Большаков поблагодарил гвардейцев второй батареи за смелость в схватке с немцами, за добросовестное несение службы. «»Всех вас представил к награде. Командир полка наградные подписал. Поздравляю всех... – и замылся. – Да, старшего лейтенанта Любимова, командира батареи, представил к награде орденом Отечественной Войны 1-й степени... Но командир полка наградной не подписал... Я настаивал, но он не подписал наградной...»

Я рад был за бойцов батареи: все представлены к награде. Это великая честь. За себя, конечно, было обидно.

Солдаты разошлись по своим местам, и я ушел в свою землянку... Что делать? Жизнь есть жизнь... И вспомнился мне Грибоедов: «Кресты людьми даются, а люди могут обмануться...» А тут пришел старшина с котелками и сказал: «Давай, комбат, за работу...» Налил в кружки по сто граммов наркомовской – и мы выпили за здоровье... Потом он еще налил водки в кружки: «А это за вчерашний день...» Я медлил... «Выпей, выпей, комбат. Легче будет...»

И мы снова выпили. Хотя раньше я себе никогда не разрешал пить вторые сто граммов.. Старшина знал это, и никогда не предла-

гал мне лишнего, и сам не пил... А сегодня... Сегодня особый день. Мы хорошо поели, старшина убрал посуду, а хлеб – в мешок: завтра пригодится. Затем Селиванов порылся в своем планшете и подал мне письмо. «Вот Вам и подарок. А я пойду в батарею», – и ушел. И я вышел из землянки.

Было еще светло. Письмо от сестры Анастасии отвлекло: дома, в Аятке, все здоровы. Семен – в Ленинграде. Саша Силуянов погиб, а Яков Васильевич не пишет. Отец здоров. Сестра с ним часто видится...

Письма, письма из родных краев шли и шли. Всякие были, а больше грустные, с болью... Шел четвертый год войны.

Жизнь в батарее шла своим чередом. Припоминается один приятный миг. По шоссе, около которого стояла батарея, шли девушки, молодые, красивые, в солдатской форме и в солдатских сапогах... Но это были женщины, до которых мы, молодые, здоровые, давно не дотрагивались, только в мечтах и видели их. А тут рядом по шоссе идут – и вся батарея высыпала поглядеть, и я тут был. А они, заметив такой прием, улыбались и озорно махали ручонками. И как появились, так и ушли. И мы разошлись... Это был для нас праздник. На фронте женщина для солдата – несбыточная мечта. А мечта об этой теплой и радостной встрече со счастьем всегда была с нами: за нее мы и бились... А мечта помаячила, улыбнулась и исчезла, чтоб не забывал солдат о ней и еще крепче бился, чтоб она быстрее состоялась... О, милые женщины, как мечтали солдаты о вас на войне! Только одному солдату на войне понятны слова К. Симонова:

«Жди меня, и я вернусь...

Только очень жди...»

Но мечта не всегда сбывалась: милая, хорошая... уходила к другому. Бывало, бывало... солдат получал письмо, из которого узнавал, что жена, девушка, не дождавшись, уходила... Солдат долго и мучительно переживал эту весть. Легче было тем, которые сами легко изменяли... И такие были в батарее, были. Мы знали... Осуждали? – Не помню... Даже в мыслях завидовали успеху их. Еще бы! На ремонте, в Москве, на Волхонке, ты спишь один, а он рядом с женщиной... Тяжелее было тем, у кого были дети... И вдруг письмо: а Анна, того, связалась с Николаем...

Сильный брал себя в руки, слабый метался, а в бою забывал, что надо прижиматься к земле – и осколок фашистского снаряда находил его... Были, были и такие случаи.

В партизанском краю (Полоцк, Дрисна...)

А день сменялся другим... Дивизион покинул Витебскую округу. Впереди Белоруссия, партизанский край. В витебских лесах с их топями, болотами и чащобам в годы хозяйничанья немцев было много партизанских отрядов. Здесь они были хозяевами. Мы проезжали по районам, где немец или не был совсем, или только проходил при наступлении, в 1941 году, и при отступлении. В лесных деревнях дома были целы, а скота не было. Нас встречали и провожали пожилые женщины, сидевшие у раскрытых окон. Мужчин не было (они – или в лесу, на партизанских стоянках, или ушли вперед с наступающей армией). В деревнях было пусто, хотя мы проезжали в середине лета, в сухую погоду. В одном из селений мне удалось завязать разговор с пожилой крестьянкой. На вопрос, был ли у вас немец, она ответила: «Был два раза. Первый, в 41-м, когда наступали они; второй – при отступлении, но не задержались. Что было у нас – забирали вороги и уходили». – «А почему же тихо в деревне: ни собак, ни скотины? Тихо». – «Все съели, партизаны съели...» И замолчала. А потом добавила: «Скотинушки нет. Все поели. Вот такие дела».

В лесах Витебщины еще бродило много отбившихся немцев. На одной из остановок кто-то из солдат батареи вернулся из леса со здоровым немцем: и тот, и другой были без оружия. Солдат наш пошел по надобности в лес и решил полакомиться ягодами... А тут немец, в кустах притаился. Окликнул – тот вышел. «Перетрусил: он здоровый, а что? Вижу: глаза бегают, голодный, оружия нет... Вот и привел...» Накормили и сдали в штаб полка. Вот и такое встречалось: сами сдавались немцы. А что им делать? Где свои, не знает, да и боится в лесу жить – мужик-партизан хлопнет. Армия лучше – и сдавались...

Полк достиг Полоцка и повернул на Ветрино – Глубокое. Рядом с шоссе шла железная дорога, метрах в ста. И мы увидели следы партизанской войны: шоссе, перекопанное через каждые двести метров довольно глубокими канавами шириной больше метра. Машинная колея сворачивала, обходя такую канаву. И так на многие километры. А лес вдоль железной дороги немцы вырубili с той и другой стороны. Через каждые 500 – 600 метров также с двух сторон от железнодорожного полотна стояли вышки. На вышках посты. Никого не пропускали. Кто появится – смерть. К этому (рубить лес, ставить вышки с пулеметами) немцев принудили белорусские партизаны: они часто подрывали немецкие эшелоны, а фронт требо-

вал и военную технику, и новые части. А кто перекопал дорогу? – Партизаны. Заезвася немец – и в канаву, тут его и добьют...

И нашему шоферу тоже нельзя было зевать. Я приказал командирам орудий положить на крылья БМ-13 солдат с автоматами. На всякий случай. А вдруг немцы? Солдат откроет огонь, а перед канавой – ударит в радиатор, предупредит. Сам я сидел в кабине первого орудия. Помкомвзвода, старший сержант Колесников, и командир орудия Игрушкин – на крыльях. Несколько километров проехали хорошо, и вдруг водитель Яковлев заезвася и спустил машину в канаву. Сломалась передняя рессора. Водитель заезвася, хотя Колесников, и Игрушкин, и я предупредили его. И вот БМ-13 в канаве. Яковлев с сентября 1941 г. водил боевую машину. Что случилось? То ли устал, то ли заезвася, а быстрой реакцией не отличался. Помню, зимой в 1942 году он чуть не спустил машину под откос в Калуге. Дорога была залита водой из колонки, сплошной лед. Надо было идти низом, а он повел машину верхом... Машину завернуло, но все обошлось: сумел остановить... Надо было устранить его от вождения БМ, но командир батареи оставил. Я не возразил. С тех пор он водил машину безупречно. А сейчас, в Белоруссии, в спокойной обстановке спустил машину в яму...

Я осмотрел машину, Игрушкину приказал подождать «летучки» – ремонтная бригада всегда замыкала колонну в походе. Подошла вторая установка, подцепили трос – машину вытащили, а ехать нельзя. Расчет с командиром орудия остался ремонтировать, а мы с Колесниковым двинулись дальше...

Колонну дивизиона догнала машина командира полка. Он остановил машину, подошел к солдатам, Игрушкин доложил: «Товарищ полковник, первое орудие второй батареи. Сломалась передняя рессора. Ремонтируем».

– Кто ехал на машине из офицеров?

– Командир батареи.

– Спал, мерзавец, а?

– Нет, товарищ полковник. И я на крыле был, стучал. Водитель заезвася.

– Раззява! – бросил он не то в адрес водителя, не то в адрес командира орудия. Сел в машину и уехал, а где-то через километр пути и его машина оказалась в канаве. Надо же – и он, полковник Лавринович, командир 54-го полка, и в канаве. Шоферу, конечно, досталось и заслуженно. Хороший шофер с быстрой реакцией – счастье для командира. Маршал Жуков всю войну ездил только с одним шофером. Куда ни бросала его война, а шофер всегда был с

ним... Полковник, разрядившись, подождал идущей следом машины нашего дивизиона, приказал вытащить его машину, шоферу – дожидаться «летучки», а сам сел в кабину и в путь...

На следующий день он пожаловал в наш 25 ГМД (с марта по август 1944 г. я его ни разу больше не видел ни в дивизионе, ни на огневых, с которых мы вели огонь), вызвал командира дивизиона и меня. С ним был и начальник политотдела (комиссаров уже не было), пожилой, спокойный человек (я его тоже встретил в первый раз). Большакова посадил рядом с собой на срубленное здоровое дерево (дивизион располагался в лесу) и начал меня отчитывать, резко, грубо, как положено полковнику-командиру с командиром батареи, с подчиненным.

– Спите в кабине во время пути? – и добавил словечко бранное.

– Не спал, на крыльях лежали командир орудия Игрушкин и старший сержант Колесников.

Разговор был неприятный. Полковник занервничал и выкрикнул: «Таких расстреливать надо!» Я ж ответил: «Я хорошо стреляю. За двадцать метров в коробок попадаю».

Разговор был громкий, и за мной оказалась вся вторая батарея. Вмешался начальник политотдела. Очевидно, видя, что очень много свидетелей из батареи, Лавринович как-то боязливо посмотрел на меня, помолчал и объявил: «Пять суток ареста!» Встал и пошел к машине, за ним потянулись и командир дивизиона, и начальник политотдела. А я, униженный и беспомощный, стоял и смотрел, как удаляется начальство... За годы войны я впервые испытывал какую-то растерянность. Я, доброволец войны, верой и правдой служил Родине, старший лейтенант, командир батареи – и ничто, ничто... Обидно было и то, что командир дивизиона, который вчера перед строем батареи говорил, что я хорошо воевал, заслужил награду и он представил меня к ней, сейчас сидел и молчал... Молчал...

Побродив по лесу, я вернулся в батарею: «надо жить и выполнять свои обязанности...» Не Лавриновичу же я служу! Встретив Колесникова, я попросил, чтоб Игрушкин и Яковлев пришли ко мне. Вскоре они стояли передо мной. Здесь же были старшина Селиванов и Колесников.

– Слушай-ка, сержант Игрушкин, как машина?

– Машина, товарищ комбат, исправлена. Все хорошо.

– Надо, Колесников, подумать о водителе машины. Подумайте и Вы, сержант Игрушкин, решите в расчете и скажите мне. У меня нет к вам ничего больше.

Игрушкин, Колесников и Яковлев ушли к своей машине. Мы остались со старшиной Селивановым.

– Слышал, старшина, мне пять суток ареста объявил полковник?

Старшина Селиванов помолчал, а потом изрек:

– Бросьте думать об этом, товарищ комбат: мы ж на войне, а на войне гаубвахты нет...

Я рассмеялся, он тоже улыбнулся.

– Я пойду: надо батарее кормить.

И старшина, забрав котелки, пошел на кухню: надо кормить бойцов.

О пяти сутках ареста мне никто ни разу не напомнил, а «бравый» полковник больше в 25-й ГМД не жаловал... пока я служил в дивизионе. Сейчас, после многих лет раздумий о войне, я пришел к выводу: мне тогда, действительно, повезло. А что? – Полковник Лавринович кричал на командира батареи, обещал расстрелять и объявил пять суток ареста вместо ордена. А что, неплохо? Бывало куда хуже.

В штаб Ленинградского фронта пожаловал маршал Тимошенко. Тоже пуп земли и какой! И захотелось ему проехать по «Дороге жизни». За рулем первой машины в колонне сидел Савин Семен – водитель с опытом. В штабе Ленинградского фронта его хорошо знали и даже наградили медалью «За храбрость». В середине колонны шла машина командующего фронтом, за ней следовала машина Тимошенко. Рядом с Семеном сидел член Военного совета Кузнецов. Все шло хорошо, и вдруг мотор зачихал и заглох. Колонна остановилась... Маршал Тимошенко встревожился: шутка ли, колонна штабных машин стоит среди пути... Приказал: машину убрать с дороги, водителя арестовать и под суд. А Кузнецов молчал, и Жданов молчал, и Говоров молчал... Семен – бывалый шофер из уральского села, всю войну за баранкой, и вот – арестовать и под суд, сукина сына. И Савина Семена, шофера штаба Ленинградского фронта, увезли куда надо... Сидит Семен и думает: «Крышка, крышка...» А что он сделал? Ехали же по воде... Крышка, крышка. О, милая мама!

Следователь завел дело. Неделя, месяц – а Семен под арестом... Кузнецов – секретарь Ленинградского горкома партии, член Военного совета фронта – молчит, забыл о своем водителе, Жданов – молчит, и Говоров забыл о шофере... Не забыла братва-шоферы. Обратились к сыну Жданова: «Выручай, Юрий! Семен не виноват: в

пути с машиной всякое бывает». Юрий Жданов хорошо знал Савина Семена, не раз с ним ездил и решил обратиться к отцу. Просил отца, секретаря ЦК партии, за водителя. Помнил Семена и Жданов-старший: не раз бывал с ним в пути, да и ту, с Тимошенко, поездку помнил. Набрал нужный номер телефона и поговорил, с кем надо...

Савина освободили и снова взяли в штаб фронта, и там он рулил до конца войны. А маршал Тимошенко забыл о шофере, «сукине сыне», которого он приказал арестовать и судить. Повезло земляку. А если бы Юрий Жданов не попросил отца заступиться? – Мать не встретила бы сына после войны, жена – мужа, дочь – отца. А Тимошенко был доволен собой: наказал мерзавца... Это не выдумка, нет. Сам Семен мне рассказывал, да и другим не раз говорил о «шутке» маршала, благодарил Юрия Жданова. «Он был человек!» – так Семен вспоминал о Жданове-сыне.

А вот еще один случай из того времени. О нем рассказал сам маршал Конев, тогда командующий Западным фронтом. Прочтите его «Записки командующего фронтом» (Москва, 1991 г.), на страницах 582, 583.

И. С. Конев был в армии И. Х. Баграмяна, когда там проводилась разведывательно-наступательная операция. Это было под Буканью, под Жиздрой, и наш дивизион там был, участвовал в боях. Операция была подготовлена плохо (смотри, читай: П. Г. Кузнецов. «Гвардейцы-москвичи». Стр. 191). Я это тоже свидетельствую. Но, когда туда прибыл Конев, положение несколько поправилось. Букань взяли.

«Операция прошла в целом удачно... Однако развивать наступление дальше мы не могли... Не было сил... И вот в это время раздался звонок от Сталина. Сталин раздраженным тоном спросил меня, почему я не развиваю наступление. Я ответил ему, что у меня для этого нет необходимых сил... Он стал настаивать. Я остался при своем мнении.

– Ну, конечно, вы не можете... – сказал и бросил трубку...»

Через 24 часа после этого разговора Конев был отстранен от должности командующего Западным фронтом. Вот так-то. Начальник всегда прав.

Конечно, мне повезло: пять суток ареста в боевых условиях...

Войска 3-го Белорусского фронта, разгромив немцев под Витебском и Оршей, быстро продвигались вперед по Белорусской земле. Как-то мы сделали остановку у небольшого озера. Был жаркий день. Мы уже давно не мылись и решили искупаться, да и помыться (мыло у нас было). Все чувствовали себя хорошо (и я купался), и вдруг беда: один молодой боец батареи погрузился в воду (на мелком ме-

сте) и не появился. Тут же его вытащили из воды, а он был уже мертв. Вот и такое на войне было: потому что война – это трудная работа, связанная с большим нервным напряжением, и не каждый выдерживал это напряжение. И еще одна мать получила похоронку с фронта...

Запомнилась и еще одна встреча на белорусской земле. Во время марша батареи я и несколько бойцов встретились с местным крестьянином, пожилым человеком лет 60. Завязался разговор, и вдруг он нас спросил:

– Сынки, а колхозы тоже вернутся?

– А вам, батя, колхозная жизнь не нравится? – спросил кто-то из нас.

Старик замялся. А потом сказал:

– Радости мало: кто работает, а кто вид делает. Да и на трудодень – ничего. Трудно, трудно.

Стоявший рядом шофер грузовой машины, молодой, любитель говорить ни то ни сё, Валя Федутинов сказал:

– Везём с собой и колхозы, батя. Вон за моим грузовиком.

Старик вдруг ожил:

– Я серьезно, а он сказки, чтоб посмеяться...

Почесал затылок и пошел своей дорогой, озадачив нас простым вопросом. На войне мы об этом не думали, хотя многим из деревни писали матери, сёстры, что живут трудно, всё отдают фронту, а сами... Только бы возвратились живыми... Да и молоды мы были, жили одной мечтой – победить, да и плохо ли, хорошо ли, а не голодали. А тому белорусскому старику, видно, жилось, ой как трудно, а хотелось лучше. Об этом мечтали и наши родители. Однако вопрос старика нас заставил задуматься и запомнился.

А бои продолжались, в этих боях сражались и мы. Но я пишу не только о сражениях, не историю 25-го ГМД, а свои воспоминания о тех днях, о тех людях, которые жили одной жизнью со мной, о своих встречах и действиях, о виденном и пережитом. Хорошо запомнилась одна картина, жуткая картина военной поры, того времени.

Это было в июле. Наши войска готовились к наступлению. Подтягивали силы. В памяти осталась холмистая местность, высокие сосны. Я выбрал огневую позицию на скате холма. Левее – первая батарея. Чтоб сохранить технику, да и себя, мы на новом рубеже закапывали машины по радиатор, на случай обстрела: снаряд пролетит мимо, а огонь можно вести. Так сделали и на этот раз. Погода стояла сухая, низины высохли и покрылись густой, высокой

травой. Наш рубеж был перед низиной, на небольших холмах. Отсюда наши стрелковые части после артподготовки должны были начать наступление. Среди этих холмов шла дорога, она уходила вниз. А там, далеко, километрах в трех, у одинокого домика, стояла батарея немцев и нет-нет и открывала огонь, а потом уходила. Это я наблюдал из окопа, вырытого нашими пехотинцами. Здесь бывало и командование стрелковых и танковых войск...

В один из июльских дней после артподготовки по высохшей низине в леса, что раскинулись справа, ушла наша пехота, поддержанная танками. За ними по этой же низине пошли наши БМ, чтобы сменить огневую. День был солнечный, бой шел где-то впереди, и на чистом небе сияло солнце. Не было ни наших, ни немецких самолетов. Машины шли по широкой танковой колее (это и понятно: танки прошли – значит, мин нет; веди, шофер, машину спокойно). Вот здесь-то и открылась перед нашими глазами страшная картина: в колее и рядом, по всей низине, в траве, лежали распухшие тела убитых. Это, очевидно, когда-то была нейтральная полоса, и здесь когда-то шел бой. Бой закончился, а убитые солдаты остались... Их вынести не смогли, так как местность простреливалась из пулеметов и минометов, а ночью над долиной висели «фонари».

Машины шли среди распухших трупов наших и немецких солдат, оставшихся от зимних и весенних боев, а в развороченных трупах кишели большие, с палец, личинки... По коже мурашки бегали от страшного зрелища. Солдаты, видя все это, молчали, и потом, когда БМ-13 прошли через зловещую долину, никто ничего об увиденном не промолвил... Может, кто-нибудь этому не поверит – тогда пусть вспомнит Мясницкий Бор, где полегли солдаты Волховского фронта в 1942 и 1943 годах. Там солдаты непохороненными лежали многие годы... Ну а в дни войны... Бои прошли, линия фронта изменилась, сражавшаяся дивизия ушла вперед или отступила...

Мы своих товарищей, погибших и в Зайцеве, и на калужских дорогах, и под Сычевкой, и под Жиздрой, и в литовских полях... хоронили, ставили деревянный столбик с надписью, а потом... Что было потом? Может, местные власти перезахоронили и поставили памятник павшему солдату Великой Отечественной войны, а может, холм сравняли, и растет на могиле солдата бурьян или зреет пшеница...

После взятия Витебска и разгрома Витебской группировки немцев наши войска продолжали развивать наступление. 6-я гвардейская армия совместно с 43-й армией при поддержке 39-й армии

начала наступление на Полоцк, Глубокое, Дриссу, Браслав. 54-й ГМП своим огнем поддерживал дивизии 6-й гвардейской армии. После ожесточенных боев 4 июля был освобожден Полоцк. От него остались одни руины. На городском рынке немцы соорудили виселицу. Более ста тысяч советских граждан расстреляли здесь немцы, а подпольщиков и партизан вешали. Наш 25-й ГМД участвовал в боях за Полоцк. Ветрино, Дисна, Дрисса..., многие иные белорусские места и местечки были освобождены при нашем участии. Своим огнем мы прокладывали путь стрелковым батальонам, били по скоплениям немцев, отражали контратаки.

Находясь под Дриссой, я припомнил Николая Ростова – героя романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. Здесь, под Островно, он бросил свой эскадрон лихих гусар на французских уланов. Уланы не выдержали атаки и повернули коней... А гусары гнали их, рубили и топтали, а впереди всех скакал Ростов...

Да... Наш 25-й ОГМД начинал войну на Суле, где бились полки князя Игоря с погаными половцами... А из-под Сулы 1-я Московская гвардейская дивизия была направлена под Наро-Фоминск – и не пустили мы немцев к Москве. Потом были Малоярославец, Верея... И вот Витебск, Островно, Полоцк, Дрисса... Потомок казака Степана Разина Любимки Константинова, бежавшего от петли из Нижнего Ломова в Сибирь, на реку Аят, в годы Отечественной войны 1941 – 1945 годов шел к победе по местам бывших сражений русских с ненавистными ворогами. И, как наши предки, мы не жалели себя, сражаясь с немцами-фашистами. Фашисты несли нашему народу кровь, разрушение, слезы и страдания, и многие из храбрых солдат Гитлера остались лежать на русской земле. Сколько березовых крестов по дорогам войны видели мы, а сколько в общих могилах?!

По Литве

После Дриссы пошла Прибалтика: Краслава, Турмантас, Зарасай... Батареи 25-го ГМД каждый день вели огонь по врагу. Передвигались проселочными дорогами. Останавливались только в лесу, около дорог... Игналина, Швенченелай, Молетай... Как-то трудно запоминались названия мыз и литовских селений: думай не думай, а мы шли по другой земле, советской, нашей, и чужой. И названия чужие, не произнесешь и не запомнишь. А вот сосны те же, что и у нас, в России. На равнине, у дорог, шумят лиственные леса, а чуть в сторону, на песке – сосна, вершиной тянется к солнцу...

А война есть война. Попадались и пепелища. Был дом – и нет его, одни обгорелые бревна. Случалось останавливаться и в тех местах, по которым еще вчера мы наносили залпы. Сегодня немца уже нет, отступил. Пехота ушла вперед, а мы прибыли, сделали остановку... Иногда любопытные мужики, пожилые, вылезали из своих укрытий и шли посмотреть наши «катюши» – грозное русское оружие. Бывало, и вступали в разговор (говорили по-русски).

– Вчера немцы здесь были. Мы – в лес. На опушке – их батарея. Бьет и бьет в вашу сторону. И вдруг – буря: все в огне. Ох, и наделали вы дел... Батарея смолкла, несколько немецких машин сгорело, и мыза сгорела...

Мы слушали и молчали.

– А где ваши? – спрашивали мы мужиков.

– В лесу, – отвечали, а потом и сами уходили в лес. Как-то не получался у нас разговор. Да и такие встречи – редкость. А на огневую никого не пускали. Останавливались – и тут же часовых выставляли. В русских селениях было спокойнее. Здесь, в Литве, было не то... Немцы, уходя, мызы не жгли, скот не угоняли. А мосты через реки рвали, железную дорогу рушили... Неделями никого не встречали, хотя по пути попадались мызы-хутора. Все закрыто и пусто. Иногда за изгородью телку или бычка увидишь. Собак и тех не встречали...

Еще запомнилось вот такое. Не помню, когда и где у нас на радиаторах боевых машин появились небольшие красные флажки. Не знаю, чьих рук это дело, но все одобрили: что-то родное было в этих красных флажках. Боевые машины шли по дорогам незнакомой земли, а флажки на радиаторах трепетали, и нам было как-то теплей. Они напоминали нам: да, мы из России.

Однажды, через много-много лет я смотрел телепередачу, в которой показали идущие по дороге БМ-13 с красными флажками на

радиаторах. Я хорошо помню, как в один солнечный день батарея двигалась по дороге, так похожей на ту, что увидел на экране (с одной стороны лес, с другой – поле). Но главное – эти флажки... Посмотрите – может, встретите нашу батарею. Может, вспомните и нас, уже ушедших из жизни. Вспомните, пожалуйста...

К середине июля наши войска вышли к реке Свента. Наш 25-й ГМД остановился в лесу около Укмерге, небольшого литовского городка. Сюда же были подтянуты и тылы дивизиона. Впервые за дни наступления нам удалось помыться. Не в бане, а в небольшом озерке. смыли грязь, сменили белье – стало легче дышать, помолодели. Нашлось время побриться, себя приукрасить.

Июль 1944 г. в Литве был сухим и жарким. Но в лесу было прохладно. После непрерывных боев несколько дней остановки – для нас это было настоящим подарком. Вот только писем и газет не было. И нашего постоянного почтальона Аркадия Донникова в дивизионе не было. А как мы ждали вестей из дома, от матерей, жен, братьев, любимых. Меня беспокоил старший брат Алексей. Он тоже где-то воевал... А письма не было. А он – командир пулеметного взвода!..

И тут мне опять «повезло»: получил приказ идти на НП. И я с несколькими бойцами из взвода управления дивизиона отправился на НП командира дивизии, которую мы поддерживали своим огнем. Шли днем проселочной дорогой через лес. Лес, лес и лес, и конца ему нет. Но вот открылась большая поляна – наш конечный пункт. Здесь, в кустах, на высоком берегу Свенты и находилось НП командира дивизии (номер дивизии не помню, а вот то место и сейчас вижу). Нашел блиндаж, в котором размещалось начальство и связисты. Блиндаж просторный, капитальный, упрятанный на опушке, в кустах. Представился в блиндаже пехотному офицеру, оставил там связиста и пошел с бойцами искать место для наблюдения и пребывания. Далеко ходить не пришлось: НП находилось на высоком крутом берегу. Внизу река, за рекой – немцы. И далеко-далеко тянутся поля, среди которых многочисленные мызы. Тишина, ни одного выстрела. Будто мирная жизнь... За водой к реке ходили и немцы, и мы. Даже переключались иногда.

Было время обеда. Немцы тут же на берегу разместились, чтоб хорошо поесть. А некоторые пошли к реке, кто за водой, кто перекурить у реки, постирать тряпки. Мы наблюдали за немцами, немцы – за нами. И никто не нарушал тишины. И немцев, и нас эта тишина и настораживала, и успокаивала...

На НП, на берегу Свенты, я пробыл недолго. Через пару дней пришла смена. Значит, решил я, перегруппировка войск завершена и скоро опять бои. А часа через два я и мой товарищ-солдат были уже в батарее. Командир огневого взвода лейтенант Герштейн доложил, что за время моего отсутствия никаких происшествий не было, а старшина Селиванов при встрече доложил, что расчеты приготовились к ужину... Жизнь пошла своим чередом. Я же пошел к командиру дивизиона доложить о возвращении в батарею.

Капитан Большаков, выслушав мой доклад, познакомил меня с молодой, красивой девушкой-лейтенантом медицинской службы.

– Познакомьтесь, старший лейтенант, новый медицинский работник дивизиона. На жительство временно думаю направить к вам. Как вы? Найдете место для лейтенанта, а?

Задача не из легких: девушка в батарею! Но я сказал другое:

– С удовольствием примем, товарищ капитан, если согласится, – и я посмотрел на девушку-лейтенанта. Она улыбалась, а щеки горели... Да, молодая, красивая, здоровая, будет жить у нас.

И вот мы в батарее. Селиванов (а может, это случилось само собой) собрал бойцов около машины старшины. «А жить она будет у нас, в батарее, – сказал я. – Командир дивизиона ее жизнь нам доверил. Вот так, гвардейцы второй батареи. Уважайте и берегите».

Приняли ее хорошо, и ей тоже было приятно. Она смотрела на солдат и улыбалась. Всем нам, так я думаю и сейчас, спустя 56 лет, судьба подарила большую, большую радость – девушку, молодую, статную, доктора-лейтенанта. Конечно, это счастье и ответственность. Старшина Селиванов, тоже встревоженный, отдал команду: «Хватит глазеть, разойтись!» Бойцы разошлись по расчетам. О чем они говорили в этот вечер, я не расспрашивал. Но думаю, многим вспомнилось самое близкое, радостное – незабываемые минуты встреч. Другие думали о семье, о детишках... Как там дома...

А спать девушке-лейтенанту я предложил в машине старшины, рядом с собой. Здесь же в машине будет спать и старшина. «Я в середине. Старшине я Вас не доверю». Девушка мило улыбнулась, но ничего не сказала. А что она могла сказать? Она хорошо понимала, да и, наверное, испытала, где она находится: каждый солдат рад прикоснуться к ней, требуя ласки и тепла... А она сама солдат, и ей надо жить и служить Родине и тому же солдату. Конечно, женщине на фронте было трудно, трудно. И многие из них связывали свою судьбу с офицерами, генералами... Так было спокойнее и уютнее, хотя и не всегда приятно. А что делать? Надо жить-выживать...

Наступила ночь, и мы в машине старшины улеглись спать. Я рядом с милой девушкой, по другую сторону Виктор. В голове у каждого свое. Беспокоить девушку расспросами я не стал, и она молчала, и Виктор молчал. А как хотелось прикоснуться к ней, да и ей тоже, наверное, хотелось ласки. Молчали, но не спалось. И я не выдержал, повернулся к ней, бережно положил руку на ее грудь, она также бережно отвела мою руку...

Виктор молчал. Я еще сделал попытку потревожить ее, но она снова бережно отвела мою руку – и я повернулся к ней спиной. Я мог послать старшину проверить караул – и он оставил бы нас, но я этого не сделал...

И, покрутившись, мы заснули: и девушка, и Виктор, и я.

Крепкие мы были тогда, сильные, здоровые, и никто из нас даже по нужде не выходил из машины. Какое счастье быть молодым и здоровым! Это человек понимает только за шестьдесят лет и позднее.

А рано утром мы были уже на ногах. Первым покинул машину Виктор, потом я, а тут и наша красавица появилась около машины в белой чистой кофточке. Глаза ее сияли, она улыбалась, приветствуя нас. «Доброе, доброе утро!» – кто из нас первым произнес это приветствие, я не помню... Но всем было хорошо. Виктор подал красавице мыло (он же старшина батареи), я поливал водичку на ее неогрубевшие ручки. Она умывалась и улыбалась и доброму летнему утру, и нам, молодым и здоровым, служившим ей. Когда умылась, Виктор подал ей новое полотенце. Она поблагодарила, вытерла лицо, руки, повесила полотенце на сучок березы, взяла кружку, зачерпнула из ведра воды и стала лить воду на мои руки. Я был ей благодарен. А она все лила и лила водичку на мои руки, а потом, когда я нагнул голову, радостно вылила кружку воды мне на спину... Умылись... Было хорошо. А глазенки ее смотрели на меня, как бы выговаривая: «Какой ты дурачок: ведь я была рядом, рядом, а ты?..»

Что делать? Я надеялся, что будет еще ночь. Девушка-лейтенант меня тревожила... Всем, всем под стать и ростом вышла... Мы пошли завтракать, а она ушла к командиру дивизиона, да так и не вернулась... Потом я узнал, что ей приказали быть в штабе полка. Там она и осталась, а нам, мне и Виктору Селиванову, даже привет не передала. Может, и передала, да не передали. Вот так и расстались мы с нашей радостью...

Нам, бойцам батареи и мне, их командиру, еще раз пришлось свидеться с той девушкой-лейтенантом медицинской службы. Лишь на несколько минут, уже на огневой. Было это где-то на опушке со-

снового леса, у проселочной дороги. Батареи уже выстроились в боевом порядке, наводчики навели орудия на цель, командиры заняли свои места, чтоб крутануть прибор. Ждали только команды с НП. И тут к нам на огневую на легковой прикатил Большаков, а с ним и наша красавица доктор. Она легко вышла из машины, также мило улыбнулась нам, и также ее глазки обласкали нас. Командир дивизиона поинтересовался у меня, каково настроение гвардейцев, прошелся по батареям, поздоровался с расчетами, сел обратно в машину и укатил. С ним уехала и наша красавица. На прощанье опять улыбнулась и помахала ручонкой, бросив в открытое окно: «До встречи». А новой встречи так и не было: в дивизион прибыл юноша-лейтенант медицинской службы. Как сложилась ее судьба, мне неизвестно. А вот встреча запомнилась. Она всех нас в батарее озарила каким-то теплом и надеждой.

После краткой остановки у Свенты войска 1-го Прибалтийского фронта продолжили наступление: 22 июля был освобожден Паневежис, 27 июля – Двинск (Даугавпилс) и Шауляй, 31 июля – Елгава, а войска 51-й армии (командующий – генерал Крейзер, в начале войны он командовал 1-й Московской дивизией) взяли Тукумс и вышли к Рижскому взморью. Немецкие армии «Север» оказались отрезанными от армий «Центр», а до Риги оставалось отвоевать 40 – 60 километров.

Немецкое командование вынуждено было перегруппировать силы. Спротивление немцев войскам 1-го Прибалтийского фронта усилилось. Немцы оттеснили от Рижского взморья дивизии 51-й армии и вновь взяли Тукумс. Ожесточенные бои шли под Биржаем и Шауляем. Заметно активизировалась немецкая авиация.

25-й дивизион 54-го ГМП во второй половине июля своим огнем поддерживал одну из дивизий 5-й гвардейской танковой армии, наступавшей на левом фланге фронта, в полосе Мемельского шоссе (Укмерге – Арегала – Расейняй). Наши батареи наносили удары (залпы) по опорным пунктам противника (залп дивизиона – это 128 снарядов большой разрушительной силы, выпущенные за какие-то 5 – 7 секунд; снаряды – 132-миллиметровые). Мы били по скоплениям техники и живой силы немцев, принимали участие в отражении вражеских атак. Сколько атак немецкой пехоты и танков попало под залпы наших «катюш»? «Взыграет» дивизион – и захлебнулась атака вражьего батальона: танки горят, а пехота... Был батальон – и нет батальона... А командир дивизиона кричит: «Молодцы! Молодцы! Атака отбита. Готовьтесь к новому залпу».

И на огневой закипела обычная работа. Шоферы подогнали машины со снарядами к БМ. Огневики выгружают ящики со снарядами: одни снимают ящики с кузова, другие – берут тяжелый снаряд и несут к БМ, бережно и надежно закрепляют его в пазах направляющей. Каждый расчет заряжает свою машину. 10 – 12 минут – и дивизион снова готов вести огонь, а грузовые машины с пустыми ящиками тут же уходят в лес, а потом в тыл за новой партией снарядов. Обычно на огневой (или около) всегда было снарядов на 2 – 3 залпа: одни – на направляющих, другие (на два залпа) – в грузовых машинах.

В ствольной артиллерии со снарядами в эти дни было хуже. Генерал А. П. Белобородов¹ в книге «Всегда в бою»² несколько раз отмечает о перебоях со снарядами:

«Около полудня позвонил генерал Ляхтиков [командир 60 корпуса – А. Л.] Доклад заключил одной фразой, ставшей в последние дни стереотипной:

– Дайте боеприпасы!

Что я могу ответить? Армейские склады пусты. То, что подвозят, сразу отправляем на передний край.

И отвечаю (Ляхтикову): “Идите! Экономьте снаряды. Пушечную артиллерию используйте на прямой наводке”.

– Так и делаю, – отвечал генерал Ляхтиков.

– Звоню во фронт...

– С боеприпасами плохо, – ответил генерал-полковник Хлебников³ – командующий артиллерией 1 Прибалтийского фронта. – Артснабжение фронта собрало для тебя кое-что. Ждите».

В наших частях, в гвардейских минометных полках, дивизионах, снаряды всегда были. Зная это, командиры стрелковых дивизий умело использовали дивизионы гвардейских минометов для нанесения огня по немцам, когда ход боя требовал этого. Поэтому нам каждый день приходилось менять огневые. Часто колонна дивизиона на новые позиции шла по проселочным дорогам среди полей, лугов и перелесков, не имея никакого прикрытия. За полтора месяца боев мы исколесили в разных направлениях весь север Белоруссии, много-много километров прошли и по литовской земле, по ее большим и малым дорогам. Нам долго сопутствовало счастье: ни одной потери в батарее, все живы и здоровы. Боевые машины и грузовики на ходу. Единственная потеря в дивизионе – на НП командира дивизи-

¹ А. П. Белобородов – командующий 43-й армией (с мая 1944 г.). В 1941 г. – полковник, командир 78 сд, которая защищала Истру, Деловск (уже будучи 9-й гвардейской).

² Москва, 1984. Стр. 265, 272.

³ Н. М. Хлебников – сподвижник В. И. Чапаева, командовал артиллерией 25-й дивизии. Начало Отечественной войны встретил в Риге, куда прибыл для формирования 27-й армии. Автор книги «Под грохот сотен батарей»

зии был ранен лейтенант Крылов.

Шел бой за городок Кедайняй. Немцы подтянули новые силы и несколько раз бросали танки и автоматчиков в контратаки, а «юнkersы» утюжили наши позиции. Вот в этом бою и получил тяжелое ранение начальник дивизионной разведки. Санитары перевязали ему раны и отправили в госпиталь. В дивизион он не вернулся. Но атаки немцев были отбиты с большими для них потерями. Немцы оставили город, а дивизии 5-й гвардейской танковой армии продолжили наступление.

Меняли свои огневые позиции и мы, и так каждый день. Что бросалось в глаза? – Отступая, немцы не жгли литовские города, не взрывали литовские мызы. Это, безусловно, настораживало. Местное население нас не приветствовало. Мы его даже не видели. Кстати, не видели и своего начальства. В полку было два дивизиона. Я был старшим на 25-м ГМД по приказу командира дивизиона и только с ним общался, по радио. Ни полковник, ни работники политотдела – никто нас ни разу не навестил. Если не считать встречи под Полоцком... Мы были одни. Выполняли поставленные боевые задачи. Конечно, о нас помнили: кухня была с нами, горючим БМ обеспечены, и снаряды были. Не унывали. Одна мечта – разбить врага. А батарея – один коллектив, расчет – одна семья.

Подошел август. Все также шли вперед стрелковые части, а мы меняли огневые.

Последний день в 25-м ГМД. Госпиталь

Под вечер 5 августа 1944 г. батареи 25-го дивизиона остановились у реки Дубисы. День был солнечный, теплый, трудный для нас. За день мы сменили три огневые, трижды давали залпы, на каждой остановке рыли аппарели для БМ. Так было надо. Конечно, устали. И вот четвертая остановка на большой поляне, у кустов. За кустами – еще одна поляна, а дальше, у леса, – Мемельское шоссе: Каунас – Арегала – Расейняй и на Мемель (Клайпеда) или повернуть на Шауляй или Тильзит. За рекой – тишина, кругом – тишина. Выставили охрану, поели. Машины закапывать не стали, но командиру взвода, лейтенанту Герштейну, сказал: «БМ – замаскировать! Проверь часовых. А я пойду подремлю: завтра будет трудный день, а мне нужна светлая голова». Герштейн ответил: «Будет сделано» – и ушел. Не радовал меня лейтенант, но... мой ординарец приготовил постель у первого орудия, немного в стороне, и мы легли спать...

Мой ординарец – Павлик Захаров, подросток лет 15, из Волхонки, поселка, в котором мы останавливались, когда приезжали в Москву на ремонт БМ. Павлик – внук хозяина дома, в котором квартировал комиссар Волков и начпрод дивизиона Глухов. Мальчишка стал просить комиссара, чтоб его зачислили в штат дивизиона. Просил и дед – и Волков, и командир дивизиона уважили деда и взяли мальчишку в часть. Это случилось в 1942 году. Павлика определили во 2-ю батарею. Когда меня назначили командиром батареи, он уже числился бойцом первого орудия, но фактически состоял при командире батареи. Так повелось еще до меня...

Я быстро заснул, заснул и Павлик. А сон на войне у всех был чуткий. Шорох, стук, шаги – и ты уже проснулся. В начале августа день начинается рано. Не успеет стемнеть, как уже и светлеет...

И в то августовское утро я проснулся рано. Только-только стало рассветать. Что меня дернуло так рано проснуться – и сейчас не знаю. Очевидно, что-то тревожило – и вот я уже на ногах. Потянулся, сладко зевнул, раскрыл глаза и ахнул: все спят, а машины не замаскированы. Боже мой! Машины не замаскированы, и на небе ни облачка... На поляне, у реки, рядом с Мемельским шоссе... А если немецкие самолеты?..

Раздумывать некогда было. Кричать не кричал, но подъем объявил. Приказал замаскировать машины... Знает кошка, чье мясо съела... Лейтенант Герштейн избегал встречи. Крутился около орудий, помогал расчету третьей машины... Спешили... Старший сержант Колесников сказал мне: «Товарищ комбат, мы виноваты, упро-

сили лейтенанта: уж очень устали...»

– Устали! А если бы налетела авиация? А? – Оборвал я его. – Эх, ты... Иди, иди, и чтоб все как надо сделать...

И Колесников убежал к своему, четвертому, орудию.

А солнце уже бросило свои лучи на верхушки деревьев, и новый день вступил на землю.

Только мы закончили маскировку, как мне сообщили, что на соседнюю поляну на машинах прибыл батальон штрафников. Бойцы батареи встревожились, тревога охватила и меня: «Надо же! Рядом лес, а они поставили машины со штрафниками среди поляны». Я, как и многие огневики ближайших расчетов, оказался в кустах, отделявших нашу поляну от той, которая примыкала к Мемельскому шоссе и на которой остановились машины со штрафниками. Штрафники выпрыгивали из кузовов грузовых и в сторону: кто в лес, кто в кусты, некоторые и в нашу сторону. Ясное дело: после дороги надо кое от чего освободиться. Нужда всех гонит. А у меня в голове: «От штрафников не освободишься, а если авиация!..»

– Колесников, – он был рядом и моя правая рука, – выставить часовых и никого не пускать на нашу поляну.

Старшему сержанту повторять не надо. Он к Игрушкину, Жорину, взял солдат с карабинами и сам с автоматом – и все рассыпались по кустам, разделявшим поляны...

Я боялся немецкой авиации. В последние дни она активизировалась, а наших самолетов как не было. И вот штрафники у нашей поляны, совсем близко, – и тут же голоса часовых: «Стой! Стой! Кругом!» Штрафники есть штрафники. Обложили матом часовых и вперед. А из кустов: «Стой! Стрелять буду!» Остановились, знали: с часовым не шутят, а нужда требует... И еще раз обложив матом часовых, они повернули кто к лесу, кто в кусты, к Дубисе.

А в это время над поляной штрафников появились немецкие самолеты. Они летели на небольшой высоте и сбросили несколько бомб. Раздались взрывы. Я невольно закрыл глаза... А когда открыл – меня охватил ужас: машины горели, солдаты-штрафники кричали, бежали, падали... А самолеты, сделав свое дело, ушли...

На нашей поляне все было спокойно. Ни одного взрыва, ни одного осколка... Беда и на этот раз обошла стороной.

А у штрафников продолжали гореть машины. Санитары, товарищи тут же перевязывали раненых, убитых сносили к воронкам, черневшим на поляне. А командиры батальона тут же строили штрафников.

Я пошел в батарею. Батарея жила. Без суеты. Все больше

молчали... Время завтрака, и расчеты пошли на кухню. А потом каждый расчет разместился у своего орудия, чтобы подкрепиться перед трудным днем... Павлуша Захаров позвал и меня. Около поваленного дерева стояли наши котелки. Дерево это послужило нам и столом, и сиденьем. А есть не хотелось. Но надо было жить, и я заставил себя что-то съесть...

Соседняя поляна опустела, но сгоревшие машины еще продолжали дымить. Убитые зарыты в воронках, раненых отправили в тыл, в госпиталь. А батальон ушел за Дубису. Мы же готовились к новому маршу: водители осматривали моторы своих машин, подкручивали гайки, что-то протирали... Дел было много. А вот солдат Науменко, заряжающий первого орудия, рыл для себя щель. Подошел к нему, спросил: «Ты что, Науменко?» Он выпрямился, посмотрел на меня и ответил: «Да так, на всякий случай. Надежней будет, товарищ комбат». И снова за свое дело. У Науменко, молодого, сильного, семья осталась на Украине. Он уже отправил несколько безответных писем, а ждал ответа, ждал... Солдат шел к победе. Ему нужно было дойти до победы... Нужно!

Победы ждали все в батарее, шли к ней с боями. Но она была еще далеко. А надежда жила...

Проверив расчеты, пошел к радистам узнать, есть ли связь с НП и тылом. Старший сообщил, что все у них нормально и связь имеется.

Где-то к полудню получил приказ от Большакова: «Дивизиону идти к Расейняю и сосредоточиться в лесу перед городом. О прибытии доложить». Я сообщил командиру: «Был налет на соседнюю поляну. У соседей есть потери, у нас нет». Пожелали друг другу удачи...

Передал приказ командиру 1-й батареи, и вскоре колонна 25-го ГМД двинулась к новому месту сосредоточения. Впереди – орудия 1-й батареи, за ними мы. Двигались по Мемельскому шоссе. Миновали Дубису. По левую сторону – лес, по правую – большая

Любимов А. С. – командир 2 батареи РС 25 ГМД 54 полка

поляна, за ней лес. Здесь недавно прошел бой: на поляне лежали еще не убранные трупы наших солдат. Как снопы, лежали они на этой поляне и все лицом к врагу, на запад, к Расейняю. Очевидно, шли в атаку и так атакующими и остались лежать. Может, это были наши знакомые штрафники... Картина – ой-ой! Заставила задуматься: где-то найдет тебя смерть, на какой поляне, на каких полях, дорогах?

А боевые машины шли к указанному месту. В конце поляны колонна повернула направо, пересекла поляну (здесь трупов уже не было) и затерялась в лесу, в сосновом бору, у окраины городка. Лес был убран (у нас, в России, убирали только парковые леса). После виденной картины и лес не радовал, хотя там было прохладно... И было нам как-то неуютно, тревожно. Все были в каком-то напряжении... Быстро расставили охрану. Водители заглушили моторы, расчеты расположились у боевых машин.

Установили связь с НП, и я доложил, где мы находимся. Большаков ответил кратко: «Ждите, усилить охрану». Было тихо, но тревога не покидала. Ждали приказа. Даже не стали окапываться... Вскоре связисты доложили: у аппарата «пятый» (командир дивизиона). «Дивизиону срочно занять огневые у Бятигала». Я посмотрел на карту – это обратно за Дубису, а там на север, по открытой местности. Сообщил командиру: «В небе немецкие самолеты, дорога открытая. Попадем под бомбежку. Разрешите лесом?» – «Нельзя: в лесах немцы. Приказ выполняйте».

Позвал командира 1-й батареи (фамилии не помню), передал ему приказ Большакова. Приказ есть приказ, и наше дело его выполнять. Решили: первой пойдет 2-я батарея, за ней первая. Расстояние между БМ – двести метров. Обговорили и разошлись. Ознакомили с решением командиров взводов и орудий. «... Следите за воздухом. Колонну поведу я». Командиры орудий разошлись по машинам, сообщили приказ командира дивизиона. Герштейн – в 4-м орудии. И снова путь к Дубисе, по Мемельскому шоссе.

Спешили. Небо было чистое. Миновали Дубису, выехали на ту поляну, где были штрафники. И тут все перемешалось: из-за леса вынырнули немецкие самолеты и сбросили на нас начиненные гранатами кассеты. Кассеты раскрывались над нами и засыпали нас гранатами. Яковлев пробовал маневрировать, но его настиг осколок. Успел остановить машину – и обмяк. Солдаты выскочили из-под брезента. Я тоже выбрался из кабины и крикнул:

«В канавы! Ложись!» И тут сам получил удар...

Самолеты отбомбили и ушли. Подскочила вторая машина –

раненых отнесли в лес, тут же положили и меня. Батарею повел лейтенант Герштейн. Санинструктор Ивонин погиб. За руль первой машины сел запасной шофер. Мотор работал. Батарея ушла, а нас, раненых, положили в грузовую, и мы оказались в Каунасе. Потом были Вильнюс и Орша.

Сопровождал нас военфельдшер (фамилию запамятовал), отец которого был ранен в той же бомбежке. Он (отец военфельдшера) пришел в батарею во время боев в Литве и был заряжающим в первом расчете, у Игрушкина. Мы встретились в госпитале, не то в Каунасе, не то в Вильнюсе. От него-то и узнал, что погиб Костя Ивонин. От него же узнал, что попала под удар самолетов и 1-я батарея, когда выезжала из леса. Вот и все, что я узнал о случившемся. Больше я со своим солдатом не встречался: меня отправили в Оршу, потом в Рязань. Ранение же моего товарища было, очевидно, полегче, и он остался в Вильнюсе.

Константин Ивонин (в батарею его звали Костей) был санинструктором 2-й батареи с начала формирования дивизиона. Тяжела его судьба. Десять лет отслужил в армии. Он уже отслужил срок, и надо было идти домой – а тут Финская война. И Костя Ивонин – на этой войне. После Финской он вернулся в семью, и снова беда – грянула война Отечественная. Ивонина вновь призвали в армию, и попал он в 25-й ОГМД. И вот конец. Исправно нес службу санинструктор 2-й батареи. Сколько ран перевязал он нашим воинам! А как он заботился о нашем здоровье! За все долгие годы войны в батарею больных – единицы, и вшивости не было. Это и его заслуга. При всякой передышке он со старшиной организовывал баню. Зимой – в палатке, где в центре – бочка-костер для обогрева, под ногами – сосновые лапки, а вода в водогрейке. И я испытывал это удовольствие. Помоешься, и тут же, в другой палатке, оденешься. Хорошо! Хорошо, и как будто войны нет.

И Костю Ивонина зарыли на той же поляне, на которой погибли штрафники. Штрафников схоронили утром, вечером там схоронили моих товарищей.

Солдаты, солдаты Великой Отечественной! Сколько Вас полегло за Отчизну свою! Наверное, и сейчас точно не знает никто.

А всего труднее смириться с потерей, когда она была ненужна, напрасна. Я вот и сейчас не могу понять, зачем нас нужно было перебрасывать на другой участок фронта, когда шли жестокие бои за Расейняй. Ведь на следующий день наши войска ушли из Расейняй.

*«Его зарыли в шар земной,
А он лишь был солдат.
Всего, друзья, солдат простой,
Без званья и наград.
Ему, как мавзолею, Земля
На миллион веков,
И млечные пути пылят
Вокруг него с боков...
Давным-давно окончен бой...
Солдат положен в шар земной,
Как будто в мавзолей».*

Эти слова написал фронтовик Сергей Орлов в 1944 году. И его уже нет. Нас, участников Великой Отечественной, мало осталось. Недавно вошел в троллейбус. Стою, за трубу держусь. Контролерша подходит:

– Ваш проездной?

А я ей, улыбаясь, говорю: «Я уже из прошлого: немец не убил, вот жизнь добывает». Юноша, сидевший рядом, услышав мои слова, встал и сказал:

– Садитесь.

Я его поблагодарил. А обычно нас, стариков, не замечают...

Солдаты, солдаты Великой Отечественной, «без званий и наград», Вы совершили чудо. Вы, рядовые, сержанты, лейтенанты и капитаны, Вы, Вы – герои Отечественной. Конечно, полковников и генералов отбрасывать не надо. От их решений зависела и жизнь, и смерть солдата.

Я был под Сычевкой зимой 1942 года. Сколько, сколько там полегло. И никаких результатов – одна кровь. А гибель дивизий 33-й армии! Поход к Вязьме – большое, но непродуманное желание командующего Западным фронтом Жукова приблизить победу и неспособность командарма Ефремова взять на себя ответственность, принять самостоятельное решение – вывести войска, поняв, что другого выхода нет. Ему был нужен приказ...

Из госпиталя, из Рязани, я написал письмо домой, в село Аятское, сестре Анастасии, отцу Степану Васильевичу. И перед выпиской получил весточку из дома.

«Как мы беспокоилась, – писала Анастасия, – письма нет и нет. Всякое передумали. От Алеши тоже нет ничего. Как он? Ему тяжелее. У него уже годы, и сын растет... Встретимся с тятей, только о вас и разговор. Спрашиваем друг друга... А писем нет, а сколько в село пришло похоронок!.. Василий, брат Семена, не пишет... Иван погиб, погиб и Яков.

Какой хороший был человек! А мать и отец все ждут их. Семен пишет. Он в Ленинграде...

Нинуська растет. Бойкая, шустрая такая. Помогает мне. Тятя работает в колхозе. Корову держит, овечек, кур. Живем, перебиваемся. Вас ждем. Берегись, берегись. А мы как-нибудь.

Анастасия, Нина и тятя».

Рязань на моем пути в годы войны – памятное место: здесь я немного учился быть солдатом в июле – августе 1941 г., а в августе – сентябре 1944-го – госпиталь. Врачи, медсестры – подлечили. И снова на фронт.

Судьба опять мне подарила жизнь. Осколок немецкой гранаты вошел под левый сосок, дошел до седьмого ребра – и застрял. Да так и лежит там до сих пор. Немец на всю жизнь его мне подарил.

Сестра Анастасия Степановна и ее дочь Нина

Новое назначение. В Латвию

И вот я в Москве, в отделе кадров частей ГМЧ (гвардейских минометных частей). Пробыл там несколько дней. Поболтался по улицам столицы. Ни знакомых, ни друзей. О Волхонке почему-то не вспомнил. В отделе кадров мне предложили ехать в Прибалтику, помощником начальника отделения штаба артиллерии 1-й ударной армии, отделения по оперативному использованию ГМЧ. Я согласился. Настаивать на возвращение в 54-й ГМП не стал (после излечения не вернулись в 25-й ГМД Зайцев, Конюхов и другие: в Красной армии не было традиции офицеров и солдат после излечения возвращать в прежние части).

И вот я в Ленинграде (1-я ударная армия вела бои под Ригой). Ленинград только что пережил блокаду, но жизнь там уже билась, хотя трудно тогда жилось. Я получил возможность пообедать в столовой при Московском вокзале. Очередь небольшая, обслуживали девушки.

Посуда – алюминий, обед – скудный, но желудок наполнил. Улыбок не встретил. Перебрался на другой вокзал, получил билет – и вот я в вагоне общего пользования в поезде, который следует на Ригу.

Сентябрь. День какой-то серый. За окнами замелькали эстонские хутора. Они в стороне, но жильем пахнет. Против меня, тоже в шинели, сидел старший лейтенант. Разговорились. Как и я, он из госпиталя, пехотинец, едет на фронт... А состав наш не спешил: на каждой станции – остановка. Приближался вечер. И вдруг мой сосед предложил мне:

А что, старшой, махнем в хутор? Переночуем – и в путь: едем не к теще на блины, а?

– Шутишь, старшой? – спросил я товарища.

– Нет, нет. Ты что, боишься?

– Они не жалуют нас. А сонных и кокнуть могут. Не хочется.

Но он уговорил меня. И на следующей остановке мы сошли с поезда и отправились в первый хутор. Хутор был небогат: небольшой домик, постройки вокруг – старые. Мы постучали.

Нас встретили пожилой мужчина и его жена, тоже пожилая. Мы поздоровались, они по-русски ответили: «Здравствуйте». Мой товарищ спросил: «Нельзя ли у вас переночевать? Мы – с поезда. Едем на фронт, из госпиталя». – «Заходите. Место найдется».

Мы вошли. Небольшая изба, стол, кровать, печь. Мне показалось: обстановка нехитрая, что и у нас, в России, в бедной крестьян-

ской семье. Говорили мало. Хозяйка принесла картошки и чай-кипяток. Мы поделились сахаром-кусочками. Был еще у нас хлеб, хлеб был и на хозяйском столе. Вот и вся еда. После ужина хозяин приготовил нам постель в снях, на полу, на пахучем свежем сене. Пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись: хозяин пошел к себе в дом, мы остались в снях. Положил рядом, в сено, пистолет. На всякий случай (это ж Прибалтика, не Россия и не Белоруссия).

– Вот, старший лейтенант, какие дела: ложимся спать – и пистолет рядом... – изрек мой товарищ. Я молчал, а он продолжал:

– Послушай, старшой, я даже не знаю, как вас мать нарекла?

– Александр.

– Костя, Костя с Алтая. Есть такая сторона в Сибири.

Мы пожали друг другу руки, еще о чем-то поговорили и замолчали, хотя у каждого на душе было беспокойно.

Я спал чутко. Несколько раз просыпался. Открою глаза и слушаю, слушаю... И опять засыпаю.

Хозяйка проснулась рано, а за ней и хозяин поднялся и вышел во двор. Я уже не спал, открыл глаза и Костя.

– С добрым утром, Сашок...

– С добрым утром, Костя. Пожалуй, и нам пора.

– Подъем! Подъем! – прокричал Костя, и уже на ногах. И я не заставил себя долго ждать. И первым делом во двор. Хозяин был уже там и, улыбаясь, показал рукой, куда надо...

– Хороший мужик, хорош! А я того...

– Повезло, – подтвердил я. – Еще одна ночь миновала.

Хозяйка на наше приветствие ничего не ответила. Она молча указала нам угол, где можно умыться, и подала чистую тряпку...

Вместе с хозяевами выпили по чашке чая и, забрав свои пожитки, распрощались. Хозяин пожелал нам возвратиться домой здоровыми.

– Вот, старшой, какие дела: возвращайтесь домой здоровыми... А я-то думал...

Железная дорога была рядом, и мы быстро дошагали до станции. А тут и прикатил наш состав. Сели в вагон. Народу немного. Больше военных. Мы с товарищем устроились у окна. Снова замелькали поля, хутора, перелески. А на душе тревожно: впереди война. Нет-нет да промелькнут разбитые строения, воронки... Березовые кресты над холмиками земли. Чем ближе к Риге, тем больше разрушений. А мой сосед ушел курить и что-то не возвращается. Старший лейтенант, пехотинец – получит роту и в бой... И вспомнились слова эстонца: «Домой живыми возвращайтесь!»

– А вот и Цесис. Пора, старшой, выгружаться, – услышал я голос своего товарища. Мы подтянули ремни, взяли нехитрый багаж – и к выходу.

День был серый. Шел мелкий дождь, и дул ветер.

– Да, – промолвил Костя, – встреча не из приятных: дождь, ветер... и побитый вокзал.

– А ты, Костя, ожидал другую встречу?

– Да нет... Сентябрь, Прибалтика... Пойдем искать хозяина...

И мы пошли искать коменданта вокзала. Нашли. Показали свои документы, а он, быстро просмотрев наши бумажки, измерил нас взглядом. Бумажки вернул и сказал нам адреса наших служб.

– Желаю всего хорошего, старшие лейтенанты.

Мы поблагодарили его. Пожали друг другу руки и пожелали удачи.

– До встречи.

– До встречи. Авось, где-нибудь свидимся, – сказал Костя и размашистым шагом пошел искать свое счастье. Я смотрел ему вслед, но он не оглянулся. Немного постояв, тоже пошел искать свое счастье... В пути на войну повстречались, подружились и разошлись. Больше наши дороги не перекрещивались. Может, Косте и повезло, и вернулся он домой живым, и вся грудь «в крестах», а может...

В Первой ударной

На окраине городка (то ли это был Цесис, то ли... – точно не помню) я нашел штаб артиллерии 1-й ударной армии, нашел и отделение по оперативному использованию ГМЧ. Я вошел в указанную мне комнату вместе с дежурным по штабу офицером.

– Товарищ полковник, это к Вам. Из Москвы. Принимайте! – и дежурный офицер вышел из комнаты. Я представился и передал полковнику свое направление. Полковник прочитал и передал майору, сидевшему на койке, у стола. Майор взял бумагу, внимательно прочитал и возвратил полковнику.

Этого полковника, полковника Чумакова, я узнал: он был начальником артиллерийского училища в Миассе, где я проходил курсы переподготовки офицерского состава. Высокий, поджарый, немногословный. С нами он не встречался. Но мы жили в казармах при училище и начальство знали. Мне как-то легче стало.

– Вот, майор, к нам назначен новый работник, твой помощник.

Полковник Чумаков произносил каждое слово отдельно, но доброжелательно. И, посмотрев на майора, представил его:

– Майор Бокий – начальник отделения по оперативному использованию ГМЧ. А вы, старший лейтенант, будете его помощником. Я – заместитель командующего артиллерией 1-й ударной армии, полковник Чумаков.

Помолчав, он спросил меня, работал ли я в штабе и знаю ли штабную работу. Вопрос для меня неприятный, но я ответил:

– В штабе, товарищ полковник, я не работал. До ранения был командиром батареи БМ-13. Штабную работу не знаю.

Полковник и майор молчали, тот и другой внимательно всматривались в меня. И снова заговорил полковник:

– Ничего, ничего, – он каждое слово произносил весомо, – научим. Майор поможет. Майор, – уже в приказном порядке, обращаясь лично к майору (майор Бокий поднялся с кровати, на которой сидел), – ознакомьте старшего лейтенанта с нашей работой. А я пойду. Нужно зайти к командующему. Направление старшего лейтенанта передайте в отдел кадров. Я подписал.

Уходя, полковник, уже обращаясь ко мне, сказал:

– Осваивайтесь с работой, старший лейтенант. А жить будете здесь, с майором. Майор вам поможет, подскажет... – И ушел. Я продолжал стоять, не зная, что делать. Майор, видя мою растерянность, поспешил ко мне уже как бы с неофициальным представлением.

– Майор Бокий, – и подал мне руку.
– Старший лейтенант Любимов.
Мы пожали руки. Майор продолжал:
– Раздевайтесь. Шинель сюда, – и он указал мне на вешалку, на которой уже висела его шинель. С этой минуты я стал офицером штаба артиллерии 1-й ударной армии.

Первая ударная армия! Это ее войска в начале декабря 1941 года не только остановили немцев, но и начали победное наступление. Это войска 1-ой ударной 28 – 29 ноября отбросили немцев с восточного берега канала Москва – Волга, освободили несколько деревень и начали бои за Яхрому. Ожесточенные бои. Танки жгли ручными гранатами, бутылками с горючей смесью... А в декабре 1-я ударная и 16 армии освободили Солнечногорск и Клин. А разведчики 29-й стрелковой бригады полковника Ерохина спасли дом композитора Чайковского.

«Дом уцелел. Внутри дома все порушено. Одну из комнат на втором этаже фашисты превратили в уборную, ноты композитора разбросали и затоптали...»¹

Заем был Высоковск и выход к укрепленному рубежу по рекам Ламе и Рузе. В этих боях 1-я ударная понесла большие потери и была выведена в резерв в район Клина. Командовал тогда армией В. И. Кузнецов – уралец, из-под Перми...

В феврале 1942 г. 1-я ударная армия была передислоцирована в район Старой Руссы, на Северо-западный фронт. Некоторое время находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. В 1943 г. принимала участие в ликвидации Демянского котла, в январе – марте 1944 г. – в Ленинградско-Новгородской операции, в июле – во Псковско-Островской. Все эти операции – местного значения, но они были наступательными. В ожесточенных боях 1-я ударная приближала победу.

15 июля 1944 г. 1-я ударная армия была передана в состав 3-го Прибалтийского фронта. В сентябре ее войска вместе с 67-й и 61-й армиями начали наступление на Ригу. Командовал армией генерал Н. Д. Захватаев (уроженец деревни Гари Малмыжского уезда Вятской губернии; в гражданскую войну командовал батальоном 2-го Вятского запасного полка; в боях под Москвой был начальником штаба 1-й ударной).

¹ Лисицын Ф. Я. «В те грозные годы». М., 1985.

Свое назначение в штаб артиллерии этой легендарной армии я воспринял радостно, как награду. Было приятно и ответственно. Да это и понятно: я тоже был под Москвой в 41-м и сейчас продолжал путь к победе с теми и за тех, кто своими делами, своей смертью сказали всему миру, что фашистам в Москве не бывать, что фашисты будут биты. С тех героических декабрьских дней прошло много времени, и тех, кто тогда заставил немцев пятиться, а порой и драпать, мало, мало осталось в строю: многие легли за землю русскую; другие, израненные, вернулись в родные семьи или после излечения гнали врагов под знаменами других наших армий.

Да! В 1944 году мы уже были не те, что в 1941-м, и фашисты – не те. Мы – у границ немецкой земли, а они – огрызаясь, уходят побитыми, грабя, насилуя и разрушая.

1-й ударной армии не дано было в мае 1945 г. брать Берлин. Логово врага брали другие армии. И одной из них была 3-я ударная, которой командовал В. И. Кузнецов – тот, что командовал 1-й ударной в декабре 1941-го. А солдаты 3-й ударной Егоров и Кантария в ночь на 1 мая 1945 г. водрузили над Рейхстагом знамя Военного совета 3-й ударной армии. Знамя, ставшее знаменем Победы. Навечно...

Я как-то быстро вошел в свою должность и работалось мне в штабе артиллерии 1-й ударной как-то легко. Майор Бокий умело и бережно знакомил меня с моими обязанностями, а полковник Чумаков молча наблюдал за мной. Ознакомившись с моими документами, он, наверное, радостно вздохнул: как же, его новый подчиненный совсем недавно проходил курсы переподготовки офицеров в училище, которым он в то время командовал. Много, много учеников повстречал на фронте полковник Чумаков. Да оно и понятно: много-много лет он был начальником Московского артиллерийского училища, многие выпускники которого были командирами артполков, дивизий, некоторые командовали артиллерией армий и даже фронтов. Командир 28-го ГМП полковник Ясюнас был одним из его учеников. Полковник Чумаков часто навещал хозяйство Ясюнаса и чувствовал себя там свободно и непринужденно.

Ко мне Чумаков тоже был внимателен. Умный, немало повидавший в жизни, он хорошо понимал, что его должность – заместителя командующего артиллерией армии по оперативному использованию ГМЧ – никому ненужная должность, хотя и громкая: ГМЧ в армиях мало (3 – 6, а иногда и меньше), да и находились они в полном подчинении командующего артиллерией армии, а часто – фронта, а в ходе боев – командира дивизии (корпуса). Да, это было так.

54-й ГМП в боях под Витебском был придан 84-му стрелковому корпусу. В корпусе две дивизии, а в полку – два дивизиона, или каждой дивизии – один дивизион РС. А в начале армейской операции части РС подчинялись только командующему армией, он ставил задачу, он определял и сосредоточение их. А в ходе боев дивизионы РС вели огонь по требованию командира части, которую поддерживали, и редко-редко, как было у меня под Витебском, по требованию командира батареи, находившегося на НП, то есть по обстановке, именно по обстановке. Все это Федор Чумаков понимал, но изменить свое положение не мог, а может, и не хотел. Иногда он тяготился своей ненужности. В такие минуты он садился в машину и уезжал, передав майору Бокию или мне: «Я еду в 28-й полк».

Части 1-й ударной с боями шли к Риге. Передвигались стрелковые дивизии, перемещался и штаб армии. 27 сентября наши войска вышли к Сигулде.

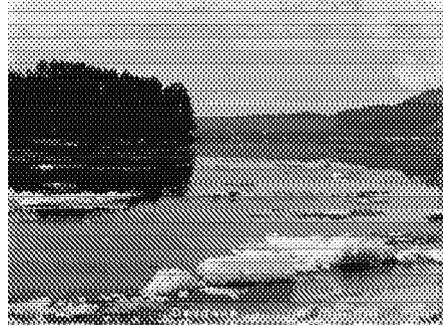
В разрушении оборонительных укреплений «Сигулда» принимала участие бригада БМ-31, боевых машин со снарядами большой разрушительной силы. Командующий артиллерией 1-й ударной армии генерал Касперович приказал полковнику Чумакову самому проконтролировать подготовку к залпу. Утром 28 сентября прогремел залп бригады: зрелище яркое. Летели снаряды, освещая все вокруг, – и удар. 576 снарядов за несколько минут обрушились на первую линию укреплений немцев. Это был ад: грохот, земля разверзлась... После удара бригады первая линия обороны «Сигулда» была разрушена. Наши атакующие батальоны без потерь ее преодолели, уцелевшие немцы бежали. Начались ожесточенные бои в глубине обороны. Новые «катюши» поразили лишь передний край вражеских позиций. Из-за небольшой дальности полета снарядов – главного недостатка этой новой техники. К тому же небольшая дальность стрельбы делала БМ-31 уязвимыми для артсредств противника, то есть боевые машины нельзя было применить в ходе боя. Другой недостаток БМ-31: снаряды устанавливались на металлические рамы, что требовало много времени (так было в 1944 г., в 1945-м станки для снарядов поставили на машины).

В это же время «Сигулду» начали штурмовать и армии 2-го Прибалтийского фронта. Но немцы не уходили. Шли жестокие бои Прибалтийских фронтов с Рижской группировкой фашистов.

Боясь окружения, командование армий «Север» начало часть дивизий переправлять морем в Германию. Поэтому Ставка приказала 1-му Прибалтийскому фронту перенести основной удар на Мемель, чтобы отрезать Рижскую группировку от войск в Восточной

Пруссии. В 1944 г. Ставка умело (в основном) руководила войсками, и наступательные операции готовились продуманно. Так было в Белоруссии, так было и в Прибалтике.

И 5 октября армии 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов начали наступление на Мемель. Немцы вынуждены были часть сил из-под Риги перевести на запад, ослабив Рижскую группировку. Этим воспользовались войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, и 12 октября немцы начали переправлять свои части за Даугаву, подрывая за собой мосты, разрушая и поджигая Ригу, угоняя (на паромоходах) в Германию рижан.

«Мы были на берегах Даугавы и восхищались её могучей силой»

13 октября части 3-го Прибалтийского фронта (войска 1-й ударной, 61-й и 67-й армий) взяли восточную часть Риги. Москва салютовала нашим войскам. А в Задвинье (в западной части Риги) продолжались бои. 15 октября город полностью был освобожден, а 16 октября был расформирован 3-й Прибалтийский фронт. 1-я ударная армия в урезанном составе была передана 2-му Прибалтийскому фронту. Дивизии армии переправились через Даугаву. Предстояли новые бои. Второй Прибалтийский фронт начал наступление на Курляндскую группировку. Но немцы, отрезанные от основных сил и прижатые к Балтийскому морю, оборонялись стойко. Лишь части 1-й ударной успешно продвигались вперед: освободили Юрмалу Слоку, Кемери, начали бои за Тукумс.

Начал передислоцироваться и штаб 1-й ударной армии. Помню, был серый день, но без дождя. Через Даугаву уже навели мост. Пройдя Задвинье, наша колонна направилась к Елгаве. Город был весь в руинах. Колонна подошла к мощной красавице Лелупе, но переправа задержалась. Колонну через реку долго не пропускали, лишь под утро двинулись в путь. Замелькали курортные места. Как помнится, Взморье немцы оставили неразрушенным. После войны я много раз бывал в Риге, отдыхал у товарища в Булдури, вспоминал дорогу, по которой колонна шла к Слоке.

Штаб армии разместился в небольшом городке Слоке. Здесь

впервые я встретил мирных жителей, среди которых было много русских. Русские приветствовали Красную армию, латыши от встречи с нами уходили. В Слоке же я впервые встретился и со своим новым начальником отделения подполковником Шафранским, который до прибытия в штаб был заместителем командира полка БМ-13. Новым положением он был недоволен, но приказ есть приказ. Шафранский начал входить в должность. Куда получил назначение майор Бокий, я не знал. Он отбыл, даже не попрощавшись. Майор работой в штабе мало интересовался, больше читал книги, лежа на койке. Иногда вступал в разговор со мной. Помню он говорил: «Вот перечитываю книгу – все заново вижу, глубже переживаю прочитанное. Да и автор книги другим предстает передо мной...» Я слушал его и продолжал работать: основную работу в отделении вел я. Это видел полковник и больше обращался ко мне.

Шафранский книжек не читал. Был общительным, живым, но водкой не увлекался. Делал, что полковник прикажет, а полковник – редкий гость в штабе. Заходил, чтоб сказать: «Я в 28-й полк», – и до свиданья...

Как-то звонок от генерала. Я – к трубке, Шафранский: «Бери, бери». Беру:

- Старший лейтенант Любимов слушает.
- Где ваш старик? – резко, грубо, на то он и генерал.
- Уехал в 28-й ГМП... – Молчание. Затем:
- Берите карту и ко мне...
- Сейчас буду.

Передаю Шафранскому: «Вызывает с картой».

– Ну и идите. Я не пойду. Что мне нагоняй слушать... Иди, иди.

Прихожу. Генерал в одной рубашке, в армейских брюках – одет по-домашнему. Я знал, что он не один, но... На столе карта.

- По Вашему приказанию явился...
- Идите сюда. Показывайте, где ваши части.

Я разворачиваю карту и передаю генералу Касперовичу, Смотрит и сам переносит значки на свою карту. Молчит, и я молчу.

- Ну, ну. Посмотрите, так ли?
- Все так, все правильно, товарищ генерал.

Он выпрямился, смерил меня взглядом, как бы изучая (встреча была первая). И тут же:

- Передайте полковнику: он мне нужен. Можете идти.

Я свернул свою карту – и к двери. По двору пробежал быстро: было прохладно. Шафранский уже ждал и сразу же спросил:

– Что приказал генерал?
– Просил перенести ему на карту расположение наших частей.

– И что?

– Он карту читать умеет. Сам перенес знаки на свою карту. Полковника просил позвонить. Он ему нужен.

– Звони, звони, – поспешил сказать май начальник. Я позвонил, попросил к телефону полковника Чумакова.

– Полковник Чумаков слушает.

Голос его глухой, слова растягивает.

– Товарищ полковник, генерал просит Вас к нему... Вы нужны ему.

– А чего ему нужно? – каждое слово отдельно, что гвозди вбивает в стену...

– Не сказал, не сказал...

Полковник долго молчал. Потом отрубил:

– Ладно... Приеду...

Где и когда это было, я уже не помню, но не в Слоке и не в Кемери. Из Слоки штаб переехал в Кемери. Это совсем недалеко...

Кемери! Райский уголок Рижского взморья. Курорт... Европейская знаменитость. Немцы его не взорвали, и поселок был цел. Одноэтажные домики в сосновом лесу. Лечебное здание с комнатами для проживания – огромный белый корабль, плывущий по зеленому морю... Перед кораблем – огромный убранный сквер... Живая, подстриженная изгородь... Да и дни конца октября 1944-го были теплые, солнечные, спокойные... Это величественное здание курорта Кемери на меня, уральского парня из крестьянской, бедной семьи, произвело сильное впечатление. Я и сейчас четко вижу этот белый корабль в зеленом море и ухоженный большой сквер...

Но и в Кемери штаб не задержался. Штаб 1-й ударной переместился в какой-то поселок, разбросанный при развилке каких-то шоссежных дорог. Штаб артиллерии армии расположился в отдельном большой каменном здании какого-то фермера. Для меня нашелся небольшой угол. А рядом, за дверью, оперативный отдел штаба. Генерал Касперович разместился в этом же доме, полковник Чумаков – где-то в другом месте (в другом отдельном доме; у него была машина, а обслуживал его шофер из 28-го полка). И подполковник Шафранский обзавелся крытой машиной, в которой он и жил со своим денщиком – солдатом из части, в которой он был заместителем командира.

К этому времени и у меня появились знакомые – офицеры

штаба. Это два капитана, Федор Бреус и Гриша Ладыгин. Федор раньше был корреспондентом «Правды» и жил в Алма-Ате. Начитанный, с юмором, всегда трезвый и, как я, неприкаянный среди офицеров штаба. Мы с ним сошлись, но секретов не делили.

Другим был Гриша Ладыгин, милый, скромный и, как я, не вписавшийся в круг офицеров штаба артиллерии 1-й ударной. Он пришел в штаб после освобождения Риги, служил в оперативном отделе, но бывший учитель с Кубани там друзей не нашел. Вот так нас и свела судьба. Гриша Ладыгин, небольшого роста, со сдержанной улыбкой, и Федор Бреус, остряк и немного циник. Оба капитаны – а люди разные. Дружбы между ними не было, а я и с тем, и с другим сблизился. После войны с Федором Бреусом встречался в Алма-Ате, он снова стал корреспондентом «Правды». А Гриша Ладыгин уехал на родную Кубань и снова учительствовал. Меня ж судьба занесла на Вятку-реку... Здесь и доживаю свои дни.

Тукумс 1-я ударная взять не смогла, безуспешными были и действия дивизий 10-й гвардейской армии. В январе 1945 г. начались новые бои на Курляндском полуострове, но и они не принесли нам успеха.

1-я ударная участвовала в наступательных операциях под Тукумсом и Салдусом. Был март, а март в Латвии – время распутицы. В одном из полков наступающих войск не оказалось патронов к стрелковому оружию. Об этом доложили командующему Захватаеву. Он резко поговорил с Касперовичем (артснабжением армии занималось артиллерийское управление), и генерал Касперович многих офицеров своего штаба послал в стрелковые части, подразделения (батальоны и роты) проверить наличие патронов в подразделениях и у бойцов. Так я, старший лейтенант, офицер штаба артиллерии, вновь попал на передовую. Путешествие было не из приятных: полк – батальон – рота. Дело было ночью. Командир батальона, дав мне в сопровождение солдата, направил в роту, а ротный – в окопы. «Иди, проверяй, старший лейтенант, а я – только что из окопов». Пошел с солдатом на передний край, встретился с командиром взвода, с солдатами. Проверил наличие патронов и тем же путем вернулся назад (батальон – полк – штаб артиллерии). Все прошло удачно. В тот мартовский вечер я впервые побывал в окопах стрелкового взвода, и, на мое счастье, на передовой было тихо, тихо. Но я почувствовал, увидел войну несколько иначе, чем ранее. В памяти остались разрушенные мызы без хозяев, которые или погибли, или ушли с немцами, или... С передовой я принес старое байковое одеяло (у меня, кроме шинели, – ничего), с которым и закончил войну...

А время шло. Командующим 2-м Прибалтийским фронтом был назначен маршал Говоров. Конечно, все ожидали оживления боевых действий на нашем фронте. И бои возобновились, под Либавой, но без успеха. Немец – враг умный, его разведка раскрыла замыслы нашего командования: немецкие войска на период нашей артподготовки были отведены, и атака наших частей была отбита с большими для нас потерями. Да и снарядов в наших частях было мало. Обо всем этом пишет тогдашний начальник штаба 2-го Прибалтийского фронта Л. М. Сандалов.¹

В 1945 г., в июне, я уехал из Риги в Ташкент. В Москве, по дороге на новое место, в столовой Дома офицеров Красной армии, сидел за одним столом с капитаном, как и я. Разговорились. Оказалось, оба из Риги. Он был при маршале Говорове и как-то присутствовал при разговоре маршала со Ставкой. Говоров, взяв трубку, встал и, стоя, слушал, как Сталин отчитывал его за провал операции. Меня поразило: за сотни километров, разговаривая со Сталиным, маршал Говоров стоял, не посмел разговаривать сидя. Таково было наше время...

¹ «Грудные рубежи». М., 1965. Стр.139.

Полковник Чумаков

Полковник Чумаков – личность в штабе артиллерии 1-й ударной армии заметная: заместитель командующего артиллерией по ГМЧ! Во время боев за Ригу в 1-й ударной было несколько гвардейских минометных полков БМ-13 и бригада БМ-31. Сила. Гвардейские минометные части – гроза для немцев, для нашей пехоты – защита, а при прорыве обороны противника – ударная сила. Даст залп бригада – и нет опорного пункта. Еще бы! 1500 снарядов за несколько минут свалится с неба на головы немцев – все в грохоте и огне, и нет опорного пункта, и нет живой силы. А если еще взиграет дивизион «катюш» БМ-13 (132-миллиметровый снаряд – тоже не игрушка!), а если еще наши танки рядом, а ствольная артиллерия перенесла огонь и бьет, и бьет по немцам? Недаром артиллерию называли богом войны! После такой артподготовки пехота смело идет в атаку. Артиллерийская мощь и умелое руководство, и, само собой разумеется, солдатская доблесть заставили немцев отступить. Лето и осень 1944 г. – неудержимый прорыв советских войск. Вот только снарядов в ствольной артиллерии было маловато. А в частях РС снаряды были, и командование дивизий, корпусов, армий бросали эти части в бой – и гвардейцы-минометчики выручали и при наступлении, и при отражении атак.

И полковник Чумаков – заместитель командующего артиллерией армии по ГМЧ, конечно, пользовался уважением у офицеров штаба артиллерии 1-й ударной. Высокий, худощавый, с орденом Красного Знамени на груди, он молча проходил по штабу...

Да, полковник Чумаков – личность незаурядная. Фельдфебель царской армии, в 1918 г. перешел на сторону красных. Артиллерист. Был командиром батареи. После гражданской войны учился, командовал артиллерийским полком, а потом долгие годы возглавлял артиллерийское училище в Москве. Сколько он выпустил для Красной армии артиллерийских начальников! Это только ему известно. А сейчас он зам. командующего артиллерией армии по ГМЧ. Надо же, какую должность выдумали в Генштабе! Кому эта мысль пришла в голову? Маршалу Шапошникову, Сталину? – Бог знает кому. А полковник Чумаков – умный, начитанный, мыслящий – сразу понял, что ни он сам, ни его чин (должность) в штабе артиллерии армии ничего не значат. Всей артиллерией командует командующий артиллерией, да и части РС были приданы корпусам. Лишь одна бригада БМ-31 в армии, а там есть комбриг, подчиняющийся непосредственно командующему артиллерией. И с заместителем коман-

дующего артиллерией по ГМЧ никто не советуется. И при нем два человека: начальник отделения по оперативному использованию частей РС и его помощник. Вот и все. Даже машины ему не положено. Вот так-то. Живи и командуй.

Он поехал в бригаду. Командир бригады – его ученик, да и не из бойких. Полковник Малков вытянулся, рапортует. Приглашает на обед. Хорошо, хорошо. И полковник Чумаков взял у полковника Малкова вездеход и шофера. И все как бы встало на свои места. Теперь зам. по ГМЧ уже бог, но на чужой машине. Поехал в 28-й ГМП. А там командир – полковник Ясюнас, тоже его ученик, да и какой! И опять за стол. А когда возвращался в штаб – ехал в машине, что надо... «Спасибо, спасибо. Пригодится...»

Первое время на фронте бывший начальник Московского артиллерийского училища ночей не спал, все думал, думал. Заходил к командующему артиллерией, а тот: «Здравствуйте!» – и все. Редко, редко, когда попросит его съездить в какую-либо часть что-нибудь проверить. И полковник Чумаков смирился. Место удобное, живи... Война... Куда пойдешь? С училища сняли, ученика-генерала поставили... И вот он здесь, в 1-й ударной. Майор Бокий ему не нравился: лежит и лежит на койке... А тут я прибыл. Молодой, грамотный и к нему с уважением. И стал он больше ко мне обращаться, а майора отправил в часть... Бокия заменил подполковник Шафранский. Этот книжек не читал, но был суетлив, порывист: и то надо, и другое... Не понравился ему и Шафранский, и Чумаков по-прежнему больше общался со мной:

– Слушай, Любимов, я поеду в 28-й. Спросит командующий – я там.

И уезжал, никогда не докладывая ни начальнику штаба артиллерии, ни командующему. И, в самом деле, Чумаков часто-часто был то в полку БМ-13, то в бригаде БМ-31. В его распоряжении был транспорт и шофер. Когда же он был в штабе – читал книжки, больше иностранных писателей, в русском переводе, рижского издания.

– У них проще: пожили – разошлись и дружбу водят, а у нас – ревность, склоки. Почитай, я прочту и тебе отдам книгу. Прочти, – говорил он мне. С Шафранским он мало разговаривал, а со мной запросто:

– Любимов, почему нас бьют? – спрашивал он меня. Конечно, когда ему скучно было и хотелось выпить, а водки не было. Я ему отвечал, что нас бьют... Ссылался на речи Сталина... Он слушал, слушал и, наконец, подводил черту:

– Нас бьют за бес-куль-турье.

Говорил он медленно, выразительно:

– Да, да. Нас бьют за бескультурие.

Прошло много-много времени, а я и сейчас нет-нет и вспомню его изречение: «Нас бьют за бескультурие». Каждое слово – удар молотка с паузой: нас... бьют... за бескультурие... Полковника Чумакова давно нет, а слова его живы: «Нас бьют за бескультурие».

Часто мои «умные речи» надоедали ему, и он уходил к себе в комнату. Он знал себе цену. И на поклон к генералу не ходил, да и свое мнение имел.

– Тоже мне генерал!.. Ишь как кричит: бегом, бегом... Документ готов? – спрашивал он Шафранского.

– Готов, готов, товарищ полковник. Подпишите.

Он брал бумагу в руки, медленно-медленно читал и, не торопясь, подписывал.

– Отнесите к нему. Я не пойду.

Но видел я полковника Чумакова и другим. Как-то к нам в штаб пожаловал генерал-лейтенант Нестеренко, заместитель командующего артиллерией фронта. Войдя к нам в комнату (мы с Шафранским работали и жили в одной большой комнате, полковник Чумаков – тут же, но в отдельной, небольшой), он, не поздоровавшись, начал отчитывать меня, резко, грубо, не стесняясь в выражениях, за то, что я передал неприятные слова командиру бригады БМ-31 полковнику Малкову от имени полковника Чумакова. Сам полковник Чумаков в это время стоял в дверях своей комнаты и молча слушал брань генерала в мой адрес. Он хорошо помнил, что я только передал полковнику Малкову его приказание, но молчал. Я посмотрел на Чумакова, он на меня. Он был спокоен, а взгляд говорил: «Молчи, молчи...» И я молчал, а подполковник Шафранский не вытерпел и заговорил:

– Товарищ генерал, старший лейтенант передал полковнику Малкову распоряжение полковника Чумакова.

Генерал Нестеренко замолчал, посмотрел на полковника, а тот спокойно проговорил: «Заходите ко мне», – и посторонился. Они оба удалились в комнату Чумакова. Меня брань генерала Нестеренко даже не очень обидела, но насторожила, а Шафранский нервничал, ходил из угла в угол. Начальник заступился за подчиненного при молчании своего начальника. Чумаков хорошо понимал, что начальству нельзя возражать (этому научила его армейская жизнь), но подполковника Шафранского он не остановил...

Уехал бравый генерал Нестеренко от нас молчаливым. Ушел

и все. Даже Шафранскому не сказал до свидания. Ну а о старшем лейтенанте и говорить нечего. Полковник Чумаков генерала провожать тоже не пошел, а когда Нестеренко удалился, ушел к себе в комнату.

Да, «умный в гору не пойдет...» Думается, что генерал Нестеренко тоже был учеником полковника Чумакова и, видя учителя, сторбленного, с настороженным и осуждающим взглядом, замолк и послушно пожаловал в его кабинет: очевидно, не все человеческое в нем генеральское звание и должность вытравили.

Это случилось в марте 1945 г., когда штаб 1-й ударной размещался в Яунпилсе. Март в Прибалтике – кислое, мокрое время. Но дивизии 1-й ударной вели разведывательные бои. Немцы создали сильную оборонительную линию с многочисленными ходами сообщения и врытыми в землю танками.

Не сумев прорвать немецкую оборону, наши батальоны отошли на исходные рубежи. Да и армии, воевавшие на Курляндском полуострове, снабжались Ставкой плохо. «Крайняя ограниченность в снарядах и танках не позволяли делать глубоких прорывов... Наши армии выдыхались. Затем все начиналось сначала»¹.

Яунпилс – латышский городок на дороге Добеле – Тукумс. В 1-й ударной армии было только две части РС: 28-й ГМП и бригада М-31. Обе части были расквартированы в тылах армии и бои не вели. Так что нам, отделению штаба артиллерии армии по использованию ГМЧ, работы было мало. Жили мы в отдельном небольшом доме на окраине городка. Полковник Чумаков, как уже говорил, жил в этом же доме, в отдельной небольшой комнате, а Шафранский и я – в большой проходной. Был у нас один стол, телефон и наши койки. Вся наша обязанность – поддерживать связь с частями РС и фронтом. В эти дни почему-то и полковник Чумаков больше находился в своей комнате. Лишь иногда он появлялся в дверях сказать, чтоб я связался с командирами частей. Что я тут же и выполнял.

¹ Сандалов Л. М. Стр. 139

Май – июнь 1945 г.

Победа

Война приближалась к завершению. Наши войска вели бои уже на немецкой земле, а в Курляндии – все еще немцы. Конечно, Ставка была недовольна этим. Готовилось решительное наступление: в 1-ю ударную прибывали новые части. Особенно много прибыло ГМЧ – четырнадцать (а было всего две – полк и бригада). Прибыли и новые танковые, артиллерийские и авиационные части. И в разгар этой подготовки – неожиданное сообщение об отходе немцев. Это было 6-го мая. Наши части двинулись вперед, кое-где завязались бои. Из частей спрашивали: что делать с «огурцами» (снарядами)? Начальник отделения по использованию ГМЧ подполковник Шафранский уехал в штаб фронта сдавать отчет, полковник Чумаков куда-то тоже уехал, скорее всего снова в 28-й ГМП. На месте – один я. «Что делать с “огурцами”»? – «Беречь, беречь», – отвечал я: откуда мне было знать, что завтра войне конец?

А части шли вперед, вперед ушел и штаб артиллерии. А средства связи остались на старом месте. Вечером 8 мая, как всегда, я должен был передать в штаб фронта данные об обстановке, о расположении частей. Собрав данные, выехал на старую квартиру для связи со штабом фронта.

Возвращался уже поздно. Было темно. И надо же попасть в колонну танковой части: впереди танки и сзади танки, а дорога – не разведешься. Ощущение неприятное: танк – слепая машина, сзади глаз нет; заезвается водитель машины – и сомнут тебя или сбросят в кювет. Такое бывало, я знал об этом. Но, слава богу, все закончилось благополучно.

И вот я в штабе артиллерии армии, разместился вместе со связистами. Перекусив, что было, улеяся спать и быстро заснул. А тут тычут в бок, будят: «Старший лейтенант, вставайте: война закончилась. Наши связисты поймали!..» Я проснулся. Выслушал радостное сообщение друзей – и снова спать. А они опять: «Старший лейтенант, война закончилась: радисты немцев поймали!..»

И пошла потеха: кто поет, кто танцует... Все возбуждены: война закончилась! Это ли не радость! А я так устал, что снова завалился спать.

А утром, рано-рано, из штаба прибыл вестовой:

– Генерал вызывает всех офицеров. Сбор у дома генерала.

Генерал есть генерал. Опаздывать нельзя. Быстро собрался

– и к генералу. Погода за ночь изменилась: вчера было тепло, а утром выпал снег. Сыро и как-то неуютно.

Офицеры штаба артиллерии собрались у двухэтажного дома с палисадником. В нем размещался генерал Касперович, его охрана и его красивая, черноглазая, небольшого роста «походная» жена (она всегда была с ним, но на глаза другим не показывалась). Мы выстроились в одну линию (нас было немного). Вышел генерал и поздравил нас с окончанием войны. Эту радостную весть в сырое холодное утро 9 мая 1945 г. мы, офицеры штаба артиллерии 1-й ударной армии, встретили молча... Очевидно, ждали, что генерал еще что-то скажет, а он молчал. Стоял и смотрел на нас. А потом недовольным голосом выбросил:

– Вы хотя бы «ура» прокричали, что ли?

И мы прокричали: «Ура!» Прокричали как-то недружно, будто по необходимости.

Генерал, очевидно, не ожидал такой нескладной реакции офицеров его штаба на сообщение об окончании войны, постоял минуту-две и отпустил нас. И мы разошлись по своим местам. Я отправился в избушку связистов.

Вот так начался для меня первый день после войны. Надо полагать, что оперативники этот день отметили по-другому. Я ж был один: Шафранский – в штабе фронта, а полковник Чумаков со своим шофером размещался в отдельном доме. Он на построении не присутствовал.

А днем 9 мая полковник Чумаков вызвал меня к себе и сказал:

– Поздравляю тебя, Любимов, с окончанием войны. Поедем в части: надо поздравить.

Говорил он редко, растягивая слова. Я и сейчас слышу его глуховатый голос...

Повторяюсь, не могу не повториться, хочу повторить, как он спрашивал меня в минуты своих душевных тревог: «Любимов, почему нас бьют?» Как, не получив ответа, он сам же и отвечал: «Нас бьют за бескультурье». И, помолчав, продолжал: «Нас бьют за бескультурье».

Какие мудрые слова! Но кто, кто задумывается над своими поступками, совершая их? А жизнь продолжается и бьет нас, колотит и колотит. И наш президент – человек грубого воспитания и часто необдуманных решений, а в результате – Чечня с кровью и варварство. А наша Дума с самовлюбленным Зюгановым и крикуном Жириновским? А чего стоит бескультурье наших генералов: и

мат на площади, и кровь на ступенях. А самодовольство какое! А наши милые старики-крикуны: «Долой президента! Долой, долой!»? Вторят коммунистам, Илюхину и Зюганову. А ведь коммунист – это красивый человек, умный, порядочный, скромный... «Нас бьют за бескультурие!...»

Мелькали зазеленевшие поляны, незасеянные поля, грустно чернела избитая осколками снарядов, выжженная земля. И вот перед нами открылась даль, невиданная картина: по дороге на велосипедах, навстречу нашей машине, мчались немцы. Они торопились к нам, в наш тыл, чтоб первыми сдать. Поравнявшись с нашей машиной, увидев советского полковника в папахе, они закричали: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Лица их сияли. Они, как и мы, радостно встречали первый день мира... Велосипедисты промчались, а впереди – большая-большая колонна немцев. Немцы без оружия и без всякого конвоя шли, шли в тыл нашей армии сдаваться. Впереди колонны шел генерал, командир дивизии, за генералом – офицеры штаба, за штабными – солдаты со своими непосредственными командирами...

Поравнявшись с нашей машиной, генерал и офицеры, следовавшие за ним, отдали честь полковнику армии-победительницы и продолжили свой путь.

Эта колонна сдающейся дивизии поразила нас своей дисциплиной: все шли, не нарушая строя. Вид рядовых солдат был радостным, офицеры были спокойны. Все офицеры отдавали честь сидящему в машине полковнику, солдаты смотрели на нас радостно... Ненависти в их взглядах мы не увидели. Колонна все шла и шла, ей, казалось, и конца не будет. Двигались и мы...

Тогда мы посетили несколько наших частей. Полковник встречавших поздравлял с окончанием войны, и всюду мы видели радостные лица. Конечно, везде нас ждали и угощали... Лишь поздно ночью мы вернулись в расположение штаба.

Трофеи

7 мая, в 2 часа 41 минуту, в Германии, в городе Реймс, был подписан акт о Капитуляции Германии. Об этом было известно командованию немецкой группировки в Курляндии. Однако только на рассвете 8 мая командующий курляндской группировкой передал по

радио командующему Прибалтийским фронтом маршалу Л. А. Говорову о приеме капитуляции: «Я приказал прекратись всяческие действия в 14.00 по немецкому времени. Войска выставят белые флаги». К этому времени в Курляндии весь передний край в полосе немецких войск был усеян белыми флагами. А в 22 часа 6 минут генерал Раузер по уполномочию генерала Гильперта подписал протокол о порядке сдачи в плен немецких частей.

Утром 9 мая 1945 года немецкие войска начали сдаваться. Правда, не все было так, как увидели мы с полковником Чумаковым. Несколько немецких генералов и старших офицеров не явились на сборный пункт пленных, а командир 50-го армейского корпуса генерал Боденхаузен пустил себе пулю в лоб. Несдавшиеся немцы бежали в леса, надеясь как-то перебраться в Скандинавию. Пришлось нашим войскам этих беглецов отлавливать.

Всего нашими войсками в Курляндии было пленено 284117 человек, из них генералов – 48, офицеров – 9529. Цифры могли быть еще большими, если бы, как показал командующий курляндской группировкой генерал Гильперт, с 3 по 8 мая в Германию не успели отправить 30 тысяч пехотинцев и танкистов, 15 тысяч моряков и летчиков. Из немецкой техники в Курляндии наши войска получили 153 самолета, 478 танков и самоходных установок, 2450 орудий, 931 миномет, 6782 пулемета, 144418 винтовок и автоматов, 12221 автомашины, 263 бронетранспортера. И еще 36464 лошади.

Радость и разочарование

Война закончилась. Немцы сдались. Наши передовые части произвели учет немецкой трофейной техники. Сложнее было с латышами. Сколько их, воевавших на стороне немцев, затерялось в мызах, лесах, городах! Мне пришлось быть представителем офицеров штаба артиллерии армии на заседании военного трибунала (это было в июне 1945 г. в Кандаве). Судили латыша за убийство своей жены и детей. Сам же он что-то замешкался, и его взяли рядом с жертвами наши солдаты, жившие в его доме (солдаты жили на втором этаже, семья латыша – на первом). Этот латыш во всем признался, жалел, что не успел и себя порешить: «Не хочу с вами жить!» На вид – обычный мужик, лет сорока, невысокого роста. Одет в рабочую куртку и потертые брюки, в сапогах. И взгляд незлой, кажется мирным, мирным... А вот убил жену и детей – не живите с «голодран-

цами», с русскими... Осудили...

После войны в Риге жила сестра моей жены, Августа Ланская. Ее муж Тимофей Афанасьевич Ланской тоже воевал в 1-й ударной, а после демобилизации остался в Риге. Мы (я и жена, Зоя Климеигевна, наши дети, Людмила и Владимир) много раз летом ездили к ним на отдых (в Риге жизнь была дешевле, у них в магазинах все было; у нас, в Кирове, – куда хуже). Многие латыши смотрели на нас очень неприязненно. Придешь в магазин, за прилавком – латышка. Спросишь что-нибудь из съестного – она посмотрит и сухо скажет: «Нет ничего». И уйдет в закуток. Придет латышка – пожалуйста... Это было, было. В 50-е, 60-е, 70-е годы.

Первые дни после войны

В конце мая 1945 г. штаб армии перебазировался в Кандаву – небольшой латышский город на высоком берегу Абавы. Река тоже небольшая, но глубокая. Город – старинный, каменный. Построен еще в XIII веке, находится на дороге Рига – Тукумс – Вентспилс.

«Кандава, под Ригой. Здесь в 1945 г. был расквартирован штаб I ударной армии, в котором служил гвардии капитан Любимов А. С. Был и на этом холме»

Штаб артиллерии разместился в двухэтажном здании на центральной площади. Напротив – церковь, около церкви – кладбище. Работали магазины, в церкви шли службы, но многие дома пустовали (владельцы их куда-то исчезли). Мы с Шафранским жили рядом со штабом, в небольшом пристрое. Помнится, перед домом – развалины старой крепости.

Войска размещались в различных районах Латвии и уже приступили к мирной жизни – боевой учебе, к ремонту боевой техники, а некоторые части готовились к отправке на Дальний Восток.

Штаб армии организовал за городом, у реки Абавы, выставку боевого оружия, нашего и трофейного. Выставка получилась доволь-

но интересная: здесь были наши и немецкие самолеты, танки, различные артиллерийские системы, минометы, БМ-13, стрелковое оружие. Допуск на территорию выставки – свободный! В развертывании этой выставки оружия принимали участие и мы – офицеры штаба артиллерии и его отделов. Выставка работала неделю или даже больше.

Здесь же, в Кандаве, многие офицеры штаба армии и штаба артиллерии получили свои последние награды за войну. Получил и я орден Отечественной Войны II степени. В Кандаве мне присвоили очередное звание – гвардии капитан. Конечно, это было приятно.

Я много раз задумывался: кому пришла мысль о моем награждении, о присвоении очередного звания. Может, подполковнику Шафранскому? Мы с ним служили в одном отделе с октября 1944-го по июнь 1945-го года. А может, полковник Чумаков дал поручение Шафранскому оформить соответствующие бумаги? А может, это указание исходило от генерала Касперовича? Но сами они, ни генерал Касперович, ни полковник Чумаков, ни подполковник Шафранский, ни званий, ни наград по окончании войны не получили.

Штрихи-портреты (генерал Касперович, лейтенант Ярэма, Герштейн)

В Кандаве офицеры штаба артиллерии также учились штабной работе, ездили по частям, выполняя поручения командующего артиллерией. Запомнились мне лекции генерала Касперовича по теории вероятности. Генерал П. Г. Касперович до войны курс теории вероятности преподавал в артиллерийской академии и был в звании полковника. Известно, что полковник Касперович был командующим артиллерией 10-й гвардейской армии, а в сентябре 1944 г. его назначили командовать артиллерией 1-й ударной армии, куда он прибыл уже генерал-майором. Сам приехал и подругу привез, молодую, интересную. На народе она редко показывалась, но сына ему подарила.

А полковник Чумаков в 1-ю ударную прибыл в конце 1943 г. Генерал-майор и полковник знали друг друга еще по Москве, и доверенное положение полковника Чумакова было значительнее: он командовал Московским артиллерийским училищем. В сентябре 1945 г. они встретились и стали работать вместе.

Живой, энергичный, умный и быстрый в принятии решений, генерал Касперович пользовался авторитетом и в штабе армии, и в артиллерийских частях – и штаб артиллерии работал, и артиллерийские части успешно вели боевые действия. После окончания войны именно генерал Касперович организовал упомянутую выставку вооружения, при нем артиллерийские части стали перестраиваться на мирную жизнь. И нас, офицеров штаба артиллерии армии, он заставил учиться. Лекции читали офицеры штаба. Сам Касперович знакомил нас, офицеров штаба артиллерии 1 ударной армии, со своим предметом. Читал он нам теорию вероятности. Читал он живо, с примерами. Чтоб запомнилось, он вызывал слушателей к столу (чаще старших офицеров).

– Слушай, полковник. Идешь ты по улице и видишь: сопля на дороге. Ну, что ты смотришь? Взял соплю. Что у тебя в руках?

Полковник стоял около генерала и не знал, что ему отвечать... Заикался, мямлил. А генерал продолжал:

– Эх ты, полковник: сопля на дороге, сопля в руках – сопля и будет. Тоже мне артиллерист... Соображать надо. Соображать. Иди, садись и думай. – А глаза у генерала озорно играли...

Нам, капитанам, старшим лейтенантам, слушать его лекции было интересно. «Хорош, хорош!» – говорили мы между собой. Капитан Бреус (он в штабе артиллерии вел записи боевых действий артчастей) говорил мне: «Такую лекцию, сочную, с матом и юмо-

ром, можно услышать только на фронте и от генерала». Полковник Чумаков эти лекции не посещал (он что-то приболел, а потом и совсем отбыл в Москву; мы даже с ним не попрощались). Подполковник Шафранский, наоборот, посещал аккуратно, а потом возмущался: «Какую чепуху несет! Делать нечего – и тешится...»

Но видел я и другого генерала Касперовича. Это было в середине мая. Колонна штаба армии двинулась в район Салдуса: надо было выбрать новое место для штаба и его служб. День был теплый, солнечный. Остановились, кажется, в Салдусе. Генерал выбрал себе просторный деревянный дом, что-то подобрали себе и оперативники, а представители штаба армии уехали в центр поселка и долго не возвращались. Делать мне было нечего – и я на улицу. Зелень, солнце, птички щебечут. На улице никого. Присмотрелся – генерал сидит и греется на солнце. Долго, долго сидел, один. Никого рядом. Видно, задумался. В самом деле, война закончена, пушки молчат – и генерал без работы. Невольно задумаешься. А ему уже под пятьдесят. Семья в Москве, сын где-то... Долго сидел генерал. Что-то его тревожило, что-то не укладывалось, не решалось...

Я долго-долго смотрел на нашего генерала, не решаясь спугнуть его думу. Затем все же ушел побродить, посмотреть на округу. А генерал все сидел и о чем-то думал... Разный он был, генерал Касперович. А вот злости, чтоб унижить подчиненных, я в нем не видел. Вспылит, разнесет и остынет. А тут взгрустнулось...

С тех лет прошло много времени, а не забывается, помнится... А как мы жили? Рабочий стол и тут же койка. Это еще хорошо. Часто ничего не было. Спали на полу, на шинели, ей же и укрывались. Ничего не было, ничего. Мыла кусок и тряпка, чтоб лицо и руки вытереть.

Баня – проблема. Летом – в речке мылись, а зимой... Беда... В дивизионе был порядок: комиссар заботился. Баню устраивали на полянке, в палатке... В штабе армии – сам думай, как помыться. Известен случай: командир дивизии заболел сыпняком... В дивизионе этого не было.

Страна жила бедно, и Ставка разрешила солдатам и офицерам слать домой посылки. У нас в селе, в Аятке, одни наши знакомые получили больше десятка посылок с фронта (об этом говорила мне сестра Анастасия). В штабе артиллерии один капитан Бочаров – тоже посылки собирал, а некоторые генералы – машины барахла с фронта в Москву отправляли.

Я о посылках не думал. Большинство солдат и офицеров о

посылках не думали. Как бы выжить! Вот так и жили...

Сегодня кто выше чином – тот больше хапает. «В карман-то, в карман тащи...» Об этом еще Салтыков писал. А партия разрешила: берите, что можете, – и домой... Трудно жилось, трудно. Надо же: партия разрешила бесплатно слать посылки с фронта...

В июне 1945-го мне довелось ехать в одну из наших частей, и вот на дороге повстречал лейтенанта Ярэму Григория Михайловича. Высокий, поджарый, стоит у дороги и смотрит на нас. Я остановил машину, выскочил – и к нему. Как же, как же! Мы с ним в Миассе, в артиллерийском училище, были в одном взводе и спали на нарах рядом... А потом оба отправились на фронт. Больше двух лет прошло с тех пор, и встретились на дороге. Поговорили – и снова в путь. Уже через много лет в Кирове (в Вятке) я встретил бывшего лейтенанта в троллейбусе. Обрадовались. И вспомнилась мне его фраза, я ее запомнил: «Лучше собак гонять в столице, чем жить в провинции». А вот работал в Вятке. На вятском кладбище и похоронен.

Г. М. Ярэма, 10 октября 1944 года

– Ты что улыбаешься, а?

– Вспомнил твоё изречение: лучше гонять собак в Москве... – и оба рассмеялись. После демобилизации он служил в Министерстве финансов, в Москве, – и вдруг в Кирове. Просто в свое время были

созданы так называемые совнархозы – и его направили финансовым работником в Кировский совнархоз. Когда совнархозы упразднили, Григорий Михайлович Ярэма перешел работать на один из крупных кировских заводов заместителем директора по финансам.

С Григорием Михайловичем мы поддерживали дружеские отношения до конца его дней. Он не раз бывал у меня, хотя положение у нас было разное: я – учитель, он – заместитель директора крупного завода. Был он скромный и честный труженик. Квартиру имел, конечно, не двухкомнатную, с одной проходной, но обстановка (я бывал у него) скромная. У меня, правда, книг побольше.

25-й ГМД, с которым (в основном) была связана моя молодость, продолжал сражаться в Прибалтике и после моего ранения.

Участвовал в боях за Кенигсберг, а потом (в составе 54-го ГМП) был направлен на Дальний Восток. На одной остановке, где-то в Сибири (об этом мне написал старшина 2-й батареей Виктор Селиванов), они, гвардейцы 25-го ГМД, повстречали Крылова – лейтенанта, начальника разведки дивизиона, уже без погонов и без руки. После излечения он жил с родителями. При встрече бывший начальник разведки плакал. Гвардейцы его тепло встретили, оставили что-то из продуктов, что могли... Радостная и тяжелая встреча... Состав ушел, а безрукий лейтенант-фронтовик остался стоять на перроне, а у ног – солдатский мешок... «Слезы офицера-инвалида нерадостно видеть», – писал старшина.

В том письме старшина не писал, кто командует батареей. Очевидно, лейтенант Герштейн. Герштейн...

Он пришел в батарею весной 1944 года. Мы тогда стояли под Витебском. Молоденький, худенький, рыженький, только что окончил училище. Но не глуп... Я представил его батарее. Гвардейцы молчали. Умный старший сержант Колесников тоже молчал.

– Ничего, ничего. Будем вместе жить: вместе нам воевать... – сказал я, командир батарее. Солдаты разошлись. А старшине передал:

– Лейтенант будет жить с нами, в машине.

Виктор Селиванов хорошо знал военную службу. Ему хотелось возразить, но он промолчал.

Оказалось, что Герштейн болтлив. Рассказал, что он из Киева, где пивом в ларьках торгуют одни евреи: «Меня в школе ребята дразнили: “Торговать пивом пойдешь, на пене рубли сколачивать будешь”». Мы с Виктором о евреях и не заикались, а Герштейн продолжал: «Я пошел проверять, задело меня. Правда, правда: в ларьках пивом торгуют евреи».

В другой раз он говорил, что Черняховский, командующий 3-м Белорусским фронтом, – его родственник. На нас его сообщение не произвело впечатления: до Черняховского далеко...

Прошло еще какое-то время. Вдруг выстрел в машине. Я был на батарее. Бросился к машине: Герштейн сидит, пистолет в руке.

– Что это, а? Игрушка?

– Случайность... Чистил пистолет – и вдруг... – мямлил лейтенант.

– Ну, батюшка, сочиняешь: кто чистит заряженный пистолет? Сказки. Дай пистолет. Что делать будем? Выстрел в машине комбата – ЧП.

Командир дивизиона и оперуполномоченный побеседовали с лейтенантом – на этом все и закончилось.

Мы тогда находились в тылах. Нет-нет да пролетали немецкие самолеты и сбрасывали листовки-пропуска. Помню одну из них. Картинка в красках: домик в два окна, у домика на скамейке сидят старик со старухой, а перед ними козочка на веревочке, и надпись внизу: «Переходите к нам. Это и вы получите». Наши бойцы шутили: «Хитер немец: корову себе взял, а козу – нам».

Но был и другой случай: на листовке нарисован Сталин, голый и весь оброс шерстью. Зверь зверем! Листовка производила неприятное впечатление. Я ее взял и почему-то показал Герштейну. Не знаю, почему. Может, хотелось узнать его мнение. Герштейн посмотрел, а потом возвратил листовку мне. Я свернул и положил в карман гимнастерки. А через час-полтора меня пригласил на беседу оперуполномоченный, старший лейтенант. (Он в 25-й ОГМД пришел еще летом 1942-го. Я был комиссаром 2-й батареи, имел звание старшины. Конечно, он заинтересовался мною. Потом бои под Озеренским, взорванная БМ-13, беседа с ним по этому поводу. Словом, друг друга знали, и отношения у нас с ним были хорошие.) Поздоровались. Поговорили о делах в батарее. И тут он спросил:

– Старший лейтенант, у Вас есть листовка немецкая?

Я вынул листовку из кармана и подал ему. Он внимательно ее рассмотрел.

– Да, производит впечатление, – и, помолчав, вновь спросил:

– Кому показывали?

– Герштейну.

– И больше никому?

– Никому.

– Эх, старший лейтенант, старший лейтенант. За Вами в батарее двенадцать человек следят.

Я улыбнулся: «Неужели двенадцать?» Мы оба рассмеялись. А злополучную листовку оперуполномоченный тут же, при мне, уничтожил. Мы пожали друг другу руки и разошлись. Кажется, больше мы не встречались. А мог бы я и «загреметь», будь на месте того старшего лейтенанта другой Герштейн. Герштейна же я отправил на жительство в расчет.

– Там, лейтенант, Вам лучше будет. И жизнь узнаете лучше.

Герштейн все понял. А потом начались бои. За Витебск, за Белоруссию, в Литве... А в августе я был тяжело ранен. Из офицеров в батарее оставался только лейтенант Герштейн...

«Может, он водит батарею и сейчас», – подумалось мне тогда, после письма от старшины.

Три встречи с Абрамом Вайманом

Встречи были короткими, но запомнились. Абрам Вайман – мой сокурсник по педагогическому институту в Перми. Живой, общительный, среднего роста. Он был старше нас на несколько лет. До института работал в газете... И, как я помню, вскоре стал редактором институтской газеты «За учебу». Газета висела на видном месте. Не помню, чтоб она вызывала у нас споры, зато личность Ваймана запомнилась. Нет, он ничем не выделялся из среды студентов, но профессор Шамрай не раз обращался к Абраму Вайману, чтоб он пояснил ему и нам, почему немцы ввели свои войска в Финляндию. И Абрам Вайман охотно выполнял просьбу профессора, а тот внимательно слушал доводы Ваймана. Конечно, и мы, студенты, его слушали. Абрам слыл среди нас патриотом, и мы думали, что, если вспыхнет война, он непременно будет на фронте.

Но вот началась финская война. Ушел на фронт добровольцем Ленька Суплаков, сын раскулаченного, сосланного куда-то на север Урала. Леонид Суплаков учился не бойко; как и я, ходил «бурлачить» (выгружать баржи с картошкой, с дровами) на Каму. А на лыжах он ходил лучше нас. Ваймана на лыжне я и не встречал. Вот и ушел Леня Суплаков в лыжный батальон. С фронта не вернулся... Мы переживали за нашего товарища. Еще бы: первая потеря. Написал ли Абрам о нем в студенческой газете – не помню, не помню.

Время шло, о Лене Суплакове забыли: у каждого свои заботы. А тут грянула Отечественная. Ребята заволновались. Многие написали заявления, чтоб направили на фронт. Абрам такого заявления не написал. Первый отряд добровольцев Урала должен был отправиться из Перми 3 июля 1941 г. Среди первых, уходивших на фронт из числа студентов, был и я, Любимов Александр. И вот накануне произошла наша первая встреча с Абрамом Вайманом. Дело было вечером, на улице. Сошлись, поздоровались (занятий уже не было) и обменялись парой слов. Первым начал Абрам:

– Не ожидал, не ожидал я от тебя такого.

– Это о чем же речь? – поинтересовался я.

– А как же, как же: уходишь на фронт добровольцем. От души поздравляю, – и он мне снова пожал руку.

А глаза у него горели: рад был, рад за меня... Таких чувств от Абрама я не ожидал. Мы с ним и друзьями-то не были, просто однокурсники. И я спросил:

– А как же Вы, Абрам, куда же Вы? – и получил вразумительный ответ.

– Куда партия пошлет: я ведь член партии. Куда партия пошлет – туда и пойду.

Ответ Ваймана меня поразил: партия звала на фронт. Я посмотрел на него как-то загадочно. Абрам – человек быстрого ума, мой взгляд уловил, и мы, пожелав друг другу всего хорошего, разошлись.

Встретились снова в 1943 году. Тогда заместители командиров батарей по политчасти были упразднены, и нас, бывших комиссаров (потом заместителей командиров батарей по политчасти), откомандировали в Москву, а Москва – на Урал, в Миасс, на курсы переподготовки при артиллерийском училище. Получив документы, я сел в вагон – и в путь до Миасса, через Свердловск. Вот и станция Пермь, остановка 40 минут. Конечно, я пошел на вокзал. Как же, как – я отсюда уезжал на фронт, здесь учился... На вокзале купил газету «Звезда», развернул – А.Вайман... Абрам писал о собрании жен фронтовиков.

Газету я скомкал – и в мусорный ящик. Прошел по перрону, посмотрел на городские огни – и в вагон. А в голове: «А. Вайман пишет о собрании жен фронтовиков...» И вспомнилась наша встреча и его ответ: «Куда партия пошлет – туда и пойду».

Третья встреча с Абрамом Вайманом случилась в Свердловске, на вокзале, у билетных касс, в 1946 году. Я уже демобилизовался, но был в форме гвардии капитана, на груди – два ордена и две медали, желтая нашивка (свидетельство о тяжелом ранении). И вдруг из толпы вырос Абрам, и тоже в военной форме – младший лейтенант. Поздоровались. Обменялись взглядами.

– Куда путь держите, младший лейтенант?

– Домой, домой. Из Челябинска. Там я был начальником Дома офицеров.

– Я тоже домой, к отцу. Демобилизовался.

Оба спешили. Да и разговаривать было не о чем. Каждый по своему воевал во время войны... «Мы были всякие...»

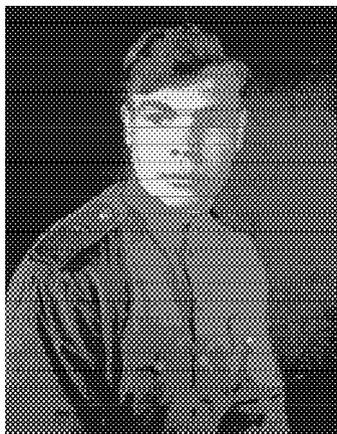
Ташкент

Уже в июне 1945 г. некоторые войсковые части 1-й ударной начали расформировывать. Началась демобилизация солдат старших возрастов. Сколько радости было! Эшелоны демобилизованных потянулись с запада на восток. Хорошее это было время, время надежд, встреч и разочарований. А некоторые части грузились в вагоны и спешили на Дальний Восток. Там предстояло помочь союзникам добить самураев.

На Дальнем Востоке служил мой брат Михаил. Писал он мне редко. Чаще в родное село Аятское, сестре Анастасии и отцу Степану Васильевичу. Отец трудился в колхозе и ждал сыновей. От Алексея, старшего сына, давно уже ничего не было, с августа 1944-го. Командир пулеметного взвода остался на Сандомирском плацдарме. В Свердловске ждали его жена и сын Владимир, мальчонка лет семи. Но так и не дождались. Война отняла у сына отца, у жены – мужа. Правда, жена нашла другого, а сын все ждал отца, но...

Время шло. Латвия входила в мирную жизнь. Воинские части покидали Прибалтику. Был расформирован и штаб 1-й ударной армии. Часть офицеров штаба артиллерии армии была откомандирована в город Ташкент, в штаб Туркестанского военного округа, другие – демобилизованы, третьи – получили новые назначения. Уехал в Москву, к семье, полковник Чумаков, а подполковник Шафранский и я были назначены в отдел боевой подготовки штаба артиллерии ТуркВО, к генералу Касперовичу, назначенному командующим артиллерией округа. Для нас, фронтовиков, началась новая жизнь.

Ташкент – большой азиатский город. Где начинается и где кончается, кажется, никто не знает. А в центре города – железнодорожный вокзал. Вот сюда и притащил меня поезд. Вышел из вагона – совсем незнакомая жизнь и чужое небо над головой. Военный комендант вокзала, русский офицер, посмотрев мои документы, дал адрес штаба и рассказал, как добраться. Я нашел этот штаб, нашел

Брат Михаил Степанович Любимов

отдел кадров и получил назначение на работу и койку в гостинице на улице Саперной (недалеко от центра), в общей комнате.

А Ташкент меня поразил. На каждом углу – базар. Узбеки торгуют, кто чем, шумят. И арыки, арыки, арыки... По арыкам бежит холодная водичка, а по улице – лягушачьи концерты: ква-ква-ква... Для меня это было необычно. Еще Ташкент, повторюсь, словно большой базар, большой, большой. А на базаре и торгуют, и готовят еду, и лепешки пекут. Тут же и чайхана, в которой весь день сидят мужчины-узбеки, ведут беседу и пьют чай из одной чашки. Попадались и женщины под чадрой и босой узбек с мешком за плечом..., и очереди, очереди за хлебом...

В отделе боевой подготовки из штаба артиллерии 1-й ударной я один. Шафранский – в другой комнате. И работу, которую мне поручили, я не знаю. Трудно осваивалась новая работа, но в то же время я представлял в отделе гвардейские минометные части, которые только-только появились в ТуркВО. Побывал в командировках в Ашхабаде, в частях у границы. Они прибыли из районов боев. Бойцы жили в степи, у подножия гор, в палатках. Работали по обустройству жилья и учились. Было неудобно, но пушки молчали... Был и в Алма-Ате, проверял, как в институтах изучают военные дисциплины. И везде, везде жилось трудно. Трудно было и с одеждой, и с жильем, и с питанием... Ездил в Москву за литературой для наших частей...

Трудно начиналась мирная жизнь воинских частей, прибывших с запада. Но учебу личного состава надо было как-то вести, да и жизнь устраивать.

Я был один. Жил в гостинице, питался в столовой при штабе округа. На фронте нам жить было легче: о еде не думали. Мне было 26. И здесь, в Ташкенте, повстречалась мне девушка, поразившая меня. И завязалась дружба. Это была Зоя Баранова, из Вятки, с нашего Севера (моя прежняя любовь не выдержала времени, вышла за другого..., четыре года войны – это для юности много...) И студентка САГУ (Среднеазиатского государственного университета) стала моей женой. Образовалась семья.

А встреча с девушкой из Вятки (Кирова) была случайностью, счастливой случайностью. Работая в штабе округа, как уже говорил, я оказался один: старых знакомых по 1-й ударной рядом не было. Шафранский жил своей жизнью, Федор Бреус был уже на гражданке, а с другими офицерами из штаба артиллерии округа у меня дружбы не было. И вот как-то одним вечером я оказался у входа в драматический русский театр. Две молодые женщины мне предложили

лишний билет. Я купил – и вот сижу среди этих молодых женщин. Одна – помоложе, с косами (ах, вы косы, мои косы!..), с внимательным озорным взглядом. Смотрели постановку «Юпитер смеется». От виденного на сцене ничего в памяти не осталось, но запомнилось, как падала фанерная стена-декорация. А потом – перерыв. Вот тогда-то и произошло наше знакомство. Из театра артиллерийский капитан проводил соседок до дома. А жили они в большом доме за Анхором. А следующий визит к сестрам, Августе и Зое, я сделал уже с подарком: получил дополнительный офицерский паек (двести граммов сливочного масла и пачку печенья; я не курил, и пачку печенья мне дали вместо пачки папирос).

За общим столом мы приятно и весело посидели, выпили по стакану чая, а к чаю – печенье с маслом. Потом дружба перешла в любовь, и мы поженились. Моя милая Зоенька не раз, смеясь, говорила: «Полюбила капитана за печенье с маслом. Ох, и вкуснятина!» Это было, действительно, вкусно: ведь жизнь послевоенная для многих-многих была полуголодной.

Мы (Зоя и я) зарегистрировались. Мне дали комнатку на Шелковичной улице, около старой крепости. Конечно, в комнате у нас ничего-ничего не было, да и в карманах пусто. Но жили, радовались жизни.

Как-то раз из командировки в Казахстан я привез Зое большой-большой букет степных красных тюльпанов. Сколько было радости у Зои и у меня! Паек я получал, она тоже получала 600 граммов хлеба. Что-то еще было. Жили надеждой: завтра будет лучше. Мы жили при социализме, всенародном «благополучии». Да, да Усман Юсупов – секретарь ЦК партии коммунистов Узбекистана – имел все, что хотел, а на свадьбу дочери пригласил сотни гос-

Зоя Баранова и Александр Любимов. Ташкент, 1945 год

тей. Всем хватило и вина, и угощений. У нас свадьбы не было, а вот таз алюминиевый мы купили – и радовались: первая вещь, купленная нами! Каково!

И еще была у меня мечта: демобилизоваться и вернуться на родной Урал. Ведь до войны я закончил три курса пединститута в Молотове. Буду учителем. Зоя, лучше знавшая жизнь, отговаривала:

– Служи Саша, служи. На гражданке трудно.

Но я не послушал и ушел из армии. Конечно, я знал, что будет трудно, но верил в себя, в нашу действительность... Я ж ушел добровольцем защищать Отчизну и, кажется, хорошо служил Родине, Партии, в ряды которой встал на фронте. Мечты, мечты!

Я снял погоны и пошел искать работу. Документ о службе в армии – пожалуйста; на груди, на гимнастерке, – ордена и медали. Был и документ об окончании трех курсов в пединституте. Пришел в горно города Ташкента с заявлением: «Прошу принять на работу учителем» – и документы приложил. Инспектор горно прочитала и спокойно ответила: «Место учителя русского языка есть, но у Вас нет стажа... Придите через неделю...» Пришел через неделю – и тот же ответ. Я помялся, помялся и сказал:

– Я воевал, а Вы тут стаж зарабатывали... Как прикажете жить?

Чиновница горно со стажем встала и ушла. Вот так-то, дорогой защитник. А жить надо. Есть надо. Знакомых нет... Выручила Зоина сестра Августа Климентьевна:

– Иди, Саша, работать учителем в узбекское ремесленное училище, где я работала.

– Я же узбекского языка не знаю.

– Ну и что: мальчишки-узбеки все говорят по-русски. Пойдем. Я говорила уже с мастером.

И я пошел работать учителем русского языка в узбекское ремесленное училище. Спасибо мастеру-узбеку, который дал русскому фронтовику работу в узбекском училище, спасибо мальчишкам-узбекам, которые усердно учили русскую грамматику на русском языке... Это не сказка, быть...

Но одна группа – часов мало. Нашел работу в вечерней школе. Здесь работать было сложнее: одни шли учиться, другие время провести... А Зоя училась в университете... И того нет, и другого нет. За хлебом очередь, и дают по карточкам. Мясо – только на рынке. Сладостей не было... Зоя практику проходила в подсобном хозяйстве, за городом. Домой везла арбуз. А была в положении...

Надо жить...

Родился сын – радость. Еще труднее стало жить. Помогал Иван Климентьевич – брат Зои. Он был начальником треста при Министерстве сельского хозяйства. Дело имел с каракулем. Поедет на юг – везет мешок-два шкурки. Один – в Москву, в Министерство сельского хозяйства.

– Зачем, Иван, в Москву шкурки каракуля? – спрашивал я. Он улыбнется и скажет:

– Поживешь – узнаешь. Надо в министерстве кое-чего получить – вот и везу.

А министром сельского хозяйства был член Политбюро А. А. Андреев – один из близких соратников Сталина. Иван Климентьевич Баранов жизнь знал, управлял трестом, а утился в одной небольшой комнате. Каракуля в доме не было. Значит, второй мешок шкурки нужен был местным «нужным» людям: не подмажешь – не получишь. «Поживешь – узнаешь».

Наш сын Вадим, названный в память моего друга Вадима Чекулаева, погибшего под Сычевкой в конце 1942 г., заболел, и вылечить его мы не смогли. Схоронили его на ташкентской земле... Зоя тяжело переносила потерю первенца и заболела сама... И мы оставили благодатную землю Узбекистана...

Война для нас, фронтовиков, ушла в прошлое. Начиналась борьба за выживание в обычных условиях жизни, сложная, тяжелая борьба. Попал под колесо судьбы и Шафранский. Искатель милых женщин, он оказался в больнице... Гриша Ладыгин вернулся на Кубань, в родную станицу. Мы уехали на Урал, я стал учителем сельской школы. Потом осели в Кирове.

Трудно сложилась жизнь, трудно, как и у многих защитников Родины, а родная партия вспоминала о нас лишь, когда надо было платить членские взносы... А инвалидам войны жилось еще тяжелей, чем нам, у кого руки и ноги остались целы. Я уже вспоминал о неприятной встрече с Мустафой Айсиним. Помню и встречу с моим ровесником из села Аятского Иваном Павловичем Клементьевым. Он пришел с войны без ног... Освоил профессию сапожника.

– Руки есть, а ноги – ног нет. Стучу, подшиваю. На хлеб хватает. Огород, коровенку держим...

Давно, давно Иван Павлыч Клементьев ушел из жизни, и, наверное, уже и холмик над его могилой сравнялся с землей. Лишь дом, в котором он родился и вырос, стоит. Как памятник ушедшим поколениям...

Трагедия 33-й армии

Истинное мужество начальника заключается в его готовности взять на себя всю полноту ответственности за судьбу тысяч солдат, за все войско.

И. И. Людников, генерал армии.¹

Уже на исходе жизни, кажется, в 1996 году, нас, защитников Москвы, пригласили на встречу в здание Кировской городской администрации. Пригласил городской совет ветеранов. Это, конечно, для нас праздник. Как же, как же, вдруг вспомнили, что в городе Кирове есть еще живые защитники Москвы!

Среди приглашенных был и я, Любимов Александр Степанович, пенсионер, когда-то учитель школы №10, потом 19 лет работал в школе рабочей молодежи при 7-й колонии. Школу (ШРМ) расформировали – и всё, о нас забыли. А тут вспомнили. И вот я явился в здание Кировской городской администрации. Приглашенных, как и раньше, при Сталине, регистрируют. Показал пригласительный билет – отметили. Знакомых – никого. Решил поискать, авось, кто-нибудь служил в 33-й армии, сражался под Наро-Фоминском. И, действительно, я встретил бывшего воина-артиллериста из 33-й армии. Оба обрадовались: два живых представителя одной армии живут и топчут Вятскую землю. Конечно, разговорились о тех далеких днях 1941 года, о боях на Наре-реке.

Моим собеседником-товарищем по 33-й армии оказался Петр Васильевич Шипулин, как и я, пенсионер, а до выхода на пенсию – музыкант, преподаватель 1-й музыкальной школы города Кирова. П. В. Шипулин – вятский, родился в 1920 году в городе Вятке, в семье бывшего земского служащего. Здесь, в Вятке, прошло его детство, здесь он учился, рос, занимался спортом. А потом армия, Отечественная война...

109 гаубичный артполк, в котором П. В. Шипулин проходил армейскую службу, был направлен на фронт, участвовал в оборонительных боях на Десне...

С боями отходил на восток, и в конце октября 1941 года полк оказался под Наро-Фоминском и своим огнем поддерживал 222-ю стрелковую дивизию – северного соседа 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии. Петр Васильевич, когда заговорили о 109-м артполке, с грустью добавил: «Работы было мало: 1 – 3 сна-

¹ «Дорога длиною в жизнь». М., 1969. Стр.118.

ряда на орудие в сутки. Я был радист. Все время на НП с командиром батареи Казанкиным. Снарядов нет, а пехота требует огня. Грустно, но так: полк без работы, а тут танки...»

Маршал Жуков в книге «Воспоминания и размышления», на странице 357, пишет: «Вероятно, трудно будет поверить, но нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов – 1 – 2 выстрела на орудие в сутки». И это в ноябре – декабре 1941 года, когда немец рвался к Москве.

И я вспомнил эти суровые дни под Москвой. Я служил в 25-м ОГМД, который был придан 1-й Московской дивизии и своим огнем поддерживал ее стрелковые батальоны, бил по скоплениям немцев. Борис Готовцев, в то время командир огневого взвода 1-й батареи нашего дивизиона, в своих воспоминаниях пишет:

«У нас, в дивизионах РС, вопрос о снарядах не стоял. А в некоторые дни артиллеристам (ствольникам) разрешалось израсходовать 1 – 2 снаряда на орудие в сутки. Наш же дивизион получал боеприпасы более щедро, и командование дивизии (Московской дивизии) полностью использовало его огневую мощь».¹

Да, ствольная артиллерия до самого 1945 года испытывала острый недостаток в снарядах (об этом пишут в своих книгах и генерал-полковник Сандалов, и Хлебников, и Белобородов, и другие). Все это сказывалось и на результатах боевых действий армий, на потерях личного состава стрелковых частей. Горько, но факт. Конечно, это просчет правительства, Ставки, Генерального штаба Красной армии.

1 – 4 декабря 1941-го года немцы прорвали оборону 222-й стрелковой дивизии, немецкие танки двинулись на Головеньки и Акулово. 109-й полк, в котором служил П. В. Шипулин, своим огнем сжег много немецких танков и закрыл дорогу на Обухово. Затем, в декабре – январе, полк принимал участие и в наступательных операциях 222-й дивизии. Но и тогда артиллеристы были ограничены в снарядах.

После освобождения Вереи дивизии 33-й армии двинулись на Износки – Захарово. Под Захарово армии удалось прорвать фронт немцев, и по приказу командующего Западным фронтом три ее дивизии двинулись на Вязьму, сметая немецкие заслоны. Однако генерал Ефремов недооценил силы врага, не прикрыл фланги, хотя и понимал, что немцы могут отрезать ударную группу дивизий от ее тылов. Юлия Капусто, автор книги «Последними дорогами генерала Ефремова», участница того похода, пишет: «Подсечь узкий клин

¹ Готовцев Б. «Вышли на фронт “катюши”». Стр. 74, 75.

под основание (помню это выражение еще с той поры) и начать перемалывать передовые части 33 армии противнику не составляло никакого труда». Этому губительному походу дивизий 33-й армии способствовали, как-то: командующий Западным фронтом генерал Жуков, Ставка, лично Сталин.

Генерал Жуков 17 января, еще до освобождения Вереи, приказал генералу Ефремову организовать поход под Вязьму и тут же, после освобождения Вереи, 19-го января, передал 1-ю гвардейскую Московскую дивизию в 43-ю армию, приказав ей перебазироваться под Медынь, а затем наступать на Мятлево и Юхнов. Что 1-я Московская дивизия и сделала. В это же время Ставка (сознательно и бессознательно), после освобождения Клина, вывела из состава Западного фронта в резерв Ставки 1-ю ударную армию.

«19 января поступил приказ вывести из боя 1-ю ударную армию в резерв Ставки. И я, и В. Д. Соколовский звонили в Генштаб, просили оставить у нас 1-ю ударную армию. Ответ был один – таков приказ Верховного. Звоню И. В. Сталину. Слышу: “Выводите без всяких разговоров”. На мое заявление о том, что вывод этой армии приведет к ослаблению ударной группировки, он ответил: “У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий”. Я сказал, что фронт у нас очень широк, что на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключаящие возможности перегруппировок, и просил до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага. И. В. Сталин вместо ответа положил трубку. Переговоры с Б. М. Шапошниковым по этому поводу также ни к чему не привели:

– Голубчик, – сказал Б. М. Шапошников, – ничего не могу сделать, это личное решение Верховного».

Вот такие дела. Не верить Г. К. Жукову нет оснований. 19 января дивизии 33-й армии вошли в прорыв фронта и двинулись к Вязьме, и 19 января Сталин вывел из состава Западного фронта 1-ю ударную армию, ослабив силы фронта под Вязьмой. Что это? Жуткие мысли лезут в голову...

В походе на Вязьму участвовали и артполки, в том числе и 109-й гаубичный. Снарядов нет, а 152-миллиметровые гаубицы – под Вязьму, в прорыв?

Почему же командующий Западным фронтом приказал 33-й армии двинуть свои дивизии под Вязьму? По узкому проходу без прикрытия флангов? Очевидно, и Ставка, и командующие Западным и Калининским фронтами надеялись на успех Вяземской воздушно-десантной операции, проводимой с 18 января.

«Цель – содействовать войскам Западного и Калининского фронтов в окружении и разгроме основных сил группы армий “Центр” в районе Ржева, Вязьмы, Юхнова, Гжатска. Операция проводилась по решению Ставки ВГК силами 4-го воздушно-десантного корпуса (так было задумано), 201-й воздушно-десантной бригады 5-го воздушно-десантного корпуса и 250-го отдельного сп. Однако 18 – 22 января в ночное время была десантирована в тыл врага в районе Знаменка,

Луга, Желанье (южнее Вязьмы) только 201-я воздушно-десантная бригада и десант 250 отдельного сп. Десантники перехватили и удерживали важнейшие пути в тылу Юхновской группировки врага, чем способствовали наступательным действиям 1 гвар. кк. и 33 армии».¹

После 19 января, когда Сталин приказал вывести из состава Западного фронта 1-ю ударную армию, генералу Жукову стало ясно, что 33-я армия попала в трудное положение: группировка Западного фронта, наступающая на Вязьму, была ослаблена и помочь 33-й армии не сможет. Он решает перебросить из района Истры 9-ю гвардейскую дивизию Белобородова. 27 января, утром, полковник Белобородов получил приказ перебазироваться в район Медыни (150 км за четверо суток). Холод, снег, метель. Стрелковые полки пришли в Медынь, когда артполки были еще в районе Вереи. В Медыни Белобородов получил новый приказ: 9-я гвардейская дивизия включена в состав 33-й армии. Штаб армии – в Износках.

«В штабе 33 армии я получил приказ ввести дивизию в прорыв, чтоб в составе ударной группы 33 армии наступать на Вязьму».

Умный, боевой генерал Белобородов приказал стрелковым полкам двинуться на Вязьму, а у села Захарово, для прикрытия основания прорыва, оставил стрелковый батальон, которому приказал держать оборону. Сам же с комиссаром Бронниковым на лошадях поскакал под Вязьму. Нашел генерала Ефремова и получил от него приказ:

– Завтра наступаем на Вязьму, вот и ваша полоса.

– Дивизия не успеет занять исходное положение. Только батальон лыжников, пожалуй, успеет.

Ефремов согласился.² Белобородов с комиссаром пустились в обратный путь. А по бокам прорыва постреливают. Слышится шум моторов. У села Замыцкое встретили 131-й стрелковый полк. Комдив приказал: в походе быть готовым к бою. А у Захарово уже шел жестокий бой с наступающими немецкими войсками.

И тут новый приказ: 9-я гвардейская передается в 43-ю армию. А у Замыцкого и у Захарово идут бои. Белобородов приказал полкам выйти из прорыва. Полки с боями вышли из окружения. Только два батальона продолжали биться в окружении (они присоединятся к дивизии позднее).

«Итак, боевые действия нашей дивизии, как и всего правого крыла 43 армии, теперь были тесно связаны с ситуацией, которая

¹ «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.» Энциклопедия. М., 1985. Стр. 197.

² Здесь и далее использованы и процитированы воспоминания Белобородова «Всегда в бою» (М., 1984. Стр. 116 и др.).

сложилась в группе Ефремова под Вязьмой», – заключает свое описание похода под Вязьму генерал Белобородов.

А что случилось под Вязьмой? 1 февраля дивизии 33-й армии и 1-го кавалерийского корпуса завязали бои за Вязьму. В этих боях принимали участие и артполки, в том числе 109-й гаубичный. П. В. Шипулин помнит, что он был на НП полка и что в начале боев наши части несколько продвинулись вперед. Но немцы ввели в бой танки, а у наших артиллеристов уже снарядов не было. «Пехота требовала огня, а командир полка подполковник Степаненко отвечал, что снарядов нет. Наши части вынуждены были отступить, отступил и 109-й гаубичный артполк. Полк ушел в какую-то лесную деревушку. А дела 33-й армии с каждым днем ухудшались: снарядов нет, горючего нет, с питанием плохо. Хлеба выдавали по 100 – 200 граммов в день на человека, и не каждый день. Правда, наши самолеты прилетали, привозили газеты, патроны, хлеб, а на обратном пути увозили раненых», – вспоминает П. В. Шипулин. Хлеба, конечно, не хватало. Начался голод.

«У крестьян до нас забрали все немцы, так что питались тем, что найдем. Ели зерно, оно в животах распухало. Желудок вздувало. Некоторые умирали. Споткнувшуюся лошадь тут же добивали, а мясо тащили по домам... Солдаты были недовольны бездействием командиров. Спрашивали и командиров, и политработников: “Почему мы не идем на прорыв к своим?” Политработники отвечали, что придет нам помощь, что мы не можем оставить территорию немцам... Голодали... Ели, что найдем. Найдем старую кость – грызем... А из нее сукровица сочится...»

Понимал и генерал Ефремов, что дивизии его армии без снарядов, без горючего, бойцы голодают. Он просил генерала Жукова, чтоб ему разрешили пробиваться к своим, но разрешения не получил. Ефремов дважды разговаривал и со Сталиным, просил его разрешить ему идти на прорыв к своим, но Сталин просил Ефремова потерпеть, обещал помощь. «Михаил Григорьевич, голубчик, вы потерпите. Мы вас не оставим».¹ И командарм ждал. Сталин, Сталин обещал помощь...

А жить становилось все труднее. Солдаты голодали. Немецкие самолеты бомбили лесные деревни. Петр Васильевич помнит, как попал под бомбежку дом, в котором он жил со своими друзьями-офицерами. Командир батареи Казанкин и его друг были ранены, сам П. В. Шипулин был контужен, но нашел в себе силы и по-

¹ Капусто Ю. Стр.51.

шел искать повозку для доставки раненых офицеров к месту посадки самолетов. Помог товарищам сесть в самолет, а сам остался. «Они улетели в Москву, а я поехал в деревню, где была часть». Как добрался до батареи, он не помнит. Дома не было, кругом кресты, могилы...

Что солдаты Ефремова голодали, подтверждает и главный хирург 33-й армии И. С. Жоров. Его статья «В тылу врага под Вязьмой» опубликована в «Военно-историческом журнале».¹ «В армии начался тиф».

А немцы все сильнее сжимали кольцо окружения. Голодные дивизии истекали кровью. Больных и раненых некуда было девать. А Ефремов все не шел на решительные действия. В начале апреля немцы загнали ослабленную армию в Шпыревский лес. Но и темный лес не спасал: вражеские бомбардировки не прекращались, били минометы и артиллерия. А тут еще оттепель. Лишь тогда Жуков, понимая тяжелейшее положение 33-й армии, дал приказ на выход к своим через партизанские районы (сперва на юго-запад, потом на Щекино и Киров).

Но Ефремов посчитал, что его армия не сможет выдержать путь к своим через партизанские края: далеко и дорога трудная, через болота и леса. Он решил идти на Угру, через Буславу, Шумихино, Новую Михайловку. И все лесом! С этим предложением он обратился к Сталину. Верховный внимательно выслушал объяснения генерала Ефремова, подумал и сказал: «Я понимаю вас, товарищ Ефремов. Идите к Угре. Я прикажу Жукову, чтобы вас встретили у Новой Михайловки. Желаю успеха».

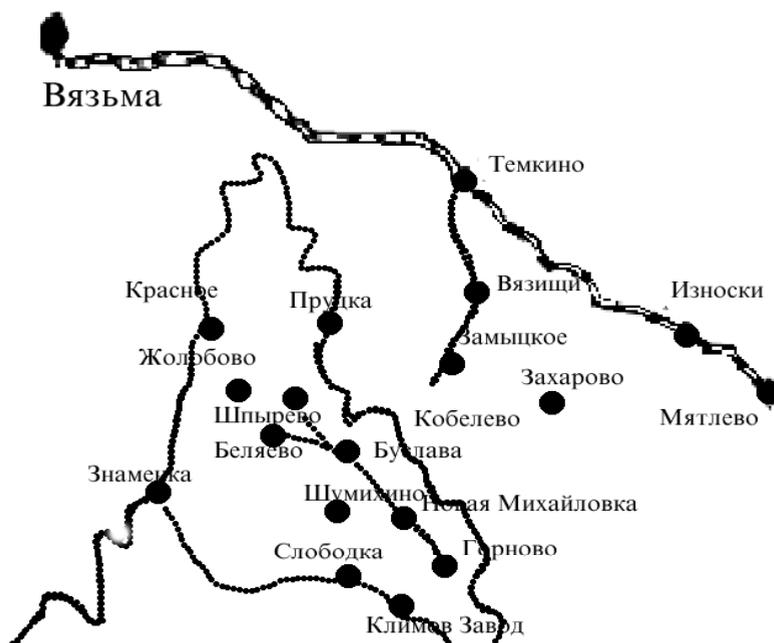
Ефремов повеселел. 11 апреля собрал всех командиров отрядов и объявил приказ: 14 апреля идем на прорыв, к Угре: Беляево – Буслава и дальше на Михайловку. Там нас встретят свои...

А весна свое брала: пригревало, началась потайка снега, снег стал тяжелый, мокрый. А солдаты и офицеры – в валенках, полушубках. Каждому из запасов выдали по 200 граммов колбасы, по горсти – две зерна. В середине колонны – обоз с больными и ранеными.

14 апреля 1942 г. пошли на прорыв. Шли колоннами. Головную возглавил сам командарм, окруженный командирами. Рядовой Родион Коновалов, участник этого похода, вспоминает: «К дороге (Беляево – Буслава) шли широкой лавиной метров на пятьдесят». Юлия Капусто в своей книге утверждает, что немцы знали о движении

¹ № 6, за 1965 год.

колонн остатков дивизий Ефремова (в близком окружении генерала был предатель, который сообщал о всех передвижениях Ефремовской армии). Следопыт Александр Краснов, много сделавший для восстановления правды о последних днях погибшей в Шпыревских

К юго-востоку от Вязьмы (схема)

лесах, в Новой Михайловке, Горново и на берегах Угры армии, называл и фамилию этого предателя, но писательница заменила ее, назвав его Бездымным (у него были дети, а дети не виноваты, не отвечают за поступки отцов).

Немцы подготовились к встрече. Они пропустили часть колонны Ефремова, а затем огнем минометов, артиллерии, пулеметов стали уничтожать колонну по частям. Это был ад. Стали перебе-

гать дорогу. Сам Ефремов прошел через дорогу в полный рост, поднимая тех, кто хотел ползти: чем скорее минуешь дорогу – тем лучше. Сержант Терешин пишет сыну погибшего здесь во время прорыва из Беляева в Буславу офицера Митягина:

«Мы были обречены. Мне все было безразлично... Генерала Ефремова я видел во время боя в предутренний час. Он стоял вокруг командиров и громко крикнул: "Товарищи командиры! Наведите порядок!" Это был ад... Не знаю, отколы били минометы, но мины летели и рвались над нами... Трескотня автоматов, визг пуль, стоны – все слилось во что-то страшное... Повсюду теснили нас... Ведь немцы узнали, что именно здесь мы идем на прорыв... Но что мы могли делать против врага, вооруженного до зубов? Мы только могли капитулировать, но мы этого не сделали, а пошли на расстрел. Зато исполнились чаяния жулика Сталина... Прости меня, но я пишу сыну своего однополчанина, который пал жертвой на поле боя».¹

П. В. Шипулин, мой знакомый, был при прорыве в группе Ефремова.

– В районе Буславы, при выходе на поляну, услышал крик: «Убили генерала!» Крик повторился. Выстрелов не слышал. Наша группа, с которой я шел, человек 10 – 15, ушла в лес.

Долго блуждали. Идти было трудно. Ноги мокрые. Шли в валенках. Ступишь в снег – под снегом вода. Но мы шли на восток, к Угре. Шли, держась друг за друга.

– А чем питались? – спросил я его.

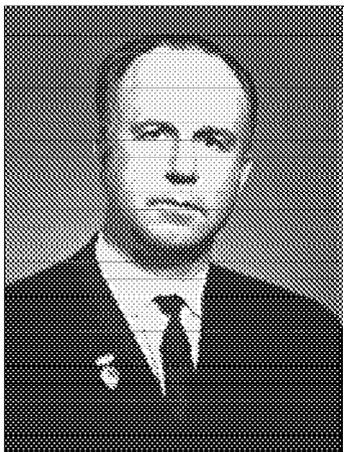
– У двоих в группе был шоколад. Полные мешки из-под противогазов. Шоколад они взяли со склада, где был штаб, когда уходили в лес. Этим шоколадом и подкреплялись. И вот вышли к Угре. Угра вскрылась. Построили плот (рядом был домик, мы его разобрали). Поплыли, но река прибила плот к берегу, от которого мы оттолкнулись. Плыть дальше – сил не было. Мокрые, прозябшие, голодные, мы углубились в лес. Несколько дней блуждали. Вышли в Слободку, а в Слободке – немцы... Мы в лес. Нас окружили овчарки. Сопротивляться не могли. Оказались в плену. В Слободке, около церкви, был похоронен командующий 33-й армией, а в церкви – пленные, тифозные, больные. Все вместе...

Пленных немцы сортировали. Молодых, покрепче – в одну колонну, слабых, больных – в другую... Нас кормили и, когда немного окрепли, отправили на запад. Как-то кормили и в дороге... Я оказался в Италии, под Римом.

У меня был друг, Миша Нескоромный, из Воронежской области. Мы держались друг друга. Крепкий парень был. В Италии нас немцы вели куда-то. Рядом горы. В горах – партизаны. Встретили

¹ Капусто Ю. Стр. 170.

итальянца, молодого парня. Итальянец подал знак, как бы звал к себе... Мы с Мишей решили идти к итальянцу... Попросились в лесок, по нужде. Там и встретили итальянца... Попали в партизанский отряд. Отряд находился в горах... Немцы в горы не ходили, боялись... Мы иногда делали вылазки, давали знать немцам о себе.

Шипулин Петр Васильевич

Был случай в горах: мы с Мишей встретили двух немцев. Нос – в нос. Мы первыми выстрелили – и немцы на земле. Первое, что мы сделали, – сняли с немцев ботинки. У них ботинки добротные, у нас – плохие, подошва деревянная... стучит, стучит. Ботинки немецкие нам пришлось. Я снял с убитого немца и часы, швейцарские...

Петр Васильевич положил на стол швейцарские часы (наш разговор был в квартире Петра Васильевича).

– Идут, – сказал мой товарищ, – идут... Но я их редко надеваю...

Убитых немцев закопали. Нельзя было оставлять трупы: найдут немцы трупы своих – всю деревню сведут...

Когда пришли американцы, мы с Мишей решили добираться до дому. Спустились с гор. Нашли американцев. Они предложили идти к ним – мы просились в Россию. Но нам сказали: «Отправить не можем...» Мы снова ушли в горы. Я жил у крестьянина-итальянца, сын которого Петро был в России. Туда отправил его Муссолини. Там он и пропал. Крестьянин этот просил меня написать письмо в Красный крест, чтоб помогли отыскать сына. Написал два письма – ответа не было.

Закончилась война. Я и Миша Нескоромный решили ехать в Россию, домой. Одна мечта была – попасть домой. Когда об этом узнали в деревне, то попрощаться нас приглашали в каждый дом и всюду угощали. Все лучшее – на стол. В каждом доме побывали, и все нам желали удачи, счастья, возвращения к родителям... А перед отправкой мой хозяин взял шапку и пошел по деревне. Принес мне полную шапку денег. «Возьми, Петро, на дорогу. Это от всех нас». Я взял деньги. У меня сохранилась одна бумажка.

Он порылся в папке и достал красненькую итальянскую бу-

мажку достоинством в 500 лир...

– Хорошие это были люди. Всем миром нас провожали. Мише тоже шапку денег подарили...

Когда спустились с гор, снова оказались у американцев. Американцы нас приняли. Хорошо кормили. В бане помыли, одели во все новенькое: и белье, и гимнастерки, и брюки. Дали в дорогу две пары белья, два одеяла, сумку, а в ней все: и мыло, и паста, и зубная щетка, и несколько полотенец... Все-все, что надо, и все новое. И питание на дорогу выдали.

Офицер, который нас отправлял к советским, спрашивал: «Может, у нас останетесь, а? Дядя Джо (Сталин) вас не пожалеет. А у нас, в Америке, жить будете хорошо». Мы отвечали: «Нет, нет. Мы на Родину».

И передали нас советским. И тут началось... Хуже, чем у немцев. Выстроили нас, кого передали американцы. Советский офицер сказал: «Все документы изорвите и бросьте, чтоб хуже вам не было». И мы, простаки, все разорвали. А у меня был документ, что я был в итальянском Сопротивлении. Я тоже все уничтожил. Нас построили и погнали в Россию. Идем. Встретился джип. Остановился. Вышли военные, русские.

– Кого ведете? – спросили они конвоиров.

– Пленных, американцы передали.

– Вещи на землю, а сами – три шага вперед!

Мешки перерыли, что получше – забрали, и в машину. Уехали. Мы собрали вытряхнутое в мешки. Белье, одеяло у меня забрали. И так было не один раз.

Потом нас фильтровали. Меня – в Донбасс, в трудармию. Я объяснил, что в плен попал – был больной, из 33-й армии. Других направили в другие места. Тогда я и расстался с Мишей Нескоромным.

Я Мише Нескоромному написал два письма, его матери. У меня адрес был, – и Петр Васильевич показал мне свою записную книжку, выданную американцами перед передачей русским. Деталь незначительная, но о многом говорит.

– Но ответа не получил... Обещал писать... Я год работал в трудармии. За мной приехал мой старший брат Василий. Он был капитаном милиции, служил в Москве. Некоторое время я жил у него, а потом – в Киров. Здесь и живу с Еленой Дмитриевной. Мы вместе с ней учились. Вырастили дочь. Живем...

Помолчав, Петр Васильевич добавил:

– А плен за мной все тянется. Я был известным преподавате-

лем музыки. Не раз приглашали меня на работу в воинскую часть. А я им говорил: «Вам хлопот прибавится: я был в плену» – и они уезжали, обещая переговорить с начальством и снова навестить меня, но так и не появлялись... Вот такие дела... Да и сейчас на торжества в честь Победы не приглашают.

Не приглашают на торжественные собрания и меня, хотя я в плену не был. Как-то знакомая достала приглашение на торжества. Все одни и те же, кто ближе к начальству... Рука руку моет. Я тебе – ты мне.

Я просил Петра Васильевича написать воспоминания – за плечами большая жизнь... Отказался: память плохая...

Спросил его и о командарме.

– Я его не знал... Немцы генерала Ефремова похоронили в Слободке, у церкви, с почестями... А в церкви держали пленных вместе с больными тифом... Мертвых выбрасывали в овраг, за церковью... На наших глазах расстреляли красноармейца за то, что на рукаве его гимнастерки виднелась невыцветшая звезда. «Комиссар, комиссар!» – и расстреляли. При мне же расстреляли красноармейца, который показался им евреем. «Иуда! Иуда!» – и хлоп. А генерала Ефремова похоронили с почестями... В Вязме ему памятник. А сколько погибло? От нашего арtpолка никого не осталось... А сколько пережито, сколько горя, слез, мучений...

Юлия Капусто, кропотливо собиравшая материал о последнем походе генерала Ефремова, пишет, что единого мнения о дне смерти командарма нет: 14, 15, 19... апреля. Но все утверждают, что он был тяжело ранен и, не желая попасть живым к немцам, застрелился. Мне кажется, что он плена не боялся, а вот суда боялся: армия погибла, а он – командарм. Мог же он до этой мысли прийти?

Личная жизнь генерала не сложилась... Жена ушла к другому и сына взяла. И жил он один, хотя и высокие должности занимал... Мать жила в деревне, на Смоленщине. Там и осталась при немцах. О матери он думал, да и сын из головы не уходил... Друзей у генерала тоже не было... Были встречи, к некоторым тянулся, больше к тем, кто ниже его по службе. А с членом Военного совета Ведерниковым не дружил, да и с мнением подчиненных командиров дивизий, полков не считался...

33-я попала в окружение, находилась в тяжелейшем положении... Надо было искать выход, и член Военного совета в то время был с командармом в одних правах, но, очевидно, власть свою генерал Ефремов ни с кем не делил, а сам не решался взять на себя ответственность и ждал приказа сверху... А конец известен: 33-я

армия погибла, но не сдалась... Солдаты и командиры остались лежать в смоленских лесах, кого-то захватила Угра... И командарм, честолюбивый, должен был думать о своей армии... И хлопнул себя, не стал ждать суда... Так я думаю.

Армия не заметила гибели командарма. Толя Сизов, мальчишка 15 лет, тоже был в колонне Ефремова. Когда тот бой переместился от дороги в лес, мальчик увидел командарма, прислонившегося к сосне, на опушке. Рядом с ним – комиссар поодаль – еще несколько человек лежало на снегу. А тут немцы – идут и стреляют. Все, кто был рядом, уткнулись в снег, а Толя смотрел на генерала. А тот не может подняться. Видит Толя, что генерал достал пистолет, поднес к виску и – бах. Толя тоже уткнулся в снег. Немцы никого не жалели, стреляли в каждого лежавшего. А когда ушли... Жив, жив!.. Толя поднялся, посмотрел на генерала... «Мертвый, мертвый наш генерал...» Толя вдруг закричал: «Есть ли кто живой?» – «Я, я живая!» – ответила какая-то девушка. – «Поднимайся, пойдем вперед», – сказал Толя, и они двинулись в лес.

Командарм погиб, а отряды 33-й армии продолжали биться с врагом с еще большей яростью. Нашлись новые люди, которые повели бойцов в бой.

16 апреля генерал Голубев доложил Жукову, что с Ефремовым связи нет. Прорываются отдельные группы, переправляясь через Угру. Жукову стало ясно: дела плохие в 33-й. Он вызвал начальника связи и приказал спустить около Ново-Михайловки радиста с кодом и рацией, чтобы тот нашел генерала Ефремова и связал командарма с ним. «Делайте немедленно!»

Этим посланцем Жукова оказалась двадцатилетняя девушка Мария Козлова. Разум ей подсказал, что в деревни спускаться нельзя: вдруг там немцы? И она попросила, чтоб ее сбросили в лес: в лесу спокойнее. Дело было ночью. Парашют зацепился за дерево, но она сумела спуститься на землю – и тут же под деревом заснула. А утром – выстрелы. Встрепенулась, собрала вещи, рацию – на спину и пошла на выстрелы. Встретила своих, ей не поверили: штатское платье, девчонка, рация на спине.

– Я от Жукова, радистка. Мне генерал Ефремов нужен.

Солдаты смерили ее взглядами и сказали:

– Пойдем. Разберутся, кто ты есть. Может, шпионка. Ишь с косичками, остроглазая!

Когда сказали «шпион», у девчонки мурашки по коже побежали: хлопнут – и все.

– Я радистка от Жукова к генералу Ефремову.

– Иди, иди. Разберутся.

И они двинулись в лес... И вот она рядом со старшим лейтенантом.

– Взяли в лесу. Говорит, радистка от Жукова, требует генерала Ефремова. А может, шпионка. Кто поймет? Может, в расход?

– Постой, постой! Расстрелять всегда успеем. А ну, разворачивай рацию и давай Жукова, – сказал стоявший рядом со старшим лейтенантом. Мария обрадовалась, заспешила.

– Не спеши, не спеши... С Жуковым, говоришь? – спокойно сказал старший лейтенант. – Я с ним буду говорить.

Ей повезло. Связалась со штабом фронта. Там нашли Жукова.

– У аппарата Жуков Георгий Константинович.

– А я – радистка-парашютистка. Передаю трубку старшему лейтенанту.

– Командир полка, 1297-го, старший лейтенант Степченко.

– Говорит Жуков. Козлова Мария – моя связная. Она поможет вам, старший лейтенант, выйти к партизанам. Идите на юг – таков мой приказ. Дайте координаты, pošлю самолет с продуктами и патронами.

– Слушаюсь, товарищ Жуков. А связная передаст координаты для посадки самолета.

А вскоре сюда, к группе старшего лейтенанта, подошел и отряд подполковника Кириллова, который и взял на себя командование всеми отрядами, оставшимися от 33-й армии. Кириллов с боями уйдет лесами на юг, перейдет ночью большак, оставив позади пылающие костры. И немцы не раз будут бомбить эти костры, думая, что бомбят остатки 33-й. А отряд Кириллова будет уже далеко отсюда... Не раз прилетит в отряд и самолет от Жукова, привезет продукты и патроны.

670 человек Кириллов, Степченко и Козлова вывели к своим. Жуков пригласит Кириллова и Козлову на беседу, и в этом разговоре с командующим Кириллов скажет: «Когда в отряде появилась Мария с рацией, мне стало полегче...» А в конце разговора генерал Жуков подарит И. К. Кириллову полковничьи погоны: «Носите, полковник. Вы заслужили это звание».

И новопроизведенный полковник спросит командующего фронтом: «Почему Вы не пришли к нам на выручку?» И ничего не ответит генерал... И уже после беседы с М. А. Козловой, после вручения ей ордена Красного Знамени, Георгий Константинович, проводив радистку до дверей, вернется к своему столу, опустится на стул

и будет долго о чем-то думать.

«Не поверил мне, не поверил... А жаль, мог бы жить... А сколько людей загубил... И Верховный хорощ: “Ефремов – опытный командарм...”»

Так кто же виноват в трагедии 33-й и ее командарма генерал-лейтенанта Ефремова? Сталин, Жуков?

Сталин высоко оценил действия генерала Ефремова и поставил в его честь памятник в городе Вязьме.

А вот Жуков в своих воспоминаниях и размышлениях (стр. 357):

«Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы. Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника».

А вот из книги маршала Конева «Записки командующего фронтом» (стр. 518):

«Война постоянно отодвигает от командных постов тех, кто однобоко, механически понимал ответственность за порученное дело, порой примитивно выполнял приказы и потому терпел неудачи».

Конев ничего не говорит о трагедии 33-й армии, хотя, конечно, он знал об этом, и думал об этом, и сделал вывод: командарм – несет ответственность за судьбу армии, за все свои приказы.

Хорошо на вопрос ответственности командира ответил генерал Людников.

Этим ответом я начал эту главу, им же можно и закончить... «Истинное мужество начальника заключается в его готовности взять на себя всю полноту ответственности за судьбу тысяч солдат, за все войско». Генерал Ефремов этим мужеством не обладал, и погиб, и остался один...

Несколько дней назад, когда я, усталый, добрал до автобусной остановки в Зоновых – деревушке на северной окраине Кирова и тяжело опустился на скамейку, мой сосед-садовод, посмотрев на меня, спросил:

– Устал, старина? Наверное, жизнь нелегкая была, а?

– Войну прошел, да и после войны, и сейчас трудно-трудно живется...

И вдруг он задал совсем необычный вопрос:

– А что было бы, если бы немец нас одолел? Жизнь бы лучше была, а вы как думаете?

Вопрос был неожиданный... Он озадачил меня... Я посмотрел на соседа внимательно. Тот ждал ответа: вопрос озадачил и его самого.

А передо мной встала картина: голодные, выбиваясь из сил, бойцы и командиры 33-й армии идут на прорыв, чтоб жить, падают и снова встают и... многие, многие остаются лежать на мокром снегу, а другие идут и идут вперед...

– Этого не могло быть: мы очень хотели победы. Нет, этого не могло быть, – ответил я. Ответ, очевидно, соседа удовлетворил...

Командир стрелковой роты (Пузырь)

Мы с ним встретились в больнице. Оба больные. Меня с февраля по август все гоняли на исследования, а диагноз установить не могли. Вот и попал на больничную койку. Мне было около 82-х, ему где-то 76. Я был ходячий. Место дали на топчане, а впереди лежал живот, большой, большой, за животом – голова. Язык всё время работал, смачно пересыпая бранные слова с желанием выпить, ну хотя бы граммов 50. В палате никого.

Я долго слушал красноречие соседа и не утерпел:

– Любимов Александр Степанович, ваш новый сосед.

– Кто? Кто?

– Любимов Александр Степанович.

– Аркадий Иванович... В детстве Аркашкой звали.

Он забыл обо мне, и опять его язык начал отпускать мат с мечтой о водке: «Эх, если бы сейчас 100 граммов! Не принесет, не принесет...»

– Аркадий Иванович, Вы где начали войну? – спросил я его вдруг.

– На Ленинградском... Мы наступали...

– А со штрафниками встречался? – задал я ему необычный вопрос. И он с живостью мне ответил: «Я сам штрафник!»

Ответ звучал звонко, радостно, как высокое звание. Меня поразило, сколько радостного чувства вложил он в свой ответ: «Я сам штрафник!» Показалось, что он даже ожил, боль нам минуту прошла...

А я не унимался и, удивленный, тут же спросил:

– Как это Вас угораздило, в штрафники угадать?

– А я старшину прикладом автомата огрел. Он меня каждый день в наряд гонять стал...

Аркадий Иванович помолчал (может быть, боль напомнила).

– Я сперва в армии тихим, робким был... Ходил в наряд, а тут что-то нашло... Я и ударил его прикладом... И надо же... тут же появился ротный, сгреб меня и в трибунал отправил, а трибунал – в штрафной...

Он опять помолчал...

– А мне все равно было, – продолжал он после минуты молчания – в роте в атаку идти или в штрафном батальоне. Там и там смерть...

Он опять замолчал. Потом продолжил:

– В штрафном встретился хороший человек – командир бата-

льона. Он старше меня был. Расспросил меня о моих делах и сказал: «Здесь дурить нельзя. Плохо может кончиться!.. Будешь около меня: за обедом сходишь, окоп выроешь... В атаку вместе ходить будем... Коротенькими перебежками... Стрелять без промаха. Ты меня будешь прикрывать, а я тебя...»

Из штрафного я вернулся в свою роту, после госпиталя, с орденом... С орденом! – в его голосе опять зазвучала радость: из штрафного с орденом.

– Служил в той же роте... А вскоре мне ротный предложил пойти на курсы лейтенантов. Пошел, поучился. Вернулся и принял взвод. Затем дали роту, повысили в звании...

Он опять замолчал: не то боль прижала, не то что-то вспоминал... И тут явилась его жена. Женщина крепкая, интересная – а он рыхлый, больной... Мой собеседник – сразу все внимание к жене:

– Принесла, а?

– Что принесла?

– Я же просил. Шкалик... Так и знал... Ну что за баба! Проси не проси...

– Принесла, принесла...

Она выставила на стол какие-то бутылочки, фрукты... Герой затих, я пошел в коридор... Захотелось выйти в садик, отмерить круга три-четыре, посидеть на скамейке. А там и обед... Когда вернулся – героя моего не было. Через какое-то время он вернулся в палату чистеньким. Жена сводила его в душ, вымыла, передела в чистое бельё, и он занял привычное положение: лежал на левом боку, а живот рядом... Дремал... Его жена, собрав ненужное, попрощавшись с мужем и с нами, ушла.

Спал ли, дремал ли он, но вдруг заговорил, вспоминая военные дни:

– А знаешь, Александр Степанович, в атаку я ходил... в одной руке пистолет, в другой – дрын. Бежишь – а впереди торчит один зад, голова в земле. Подбежишь, огреешь по мягкому месту – вскакивает, вскакивает и бежит вперед.

Помолчал и добавил:

– В меня не стреляли. Дожил до победы. В Германии остановились... Война закончилась. Наша дивизия остановилась в каком-то немецком городке. Любопытно было посмотреть на немецкую жизнь... Магазины все раскрыты – бери, что надо. Мой отец десять посылок домой послал. Ну, и я приволок рюкзак и мешок барахла...

В конце войны Верховный разрешил фронтовикам (солдатам и офицерам) слать родным посылки. Многие слали... Я не послал ни

одной.

...Он опять замолчал, а может, начал засыпать...

– После войны закончил юридический... Работал прокурором, потом в милиции. Пенсию хорошую заработал. Плохо, что ноги не ходят...

Вот таков был рассказ командира стрелковой роты. Я ему поверил...

Шли дни. Меня пичкали лекарствами, ставили капельницы, а болезнь оставалась... Нет-нет и опять трясет. А сосед все лежал, жаждал выписки. «Пользы мало, а дома дела найдутся...» – и койка освободилась.

На его место пришел новый больной, знакомый командира роты. Я пересказал ему воспоминания Аркадия Ивановича. Он выслушал и изрек: «Брешет: штрафников в милицию не брали». А потом добавил: «Выпить любит и сказки рассказывать мастер».

Вскоре выписали и меня. Не установив диагноз болезни. «Делать Вам у нас нечего», – сказала Елена Ивановна. К тому же другая молодая женщина-врач по кожным заболеваниям признала у меня чесотку. Я, действительно, чесался. Зуд страшный. Сам пошел к кожному, чтоб что-нибудь прописали. А та: «У Вас чесотка». Чтоб не церемониться с ветераном, 82-летним стариком. Прекрасный повод избавиться от больного с непонятной, прогрессирующей болезнью и таким ненадежным возрастом. Чесотки у меня не было (это они позднее сами признали), но диагноз этот выдуманный как бы узаконил их действия, мою выписку... Вот с такими недобрыми мыслями я возвращался домой.

И вдруг встреча: впереди два старика. В одном я узнал знакомого по палате. День был солнечный, и бывший ротный спешил в театральный сквер. Видно было, что спешил.

– Здравствуйте, Аркадий Иванович!

– Здравствуйте, здравствуйте.

– Куда спешите?

– В сквер, на солнце погреться.

– А как ноги?

– Гири, гири, но шлепаю...

Он, действительно, шлепал в домашних тапочках. Ноги еле перебирал, но спешил.

– Обожди. Пройдут машины – перейдем дорогу.

И вот мы в сквере. Он нашел скамейку и обратил своё лицо к солнцу.

– Хочется погреться, подышать. А вы как?

– Все так же. Диагноз не установили.

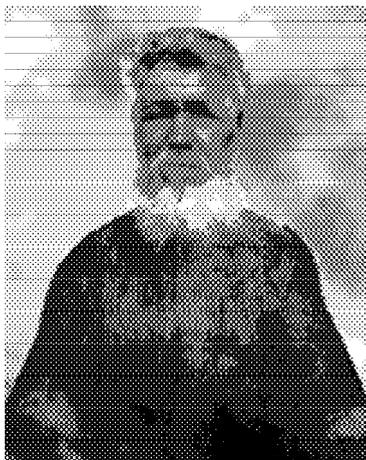
– Не унывай! Выкарабкаешься... а я посижу, погреюсь...

Мы разошлись, пожелав друг другу здоровья. Бывшие командир батареи РС-13 и командир стрелковой роты. Больше мы с ним не встречались.

Когда-то brave фронтовики, бившиеся за Отчизну, а теперь старики. Таким он мне и запомнился. Один среди снующей толпы, смотрит на осеннее неяркое, но пригревающее светило жизни. Смотрит и радуется: «Жив, жив, курилка!» А люди шли и шли туда и сюда. Некоторые с удивлением смотрели на старика-чудака в тапках. И, конечно, им и в голову никак не пришло, что этот старик-чудак был командиром стрелковой роты, водил солдат в атаку и дошел до неметчины, остался жив и живёт в Вятке.

А он смотрел на солнце, грелся... Только вот ноги... Ноги давно уже не те... Попробовал подняться и не смог. Уперся на палку – и зашаркал в обратный путь... Так время согнуло, потрепало молодых, сильных непосредственных (выдумали чиновники и газетчики слово!) участников Великой Отечественной. Да и этих согнутых временем стариков нечасто встретишь... Уходят и уходят из жизни герои Второй Мировой...

Из семейного альбома

Отец Степан Васильевич

Дом отца Степана Васильевича в Аятке

Алексей Любимов, брат. Юношеское фото, за 5 лет до войны. Погиб на Сандамирском плацдарме

Комиссар Любимов. Миасс, 1943 год

Как изум твои дела? Какое
твое здоровье? Где служба? Это
все меня страшно интересует,
но к сожалению еще не имел
хорошо и подробно рассказать об
этом от Вас по крайней мере.
А как скоро. Как когда
будет все Вае! Куда бу-
дет делов от Вае писем, а
пожалуйста счастливой встречи. Думаю
это будет совсем войне.

Привет всем знакомым на
письме от меня. Вышел он
несколько и вразумительный.

Ура за тебя и обнимаю

Александр

23.03.1917.

Герман

Урал

Свердловская обл.

д. Байкалово

Красноуфимский р-н

Госдаку

Модникова Анне

Екатеринбург

Уф. обл. Киевский адл.

с. Мажокоты

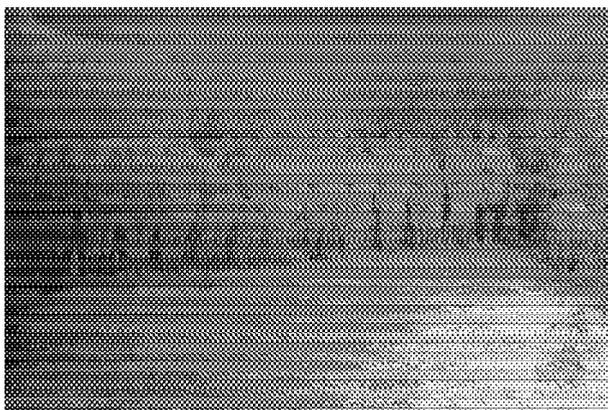
Мария Марии Ивановна

Здравствуй дорогой Сестричка Анна!
Моя мать в этот вечер 26-го года
свободно приехала и пришла доброго здоровья!
Как всегда обаятельная мать и повсюду она
защитит тебя. Но радиация и 4-ый
или 5-ый класс. Не дай тебе страшно. Буду
забыть. Вот уже более полутора
лет на колесах, устроился на завод.
Все горюхи кончились в Воронежской
на. Простая почти вся Уралом. Простая
ночь все Курганскую, Свердловскую
и всю провинцию сейчас в адрес делов
экстренно. Рабочий день проработать
Уралом. Конечно все охот и пичуги
перезабыл. Завод и села поработали.
Вот хорошие люди 2 1/2 года. Работать
каждый по своему. Моя мать не знает
Всю работу отдал от поварихи и
сейчас деловое по кафе охоты на охоту
одни. Это только с охотой. Далеко
ошел охоты. На Урале как-то
Красноуфимский провинция сейчас
Аралом. Все охоты и охоты в
машине и работю. Я от все охоты
Охот охоты по охоты. За охоты и
Охот охоты и охоты охоты по охоты.
И охот охоты, это не охоты охоты и охоты
я все охоты охоты, так охоты в охоты
Урал охоты охоты и охоты — все охоты
мы все охоты охоты. Это охоты охоты
охоты с охоты охоты. Все охоты охоты
Красноуфимский. Все охоты и охоты. И по
Этой охоты охоты охоты и охоты.

Письмо брата Алексея сестре Анне по дороге на фронт

«На память Папаше и Мамаше от зятя Семена Васильевича Савина, 29 лет, Ленинградский фронт. 8.04.44г.»

25 гвардейский дивизион на построении

Оглавление

От автора	4
Начало войны	5
Из истории гвардейских минометных частей	13
На фронт в составе 1-й Московской гвардейской дивизии (бывшей Пролетарской)	16
В боях за Штеповку и Аполлоновку	21
Отход из-под Сум	28
БИТВА ЗА МОСКВУ	30
Прибытие под Наро-Фоминск	30
Бои за Наро-Фоминск	31
Наступление	48
Москва. Бои под Жиздрой	55
Под Белёвом	62
Под Сычевкой. Ноябрь – декабрь 1942 г.	74
К истории памятной фотографии	81
1943 год. Ржев, Букань, снова Жиздра... Миасс	84
Весна 44-го. Снова в своей батарее	89
Под Витебском	92
В партизанском краю (Полоцк, Дрисна ...)	104
По Литве	112
Последний день в 25-м ГМД. Госпиталь	119
Новое назначение. В Латвию	126
В Первой ударной	129
Полковник Чумаков	138
Май – июнь 1945 г.	142
Победа	142
Трофеи	144
Радость и разочарование	145
Первые дни после войны	146
Штрихи-портреты (генерал Касперович, лейтенант Ярэма, Герштейн)	148
Три встречи с Абрамом Вайманом	153
Ташкент	155
Трагедия 33-й армии	160
Командир стрелковой роты (Пузырь)	175
Из семейного альбома	180

ЛЮБИМОВ Александр Степанович

В походах и боях

Книга печатается в авторской редакции
Корректор В.А.Любимов
Техническое редактирование и верстка *А.Р.Мосягина*

Лицензия ЛР № 66689 от 23 июня 1999 г.
Издатель Ю.А.Николаев
603073, г. Нижний Новгород, ул. Таганская, 6-29

Сдано в набор 01.08.2001. Подписано в печать 23.08.2001.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Гарнитура Балтика. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета